

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
КОМИССИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ИСТОРИИ ГРУЗИИ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ

43

ПАМЯТНИКИ
ГРУЗИНСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ

ЖИЗНЬ

ВАХТАНГА ГОРГАСАЛА

Перевод, введение и примечания

Г. В. ЦУЛАЯ

ТБИЛИСИ 1986

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Дзидзигури (*главный редактор*), М. Д. Абашидзе, З. Н. Алексидзе, Г. Н. Джибладзе, В. И. Дзидзигури, Т. С. Каухчишвили, Р. Кикнадзе (*зам. главного редактора*), Г. А. Меликишвили, Г. А. Надарейшвили, Э. В. Хоштария.

Редактор серии и тома Р. К. К И К Н А Д З Е

Рецензенты: кандидаты ист. наук Г. Г. А л а с а н и а , З. В. П а п а с к и р и

Произведение грузинского историка XI в. Джуаншера Джуаншерияни «Жизнь Вахтанга Горгасала» («Цховреба Вахтанг Горгасалиса») является одним из сложных и важных памятников средневековой грузинской литературы. В нем содержатся важные сведения, касающиеся не только Грузии, но и сопредельных с нею стран и народов

(Северного Кавказа, Армении, Кавказской Албании, Византии, Передней Азии), их участия и роли в истории Грузии и всего Закавказского региона. На русский язык переводится впервые. Публикация состоит из введения, в котором дана источниковедческая характеристика памятника, его полного перевода и примечаний.

Издательство „Мецниереба“, 1986

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Г . В . Ц у л а я . Джуаншер Джуаншерияни и его исторический труд
Д ж у а н ш е р Д ж у а н ш е р и а н и . Жизнь Вахтанга Горгасала
Примечания
Указатели
J u a n s h e r J u a n s h e r i a n i . The Life of Vakhtang Gorgasal

ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

История может рассказывать либо о каком-то более или менее продолжительном периоде времени, либо о той или иной выдающейся личности, представляющей интерес для потомков

Ф р е н с и с Б э к о н

Сочинение грузинского историка XI в. Джуаншера Джуаншерияни «Жизнь Вахтанга Горгасала» (далее: ЖВГ) входит в состав свода грузинских летописей «Картлис цховреба»¹. Оно следует за сочинениями Леонтия Мровели (жившего примерно в одно время с Джуаншером) «Жизнь картлийских царей», «Обращение Картли св. Ниной»² и является как бы их продолжением и заодно с ними условно можно считать ранним (или древним) циклом названного свода³.

Еще до революции стал очевидным анахронизмом укоренившийся среди исследователей взгляд на свод грузинских летописей, как на аморфный текст. В первом

---

¹ Картлис цховреба (История Грузии), т. I. Грузинский текст. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.). (Далее: КЦ). Истории изучения КЦ посвящена довольно обширная литература; укажем на последние публикации, включающие наиболее полную библиографию: Ш. А. Х а н т а д з е . К историкографической характеристике «Картлис цховреба». — Грузинская историография, т. 2. Тбилиси, 1971; Р. К. К и к н а д з е . Очерки по источниковедению истории Грузии. Тбилиси, 1980, с. 25—51; он же. Вопросы источниковедения истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); см. также: Г. Г. А л а с а н и а . Некоторые тенденции развития источниковедения истории Грузии в 50—70-х годах XX века. — В кн.: Источниковедческие разыскания, 1979. Тбилиси, 1984.

² См.: КЦ, I, с. 3—71, 72—138.

³ К. Н. Юзбашьяном предложено также название «Начальные грузинские летописи» (О. М. Ч у н а к о в а , К. Н. Ю з б а ш я н . Работы С. С. Какабадзе по источниковедению истории Грузии. — В кн.: Источниковедческие разыскания, 1979, с. 217, прим. 3).

же издания (1916 г.) известного своего источниковедческого труда И. А. Джавахишвили⁴ выявил в составе КЦ ряд самостоятельных памятников грузинского историописания, он же указал на необходимость отдельного издания каждого из них.

На основе внутреннего анализа различных разделов свода ныне уже более или менее индивидуализированы оставшиеся безымянными их авторы, выразившие те или иные культурно-политические тенденции своего времени и свидетельствующие о различных этапах и особенностях развития исторического мышления в средневековой Грузии. Выделены не только сочинения Леонтия Мровели, Джуаншера Джуаншерияни и Сумбата Давитис-дзе⁵, о творческом наследии которых в самом своде КЦ сохранились ориентировочные данные, но и анонимные «Летопись Картли» (XI в.)⁶, «История царя царей Давида Строителя» (XII в.)⁷, «Летопись времени Георгия Лаша» (XIII в.)⁸ и др. В ряду этих письменных памятников ЖВГ принадлежит особое место и как информативному источнику, и как произведению, дающему возможность судить о раннем периоде историописания в Грузии.

ЖВГ — сочинение многоплановое, вобравшее в себя характерные черты различных исторических эпох и литературных жанров. Условно труд Джуаншера Джуаншерияни можно разделить на следующие части, связанные в едином повествовании:

1. Сравнительно краткая преамбула, в которой говорится о предках Вахтанга («царях» Мирдате и Арчиле), в том числе и о его отце Мирдате и матери Сагдухт. Затем следует описание непосредственно жизни главного героя. Повествование об этой «жизни-истории» начинается в рассказе о драматической миссии матери Вахтанга к ее отцу Борзободу — наместнику персидского шаха в Ране и Мовакане (Древней Кавказской Албании). В этой части, написанной в исключительно субъективном тоне, безусловно, скрыт факт исполнения матерью малолетнего царевича роли не только регентши при нем, но и ее стремление присвоить себе права единоличного правления в Картли. Данный раздел завершается описанием победоносной войны, предводительствуемых повзрослевшим Вахтангом картлийцев с «овсами» (с. 139—159)⁹. Исследователи в прошлом наиболее надежную источниковую информацию в ЖВГ черпали именно в этой ее части. Не вызывает сомнения, что рассказ Джуаншера о «походах» Вахтанга на Северный Кавказ ставит целью подвести читателя к основной своей идее становления образцового в истории Картли монарха.

2. Рассказ о «походах» Вахтанга в Грецию (Византию). Вся эта часть (с. 159—179), как и следующее за нею повествование, в основном представляет гиперболизацию личности и деятельности царя.

3. По замыслу автора, к приведенной выше части примыкает повествование о войне между Персией и Картли (с. 180—204). На первый взгляд домыслы Джуаншера Джуаншерияни здесь превзошли всякие мыслимые пределы. Не случайно, что именно на эту часть ЖВГ была нацелена гиперкритика дореволюционных исследователей. В действительности сведения о «картлийско-персидских» войнах, как мы увидим ниже, носят вполне определенный смысл, изложенный в обычной для эпического повествования

⁴ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . Древнегрузинская историческая литература (изд. 4-е). — Сочинения в 12-ти томах, т. VIII. Тбилиси, 1977 (сокращенно: ДГИЛ).

⁵ См.: КЦ, т. I, с. 372—386; русские переводы: Е. С. Т а к а й ш в и л и . Источники грузинских летописей. II. Жизнь и известие о Багратидах..., которое написал Сумбат, сын Давида. — СМОМПК, вып. 28. Тифлис, 1900, с. 117—182; С у м б а т Д а в и т и с - д з е . История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечание М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979 (там же библиография). См. также: И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 195—197.

⁶ КЦ, I, с. 249—317; русские переводы: Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечания М. Д. Л о р д к и п а н и д з е . Тбилиси, 1976; Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.

⁷ КЦ, I, с. 318—364.

⁸ Там же, с. 365—371

⁹ В текстах Введения и примечаний дана нумерация страниц в соответствии с пагинацией в изданном С. Г. Каухчишвили своде КЦ.

манере. Здесь приведены отдельные моменты, касающиеся общих историко-культурных тенденций, дана трактовка различных богословских проблем, говорится о церковной организации, исторических лицах, даны сведения по исторической географии и т. д. Тем самым летописец расширяет наши представления о скудном первоисточниками периоде истории Грузии раннего средневековья. Поэтому вполне понятно то сожаление, которое до сих пор высказывают исследователи в связи с отсутствием сколько-нибудь удовлетворительного анализа как начальной части КЦ, так и сочинения Джуаншера Джуаншериани в частности.

По научно обоснованному мнению, история средневековой грузинской литературы делится на четыре периода, каждый из которых соответствует определенному уровню феодальной формации в Грузии¹⁰. Согласно этой точке зрения, первый период совпадает со становлением раннефеодальных отношений и зарождением письменной культуры в Грузии в V в. и завершается в 80-х гг. X в. Это был период, когда в Картли (Восточная Грузия) в русле «восточного христианства»¹¹ шел процесс накопления исторических знаний и их приспособления к культурно-политическим запросам развивающейся феодальной грузинской народности. В этот же период были созданы многочисленные произведения раннесредневековой Грузии, имеющие важное источниковое значение для уяснения общественного развития и идеологической ситуации на христианском Востоке. И, несмотря на то, что большая часть письменных памятников этого периода была уничтожена как в процессе иноземных нашествий и погромов, так и в ходе ожесточенных внутренних неурядиц, дошедшие до нас произведения воссоздают довольно красноречивую картину кипучей общественной жизни и культурного строительства в Грузии той эпохи.

Как говорят факты, эволюция исторического жанра в Грузии хронологически не совпадает с установленной К. С. Кекелидзе периодизацией истории грузинской литературы в целом. Очевидно, что здесь необходимы свои критерии.

Сохранились данные, свидетельствующие если не о зарождении исторического жанра в Грузии, то, по крайней мере, о раннем его этапе. Об этом, в частности, указано в «Обращении Картли». Так, в Челишской его редакции (XIV в.) в описании крестовоздвижения во Мцхете в пору проповеднической деятельности Нины, говорится, что об этом кратко писано неким Григолом Диаконом «в книге об обращении Картли»¹². Как отметил еще К. С. Кекелидзе, названный Григол Дьякон должен быть автором описания «воздвижения Креста» во Мцхете и представляющего собой 14-ю главу «Обращения Картли» в «Шатбердском сборнике» (X в.)¹³. И этого Григола Дьякона К. С. Кекелидзе считал «первым грузинским историком в полном смысле этого слова» и по данным различных историко-литературных реалий установил, что он жил не ранее первой половины VIII в.¹⁴.

Завершающий этап раннего периода развития исторического жанра в Грузии представлен КЦ и, прежде всего сочинениями Леонтия Мровели и Джуаншера Джуаншериани.

---

¹⁰ См. К. С. К е к е л и д з е . История грузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1960, с. 42—79 (на груз. яз.). В основу своей периодизации ученый ставит принцип социально-экономического развития:

1. Раннефеодальный период (V—X вв.); 2. Период развитого феодализма и расцвета средневековой грузинской монархии (80-е гг. X—XIII вв.). 3. Период кризиса феодальных отношений (вторая половина XIII — начало XVI в.); 4. Начало XVI — 20-е гг. XIX в. Об этапах эволюции феодальной формации в Грузии см. сб.: Периодизация истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

¹¹ См. К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 43.

¹² См. Е. С. Т а к а й ш в и л и . Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузин, т. II, Тифлис, 1906, с. 714.

¹³ См. Шатбердский сборник X века. Тбилиси, 1979, с. 350 (на древнегруз. яз.).

¹⁴ К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 127—128. В качестве отправного момента для такой датировки ученый считал внесение в грузинский перевод «Иерусалимского Канонаря» (осуществлен в середине VIII в.) празднования дня Мцхетского Креста — Джвари (см. также: К. С. К е к е л и д з е . Иерусалимский Канонарь. Тифлис, 1912).

Жанровая особенность ЖВГ в принципе заключается в том, что она написана в ключе агиографических канонов и это выразилось не только формально, в частности, в применении Джуаншером для определения своего труда чисто житийного наименования *ц х о в р е б а* («жизнь», «житие») в значении истории¹⁵ (хотя и данный факт можно считать немаловажным аргументом). Сам характер джуаншеровского повествования во многом роднит его сочинение с агиографической литературой. Эта особенность исторического повествования в Грузии, письменно впервые оформленная в «Обращении Картли» (ср. «Житие св. Нины» — «Цховреба цмидиса Нинойси» — затем метафризированное Леонтием Мровели и внесенное в свод КЦ), в ЖВГ достигает своего расцвета и на ней фактически завершается. Уже первые после ЖВГ сочинения в своде КЦ свидетельствуют об иных принципах фиксации исторического материала. Создаются исторические повествования в тесном (для средневековья) смысле данного понятия, а потому и сам жанр приобретает новые наименования: *матриане* — «летопись», «история» — груз. *история* и др.

Время жизни и деятельности Джуаншера Джуаншеряни — XI в. — было периодом, когда феодальные отношения, пустившие глубокие корни в центральных областях Грузии, проникли и в обширную горную периферию¹⁶. Сложное культурно-политическое движение в XI в. подходило к своему логическому этапу — объединению разрозненных феодальных княжеств в единое государство; более или менее полно были определены политические границы средневекового Грузинского царства; накопления в различных областях материальной и духовной деятельности уже имели многовековую историю; в новую фазу вступила эволюция самосознания многоплеменной грузинской народности, сформировалось сознание принадлежности к определенной этнической общности; монолитность ее, мыслимая в условиях феодальной формации, стала основой того, что к X—XI вв. грузинский язык сделался основным языком широких коммуникаций между жителями различных исторических областей страны¹⁷.

В ходе объединения Грузии, в результате которого она превратилась в важную политическую силу своего времени¹⁸, заметную роль играли различные племена и народы Кавказа. Их феодальная и аристократическая верхушка нередко выступала со своими претензиями на главенство в Грузии и через нее на всем Кавказе, так как сам объединительный процесс в Грузии носил черты общекавказского движения. К XI в. участие иноэтнических элементов в истории политического движения в Грузии насчитывало уже не одно столетие¹⁹ и это обстоятельство, естественно, отразилось на страницах ЖВГ, как и всего свода КЦ в целом. Кроме различных указаний о хозяйственном и духовном сотрудничестве народов Кавказа, в нем прослеживается и специфика их внутренних конфликтов. Исследователи обратили внимание на особенность подхода авторов раннего цикла КЦ к оценке происходивших на территории Кавказа

---

¹⁵ О генетической зависимости исторического жанра в Грузии от местной житийной литературы см.: И. А. Джавახишвили. ДГИЛ, с. 27—28. Очерки истории Грузии, т. II. Тбилиси, 1973, с. 592 и др. (на груз. яз.); М. Д. Лордкипанидзе. Грузинская историческая литература раннефеодальной эпохи. Тбилиси, 1979, с. 7 и сл. (на груз. яз.).

¹⁶ См. Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Очерки истории Грузии, т. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); А. П. Новосельцев. Генезис феодализма в странах Закавказского региона. М., 1980.

¹⁷ Г. А. Меликишвили. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. М., 1973, с. 10 — 11.

¹⁸ См. М. Д. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); В. Т. Папуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 65, 83 и др.; З. В. Папаскири. К вопросу о международной роли Грузии в XI — первой половине XII в. — Проблемы истории СССР, вып. 5, М., 1976, с. 115—128; он же. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982.

¹⁹ З. Ш. Дидебулидзе. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья в X—XII вв. Тбилиси, 1983.

бесконечных войн. Это, главным образом, «войны между народами Кавказа и войны с иноземцами. Иноземный враг ставит целью разорение, наложение дани, порабощение и ликвидацию страны. Войны между кавказскими народами — это преимущественно *войны домашние*, исход которых предполагает не завоевание и порабощение, а объединение родственных народов под гегемонией того или иного участника»²⁰.

Самосознание Джуаншера определяется вероисповедно и этнически: он христианин и грузин в широком смысле этого термина. В ЖВГ мы фактически впервые встречаемся с терминами *Картли и картвели*, которые в ряде случаев надо воспринимать не в значении Восточной Грузии и ее жителя, как это имеет место в сочинении Леонтия Мровели²¹ (хотя и в произведении Джуаншера данное значение пока еще преобладает), а соответственно *Грузия и грузин* в широком смысле этих понятий²², что и соблюдено в нашем переводе (см. примеч. 96).

Образ Вахтанга Горгасала в том объеме, в каком он представлен в посвященном ему произведении, является продуктом исторической аберрации автора XI в. Однако источники свидетельствуют, что для идеализации Вахтанга Горгасала имелись и реальные основания. Не случайно, что в «Обращении Картли» Вахтангу Горгасалу уделено внимания более, чем кому-либо из его предшественников и преемников и назван он, как никто другой из них, *великим*, и само имя которого стало символом грузинских Багратидов, орифламма которых так и именовалась *Горгаслиани* — «Горгасалово (знамя)».

В специальной литературе принято считать, что идеализация личности Вахтанга Горгасала — это отражение фольклорных сюжетов, якобы имевших хождение в грузинском народе и систематизированных автором «биографии» картлийского царя, придавшим им источниковый характер²³. Высказывается даже мнение, к сожалению, без каких-либо доказательств, чисто умозрительно, что в основу сочинения Джуаншера Джуаншериани легла «хроника», написанная современником самого Горгасала и лишь затем — в XI в. — расширенная автором ЖВГ за счет фольклорных сказаний о знаменитом картлийском царе²⁴.

Прежде всего отметим, что грузинскому фольклору неизвестен эпический цикл, посвященный Вахтангу Горгасалу²⁵. Однако вопрос об эпическом характере образа

²⁰ Н. А. Б е р д з е н и ш в и л и . О грузинской историографии. — Вопросы истории Грузии, т. III. Тбилиси, 1966, с. 329, на груз. яз. (Далее: ВИГ, с указанием тома и выходных данных).

²¹ М р о в е л и Л е о н т и . Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегрузинского, предисловие и примечания Г. В. Цулая. М., 1979, с. 6, 40.

²² Вместе с тем понятие Картли в труде Джуаншера порой столь многозначно, что конкретизация его во всех случаях представляет немалые сложности. В этом обстоятельстве отражен этап дальнейшего расширения термина *Картли*, все теснее включавшего в себе картвельские этно-территориальные единицы. Как известно, наиболее полно обобщающий характер вышеприведенные термины приобрели на рубеже XI — XII вв., в эпоху правления Давида Строителя (1089—1125), когда в местных письменных источниках получило распространение собственно грузинское название Грузии — *Сакартвело* (см. Н. А. Б е р д з е н и ш в и л и . К вопросу об этническом развитии грузинского народа. — ВИГ, VIII. Тбилиси, 1975, с. 357 и сл. (на груз. яз.). Встречающийся в выделенной нами из свода КЦ (об этом см. ниже) «Исторической хронике» Псевдо-Джуаншера» (с. 236) этот термин вряд ли аутентичен и представляет собой не более, чем интерполяцию.

²³ См. А. А. Б о г в е р а д з е . Политическое и социально-экономическое развитие Картли в IV — VIII вв. Тбилиси, 1979, с. 38 (на груз. яз.). Автор уверенно пишет, что в ЖВГ зафиксированы со временем модифицированные сказания о Горгасале (там же, с. 40).

²⁴ См. В. И. Г о л а д з е . Вахтанг Горгасал и его историк. — Журн. «Мнатоби», 1983, № 11, с. 153 (на груз. яз.). Фактически это является гальванизацией устаревшей идеи Ф. Д. Жордания, высказавшего убеждение об авторе ЖВГ как современнике и даже очевидце описанных в ней событий (см. Ф. Ж о р д а н и а . Хроники, т. I. Тифлис, 1892, с. XXXIV, на груз. яз.). Это мнение, ввиду его беспочвенности, не разделял почти никто и потому не видим необходимости в его опровержении.

²⁵ Обычно ссылаются на известное народное шестистишие: «Бог возлюбил царя Вахтанга, // Он услышал небесный звон//. Ступил он ногою на Эльбрус. // И содрогнулись великие горы//. Вторгся он в Овсети, // Прогнал черкесов//. — Не должно быть сомнения, что этот фольклорный мотив не имеет отношения к

Вахтанга Горгасала этим не снимается, но, по нашему мнению, он должен решаться в ином плане.

Нет нужды доказывать развитость эпического жанра в древней и средневековой Грузии. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники грузинского фольклора²⁶. Но эпические традиции жили не только в фольклоре. Они влияли (особенно в ранний период средневекового историознания) на индивидуальное творчество историков, порой описывавших реальные события и героев в эпически расцвеченном стиле. Надо думать, что эта закономерность и отразилась в творчестве Джуаншера Джуаншеридзе, придавшего значительной части своего произведения характер эпического повествования.

Для Джуаншера важно было найти такую личность, которая соответствовала бы идеалам его времени — эпохе торжества феодальных отношений, христианской идеологии и культуры. В Грузии и до второй половины V в. таких личностей было достаточно, историк располагал довольно широким выбором, взять хотя бы то первого «христианского царя» Картли Мириана (первая треть IV в.), которого грузинская историческая традиция особо выделила из среды местных династов, восторженно отозвавшись о его деятельности и даже окружив ореолом святости. Но историзм автора ЖВГ выразился прежде всего в выборе эпохи.

Описанный в ЖВГ хронологический отрезок занимает особое место в истории народов Кавказа²⁷. Вступая в полосу внутренних социально-экономических преобразований, они теснее, чем когда-либо до того, вовлекались в орбиту активных международных отношений.

В Закавказье в эту эпоху сложились основы социальных отношений и духовных ценностей, определивших историческую перспективу местных народов, и вполне очевидно, что автор ЖВГ по-своему трактует преемственность Грузии XI в. с известным ему средневековым миром.

Хотя Грузия и до периода правления Вахтанга Горгасала достигала высокого уровня развития²⁸, но те основы общественного уклада, которые определили исторический прогресс, складывавшейся феодальной грузинской народности и государственности, ее культурный потенциал и критерии духовного развития были сформированы именно в период правления последнего могущественного царя из династии Фарнавазидов, возросла внутри- и внешнеполитическая активность деятелей Картлийского царства. С ростом личной инициативы Вахтанга в Грузии ожесточается борьба между светской властью и духовенством. Автор ЖВГ, которому некоторые исследователи в прошлом приписывали собственное незнание логики исторического процесса в Грузии в раннем средневековье, свидетельствует о том, что успешная борьба против внешней идеологической экспансии (в особенности маздеизма) привела к экономическому усилению местных христианских иерархов. Но вместе с тем анализ сведений Джуаншера приводит к заключению, что картлийское духовенство не оказалось способным возглавить процесс реставрации Картлийского царства.

Грузия находилась в орбите различных, взаимно враждебных и с годами все более ожесточавшихся религиозных течений на христианском Востоке. Великие державы обычно облекали в оболочку господствующей религии свои захватнические планы. В

тексту ЖВГ и является поздним отражением в народном творчестве героизированного образа картлийского царя. Вместе с тем любопытно упоминание черкесов, которые композиционно должны соответствовать уже напрочь забытым в народной памяти «хазарам» ЖВГ.

²⁶ См. М. Я. Ч и к о в а н и . История грузинской народной словесности. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.);

Эпические жанры. Грузинский фольклор, т. X. Материалы и исследования. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

²⁷ См.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 242 и др.; Очерки истории Грузии, т. II. Тбилиси, 1973, с. 90—107 (на груз. яз.); М. Д. Л о р д к и п а н и д з е . Картли во второй половине V в. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); А. А. Б о г в е р а д з е . Политическое и социально-экономическое развитие Картли IV—VIII вв.

²⁸ См.: Г. А. М е л и к и ш в и л и . К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 337 и сл. (Далее: ИДГ);

Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970, с. 510 и сл. (на груз. яз.); Н. Ю. Л о м о у р и . Очерки истории Картлийского (Иберийского) царства в III — начале IV в. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

таких условиях, естественно, требовалась централизация власти, чему, как о том свидетельствует Джуаншер, прежде всего мешало духовенство, пока еще не достаточно организованное, хотя экономически довольно сильное. Именно этим обстоятельством следует объяснить драматический конфликт между Вахтангом и главой картлийского духовенства Микаэлом (с. 196—197)²⁹.

Поражение духовенства в борьбе со светской властью, которой тем не менее и впоследствии в течение нескольких веков неоднократно приходилось подтверждать свой приоритет, в конечном счете и явилось причиной того, что в Грузии еретические движения внутри местных христиан в целом не находили надежного поприща³⁰ и автор ЖВГ дает об этом первое, пусть побочное, но надежное сведение. Царская власть в Картли искусно использовала внутренние религиозные распри. Наиболее выразительным фактом в этом отношении был смелый демарш Горгасала против сасанидского владычества и его расправа над могущественным ренегатом Варскеном³¹ — картлийским питиахшем, волевым проводником политики шахиншахов не только в Картли, но и в прилегающих областях Кавказской Албании, — факт, описанный в первом, дошедшем до наших дней, грузинском произведении «Мученичество св. Шушаник» Якова Цуртавели (V в.). Это событие имело место примерно в начале 80-х гг. V в. и послужило призывом к антииранскому восстанию по всему Закавказью в 482 — 484 гг. О событиях, связанных с подвигом Шушаник (супруги Варскена, представительницы знаменитой армянской фамилии Мамиконянов, выходцев из картвельского племени чанов³²), известно также по сочинению современников армянского историка Лазаря Фарпеци³³. В своде КЦ в описании этого события допущен анахронизм: время мученичества Шушаник отнесено к периоду правления в Грузии одного из преемников Горгасала — Бакура II; годы его правления точно не установлены, но они должны падать на время до упразднения в 30-х гг. V в. в Картли института царства. Это был период, когда в сасанидском Иране имели место существенные трудности, вынудившие его правителей сделать ряд тактических уступок в отношении стран Закавказского региона³⁴, что своеобразно отмечено и в «Исторической хронике» Псевдо-Джуаншера (с. 217—218).

Источниковые материалы свидетельствуют о проникновении культа Вахтанга Горгасала в различные слои грузинского общества. В IX в. этот культ достиг высокого уровня. Кроме уже указанного свидетельства об этом в «Обращении Картли», о том же говорится и в метафразированном католикосом Арсением (860 — 887) «Житии св. Нины», в котором Горгасал изображен царем, обладавшим выдающимися качествами и указывается на его могилу «перед Светицховели», на которой был выведен «образ его равновеликий»³⁵.

²⁹ З. Н. А л е к с и д з е . Относительно конфликта между Вахтангом Горгасалом и архиепископом Микаэлом. — В кн.: Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976, с. 103 и др. (на груз. яз.). Автор впервые и убедительно увязывал конфликт между духовенством и светской властью в Картли с проблемами экономического порядка.

³⁰ Естественно, это отнюдь не значит, что грузинская церковь была свободна от проблем борьбы с еретическими выступлениями. Достаточно указать хотя бы на наличие в грузинском языке специальных терминов, свидетельствующих о существовании в Грузии ересей, не говоря уж о достаточном фонде полемической и апокрифической литературы как оригинальной, так и особенно переводной, посвященной борьбе за «чистоту» канонизированных догматов. Наш источник свидетельствует, насколько эта проблема была актуальна в раннем средневековье (см. И. А. Д ж а в а х и ш в и л и (Д ж а в а х о в) . Материалы для истории грузинской патриотической литературы. — «Христианский Восток», т. I, вып. I. СПб., 1912, с. 9 — 10 и др.; К. С. К е к е л и д з е . История грузинской литературы, I, с. 429 и сл.).

³¹ О нем см.: Н. С. Д ж а н а ш и а . Персонажи «Мученичества Шушаник», — Журн. «Мнатоби». Тбилиси, 1983, № 9, с. 109 и сл. (на груз. яз.).

³² См. Н. А д о н ц . Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, с. 402 и сл. Н. С. Джанашиа. «Мученичество Шушаник». Историко-источниковедческое исследование, т. I. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

³³ Л а з а р Ф а р п е ц и . История Армении (изд. Б. Улубаяна). Ереван, 1982, с. 287 (на арм. яз.).

³⁴ Ср. М. М. Д ъ я к о н о в . Очерк истории Древнего Ирана, с. 306 — 307.

³⁵ См. об этом: И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1960, с. 241—242 (на груз. яз.).

Источниковедческие проблемы ЖВГ все еще не решены с необходимой полнотой. Трудности обусловлены сложностью начального этапа развития грузинской исторической литературы, определения разнохарактерного состава древнего цикла свода КЦ, времени создания его составных частей, их атрибуции и т. д. Высказанное еще в прошлом веке мнение о том, что автор грузинской хроники не мог пользоваться какими-либо источниками, ввиду якобы «отсутствия» таковых в Грузии, как известно, уже тогда было опровергнуто³⁶. Даже И. А. Джавахишвили и К. С. Кекелидзе, скептическое отношение которых к сочинениям Леонтия Мровели и Джуаншера как к историческим источникам общеизвестно, в свое время были вынуждены признать довольно разнообразную их источниковую базу. Подвергнуто коренному пересмотру мнение о том, что ЖВГ «более походит на сказку, нежели на историю, это скорее фольклорная героика, чем достоверный и надежный документ»³⁷.

Ныне выработаны несравненно более совершенные методы и приемы прочтения даже наиболее «туманных» текстов средневекового летописания. Что же касается ЖВГ, то к ней вполне применимы мнения советских историков о том, что современное источниковедение непременно должно учитывать «возможность косвенного использования источников, чья неточность и недостоверность тоже отражают исторические явления времени их создания. Задача историка — не «осуждение» и не «защита» источника, а, прежде всего установление того, что он представляет собой, и какие вопросы перед ним могут быть поставлены»³⁸.

Одной из наиболее сложных проблем, связанных с исследованием текста ЖВГ, является его атрибуция. Эта проблема вобрала в себя практически все основные вопросы, связанные как с определением объема каждого из сочинений, составивших ранний цикл КЦ, так и выяснением особенностей эволюции исторического жанра в раннефеодальной Грузии и характеристикой эпох, в которую жил и о которой писал автор ЖВГ.

Сведения о личности Джуаншера Джуаншериани, сохранившиеся в поздних приписках к ЖВГ (подробнее о них см. ниже), предельно малочисленны и неопределенны. Так, в одной из них говорится, что написавший историю царя Вахтанга Горгасала Джуаншер «был супругом племянницы (дословно: «дочери брата») святого царя Арчила»³⁹, т. е. жил в VIII в. Дезинформативность этого сообщения, имеющего значение лишь для уяснения неосведомленности какого-то из редакторов КЦ, давно отмечена исследователями, указавшими на ряд исторических реалий, которых автор VIII в. не мог знать⁴⁰.

И. А. Джавахишвили был склонен считать, хотя и с некоторыми существенными оговорками, автором ЖВГ некоего Иллариона Джуаншера, подвизавшегося в грузинском монастыре на Афоне и о котором в одном из источников упоминается в связи с известной евангельской сентенцией: «Говорил отец Илларион Джуаншеру: «Следует человеку прежде вынуть бревно из глаза своего, а затем видеть сучек в глазе брата своего». А посеуму не дерзал я обличать ближнего, ибо сам я бесчинен»⁴¹.

³⁶ См. В с . Ф . М и л л е р . Осетинские этюды, т. III. М., 1887, с. 15 и сл.; Д. З. Б а к р а д з е . К. П. Патканов и источники по истории Грузии. — Журн. «Ивериа», № 7—8 (на груз. яз.); см. также: Г. В. Ц у л а я . Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера. — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. VIII. М., 1978, с. 54 и сл.

³⁷ А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 192. См. также К. С. К е к е л и д з е . Историк Вахтанга Горгасала и его история. — Этюды, IV, с. 187—199 (на груз. яз.).

³⁸ Я. С. Л у р ь е . О так называемой «презумпции невиновности» источника. См. также: Л. Н. П у ш к а р е в . Диалектическое единство объективного и субъективного в определении исторического источника. — В кн.: Источниковедческие разыскания, 1979. с. 166—167.

³⁹ КЦ, I, с. 248.

⁴⁰ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 189.

⁴¹ Там же, с. 191; Н. Я. М а р р . Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера. — ЗВОРАО, т. XIII. СПб., 1901, с. 15. Следует отметить, что Н. Я. Марр не ставил упомянутого здесь Иллариона Джуаншера в связь с автором ЖВГ.

К. С. Кекелидзе, считавший Джуаншера Джуаншерияни автором той части КЦ, которая включает описание событий с VI в. до начала периода правления в Грузии «царя абхазов и картлийцев» Георгия II (1072—1089), также склонялся к мысли об идентичности Иллариона Джуаншера с ныне признанным автором ЖВГ⁴².

Такие колебания в данном вопросе вполне объяснимы — информация соответствующего источника менее чем недостаточна, она, скорее всего, свидетельствует о популярности имени Джуаншер в средневековой Грузии, нежели об авторстве Иллариона какой бы то ни было части свода КЦ.

Отметим также высказанную К. С. Кекелидзе гипотезу, согласно которой сочинителем жизнеописания Вахтанга Горгасала мог быть Яков Цуртавели (создатель «Мученичества Шушаник»), и этим «несохранившимся» описанием подвигов картлийского царя мог воспользоваться автор ЖВГ⁴³. Произвольность этого мнения вполне очевидна, а такого анахронизма, как включение рассказа о мученичестве Шушаник в «Историческую хронику» Псевдо-Джуаншера вполне достаточно, чтобы навсегда отказаться от этого мнения, которое К. С. Кекелидзе, кстати, больше нигде не повторял⁴⁴.

Такой эрудированный исследователь истории грузинского народа, как Н. А. Бердзенишвили, в написанном им разделе коллективного труда по истории Грузии⁴⁵ вообще не упомянул Джуаншера Джуаншерияни, а в одном из посмертно опубликованных работ он даже категорически заметил: «Джуаншер — это тот же Леонтий»⁴⁶.

Исследователи, анализирувавшие текст ЖВГ, как мы уже писали с самого же начала, разделились на две группы. Сторонники критического мнения, исходя из неадекватности изображенного Джуаншером образа картлийского царя с тем, что было о нем известно по другим источникам, признанным более достоверными, отказывали его сочинению в какой-либо нарративной ценности. Сторонники позитивного мнения, наоборот, доверчиво относились к повествованию Джуаншера, даже в домыслах которого были склонны видеть одни лишь реалистические сведения об описываемой им эпохе. Излишне доказывать, что все эти субъективные оценки были обусловлены пока еще недостаточно четко определившимися методами источниковедческих приемов.

Уровень развития современного грузинского источниковедения позволяет не только отделить исторически реальные сведения в ЖВГ от авторского домысла, на который Джуаншер оказался столь способным, но и объяснить его характер и направленность. В результате выясняется, что домыслы Джуаншера сами представляют свидетельства с вполне запрограммированной тенденцией и ввиду этого ценность их для исторической характеристики целого ряда фактов раннесредневековой Грузии очевидна.

В архаических списках КЦ («Список царицы Анны» — XV в.; «Список царицы Марии» — середина XVII в.), как мы выше писали, ЖВГ была сверстана с остальными сочинениями и превращена в один из разделов непрерывного повествования. Но, несмотря на старания, составителям и переписчикам КЦ так и не удалось до конца унифицировать весь текст свода (да и строго ли они к этому стремились?); в нем

---

⁴² К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. II, с. 260.

⁴³ См. К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I, с. 115, примеч. 3.

⁴⁴ Сегодня эту мысль, надо думать, безуспешно, попытался возродить В. Гоиладзе (указ. соч., с. 157, примеч.).

⁴⁵ Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, М. К. Думбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхиа. История Грузии, т. I. С древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Тбилиси, 1962, с. 156. См. также: Р. К. Кикнадзе. Вопросы источниковедения истории Грузии, I, с. 13.

⁴⁶ Н. А. Бердзенишвили (Джуаншер). — ВИГ, IX. Тбилиси, 1979. с. 23 (на груз. яз.). Очевидно, Н. А. Бердзенишвили так и не определил до конца своего отношения к вопросу об авторстве Джуаншера Джуаншерияни, хотя в ряде других незавершенных (также посмертно опубликованных) работ он все-таки склонен был (хотя и не категорически) считать его автором ЖВГ (см. Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, VII, с. 45, 92, 204 и др.; также: ВИГ, VIII, с. 551 м др., где автор уже более определенно индивидуализирует двух этих грузинских историков; см. также: Р. К. Кикнадзе. Очерки по источниковедению, с. 28 и др.).

сохранились не одни только формальные (языковые, стилистические и др.) особенности созданных отдельными авторами сочинений, — прослеживаются также различия и по существу — в отражении общественной идеологии, оценке целого ряда событий, отдельных фактов, исторических лиц и т. д.

Одним из важных вопросов, связанных с изучением текста древнего цикла КЦ, является определение объема ЖВГ. С этим вопросом связана также проблема выделения из КЦ некоторых других памятников грузинской исторической литературы.

В конце начальной части КЦ, как мы уже упоминали, сохранились две приписки, хотя и подытоживающие процесс ее создания, но, тем не менее, взаимно не согласующиеся ни по содержанию, ни по расположению в самом тексте свода. Одна из них следует сразу же после труда Джуаншера и гласит: «Сие мученичество Арчила и жизнь царей, и обращение Картли Ниной описал Леонтий Мровели»⁴⁷, а в «Списке царицы Марии» добавлено, что «в оригинале было (написано именно) так»⁴⁸. По какой-то невыясненной причине «Мученичество Арчила»⁴⁹ следует за этой припиской, а после названного мартиролога появляется другая приписка, имеющая мало общего с первой: «А книга сия об истории грузин (*цигни эсэ картвелта цховребиса*) до Вахтанга (— до ЖВГ. — Г. Ц.) писалась повременно (*жамити-жамад*). А от (времени) царя Вахтанга до сих пор описал Джуаншер Джуаншеряни — муж племянницы (—дочери брата) святого Арчила, из рода Рева — сына Мириана»⁵⁰. Примерно также, но не более ясно, говорится и в древнеармянской версии КЦ, в которой вслед за кратким повествованием о подвиге царя Арчила сказано: «Была найдена история краткая сия в смутное время и вставлена в книгу, которую называют Картлис цховрепа (цховреба), то есть История Картла (Картли), и нашел ее Джуаншер, написанную до (жизнеописания) царя Вахтанга, а до сей поры добавил сам Джуаншер, а что будет с грядущим, он предоставил написать очевидцам, которые случатся (в будущие) времена»⁵¹.

Несмотря на то, что вышеприведенные приписки в научной литературе неоднократно комментировались, исследователи вынуждены признать, что здесь «остаётся ещё много неясностей»⁵². Эти неясности, по словам Г. А. Меликишвили, заключаются в том, что утверждение об авторстве Леонтия Мровели приписано к концу творения Джуаншера, а сообщение, что «книгу сию истории грузин... от (времени) царя Вахтанга до сих пор описал Джуаншер Джуаншеряни...» и т. д. — помещено вслед за повествованием о грузинском деятеле VIII в. Арчиле, хотя принадлежит оно Леонтию Мровели. Все эти несуразности, замечает Г. А. Меликишвили, вызваны вмешательством средневековых редакторов в свод КЦ⁵³. Мы думаем, что и для последних, очевидно, не все было ясно в данном вопросе и не потому ли была вставлена вышеуказанная глосса в «Список царицы Марии»?

Естественно, что решение вопроса атрибуции ЖВГ не должно замыкаться в интерпретации исключительно лишь приведенных приписок, но, как показал исследовательский опыт, такая операция тем не менее является необходимой.

Впервые попытку внести ясность в названные приписки предпринял И. А. Джавахишвили, которому принадлежит установление ныне принятого объема ЖВГ. Он, в частности, писал, основываясь на той из приписок, в которой упомянут Джуаншер Джуаншеряни, что именно последний должен быть автором жизнеописания Вахтанга

⁴⁷ КЦ, I, с. 224; по «Списку царицы Анны», с. 156.

⁴⁸ Список царицы Марии, с. 211.

⁴⁹ КЦ, I, с. 245—248. Русский перевод: Летопись Картли (изд. Г. В. Цулая), с. 41—43.

⁵⁰ КЦ, I, с. 248.

⁵¹ Древнеармянский перевод грузинских хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953, с. 207—208 (на груз. яз.); М р о в е л и Л е о н т и . Жизнь Картлийских царей, с. 15—16.

⁵² Г. А. М е л и к и ш в и л и . ИДГ, с. 30.

⁵³ Там же. Ср. А. В. Г а д л о . Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1973, с. 45 и сл.

Горгасала и его преемников⁵⁴. Отметим, что в своем заключении И. А. Джавахишвили отвел место и полному названию труда Джуаншера: «Жизнь и подвизание родителей Вахтанга Горгасала, а затем и собственно его — великого и боголюбивого царя, который более всех прочих царей картлийских явил нам славу имени своего». И вместе с тем вполне очевидно, что И. А. Джавахишвили не обратил внимания на смысловую несогласованность обеих приписок в целом с заголовком труда Джуаншера Джуаншерияни. Авторство Джуаншера всего последующего за описанием смерти (гибели) Горгасала, текста, включая описание «жизни» его преемников и нашествия арабов на Грузию, согласно указанным припискам, устанавливается не более чем условно. Зато заголовок ЖВГ строго ограничивается лишь периодом деятельности Горгасала и его родителей. Здесь же следует отметить, что не заголовок отражает содержание труда Джуаншера, но, наоборот, лишь первоначальный текст ЖВГ мог дать повод для составления традиционно установившегося ее названия. На вероятный вопрос — какому из указанных маргиналий следует отдать предпочтение, как надежному источнику, мы положительно указываем на *заголовок*. Он составлен без внутренних противоречий, чувствуется уверенность его автора и реальная оценка имевшегося в его распоряжении текста.

Говорить об аутентичности заголовка ЖВГ в своде КЦ, так же как и об аутентичности приписок, не приходится: они, скорее всего, принадлежат переписчикам или составителям свода и ввиду их принципиальной неадекватности — разным.

Мнение К. С. Кекелидзе (изложенное им в уже цитированной нами работе)⁵⁵ относительно значения приведенных приписок сводится к следующему: 1. Обе приписки о Леонтии и Джуаншере ввиду их противоречивости и неопределенности практически не могут быть использованы для выяснения объема приписываемых этим авторам сочинений; они свидетельствуют лишь о том, что вся начальная часть КЦ писалась в «разное время» и именно так и следует понимать, в частности, смысл имеющегося в приписке выражения *жамити-жамад агицеребода*. 2. ЖВГ написана не Джуаншером Джуаншерияни, как это было принято считать до сих пор, а Леонтием Мровели, автором «Жизни картлийских царей», и является неотъемлемой частью последней. Доказательством тому, по предположению К. С. Кекелидзе (кстати, на своем мнении он не настаивал категорически), может быть заявление самого Мровели описать жизнь картлийских царей спервоначала и до упразднения персами института царства в Грузии в 30-х гг. VI в. 3. Слова о том, что книга «об истории грузин до Вахтанга писалась повременно. А от (времени) царя Вахтанга до сих пор описал Джуаншер Джуаншерияни», по предположению К. С. Кекелидзе, должны значить — до жизнеописания Вахтанга включительно⁵⁶. Об этом же якобы свидетельствуют и такие моменты, как общность литературных источников и метод их использования в обоих сочинениях.

Нам представляется несоответствующим действительности мнение К. С. Кекелидзе относительно процесса составления «Жизни картлийских царей» (с включением в нее ныне принятого объема ЖВГ). Вообще непонятно, что имел в виду ученый, утверждая, что «Жизнь картлийских царей» писалась «в разное время». Практика писания какой-либо «истории» «в разное время» в средневековом грузинском историописании неизвестна, так же как неизвестно, чтобы какой-либо хронист или историк написал свое сочинение «в

---

⁵⁴ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 189. 22

⁵⁵ К. С. К е к е л и д з е . Историк Вахтанга Горгасала и его история. (Названная статья, впервые опубликованная в качестве дискуссионной в грузинском сборнике «Наша наука», № 4. Тбилиси, 1928, до сих пор оказывает влияние на некоторых историков и источниковедов истории Грузии).

⁵⁶ К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 189. Вместе с тем ученый не отрицал, что приведенные слова можно трактовать и в ином смысле, в частности, так как их понимал И. А. Джавахишвили, считавший фразу «а от (времени) Вахтанга до сих пор описал Джуаншер Джуаншерияни» указанием на то, что Джуаншер в своем произведении описал: время «включительно от Вахтанга» (см И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 189).

один присест»⁵⁷. Очевидно, что само понятие *жамити-жамад агицеребода* многозначительно, оно могло включать в себя, во-первых, историю создания древнего цикла КЦ, который переписывался, действительно, неоднократно и «в разные времена» (ведь известно, что в древнегрузинском слово *агицеребода* одновременно значило и «писать», и «описывать» и «переписывать»); во-вторых, не исключено, что выражение *жамити-жамад агицеребода* могло означать и то, что сочинение Леонтия Мровели писалось «по временам правления каждого царя», упоминаемого в труде названного историка. Это обстоятельство и могло дать повод уже в начале XVIII в. организованному венченосным просветителем Вахтангом VI (1675—1737) «совету ученых мужей»⁵⁸ разделить начальную часть свода КЦ на периоды правления каждого из картлийских царей. Дошедшие до нас различные списки сочинения Леонтия Мровели свидетельствуют, что это членение носило закономерный характер и было обусловлено внутренней структурой труда историка. В таком же духе составлено и «Обращение Картли» (о котором, между прочим, не говорится, что оно писалось «в разное время») с той только разницей, что в последнем описание правления отдельных царей дано максимально кратко и для членения его на время царствования того или иного из династов не было ни нужды, ни технической возможности.

По замечанию К. С. Кекелидзе, в ЖВГ имеются и другие указания, якобы также свидетельствующие в пользу единства жизнеописания Вахтанга Горгасала с «Жизнью» картлийских царей и принадлежности их одному автору (Леонтию Мровели). Решающее значение в данном случае, продолжает далее К. С. Кекелидзе, имеет заявление Леонтия описать историю «первых отцов и картлийских царей» в целом, т. е. до 30-х гг. VI в. Актуальность такого труда, диктовалась нуждами времени, запросами тех общественных кругов, представителем которых являлся Леонтий Мровели, живший в эпоху, когда в Грузии практически не было исторического труда (во всяком случае, нам таковой неизвестен), который мог бы удовлетворить развивавшееся самосознание грузинской народности. Правда, в ходу были такие сочинения, как «История и повествование о Багратионах» Сумбата Давитис-дзе и безымянное «Обращение Картли», но для удовлетворения растущей пылкости грузин к своему прошлому этого было недостаточно. Данное обстоятельство, по словам К. С. Кекелидзе, способствовало тому, что жизнеописание Вахтанга Горгасала должно было составить органическую часть повествования о царях картлийских. Исходя из вышесказанного, К. С. Кекелидзе считал, что финалом труда Леонтия Мровели является то место в КЦ, где говорится: «Родственники Мирдата, сына Вахтанга, которые правили в Кларджети и Джавахеги — те остались в теснинах Кларджетских; всю прочую Картли, Армению и Аспураган покорили персы и воевали с греками» (с. 217)⁵⁹. Всю остальную часть древнего цикла КЦ с включением даже «Летописи Картли» К. С. Кекелидзе и считал (чисто умозрительно) произведением Джуаншера⁶⁰. Что же касается приписки с упоминанием авторства Джуаншера Джуншериани, как создателя ЖВГ, то К. С. Кекелидзе предполагал, что первоначально она была помещена в конце «Летописи: Картли»⁶¹, но впоследствии, очевидно, «некомпетентными переписчиками» перенесена значительно выше⁶².

Предположение о том, что жизнеописание Вахтанга Горгасала представляет собой органическую часть «Жизни картлийских царей», К. С. Кекелидзе стремился подкрепить также и аргументами стилистического и лексического порядка. Оба произведения, по его

⁵⁷ О сложных и до сих пор неразгаданных тайнах творческого процесса средневековых писателей и историков см.: Д. С. Л и х а ч е в . Текстология. Л., 1983, с. 127 и сл.

⁵⁸ См. К. Г. Г р и г о л и а . Ахали Картлис цховреба. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.); Г. Г. П а й ч а д з е . Вахтанг VI. Тбилиси, 1981, с. 81 и сл. (на груз. яз.).

⁵⁹ К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 190 — 191.

⁶⁰ Там же, с. 191 (с ссылкой на: С. Н. К а к а б а д з е . О древнегрузинских летописцах. Тифлис, 1911, с. 24—25).

⁶¹ Т. е. на с. 317 свода КЦ в издании С. Г. Каухчишвили.

⁶² К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 191, примеч. 4.

славам, в равной мере насыщены «сказочными» мотивами; действующие лица и в одном и в другом случае представлены гипертрофированными персонажами; в обоих сочинениях говорится о преемственности персидских и картлийских царей с «небротидами» и т. п. Одинакова географическая номенклатура, в частности, сведения о локализации овсов и пачаников⁶³ в обоих произведениях приводятся идентичные описания придворного этикета, например, касающегося процедуры коронации царей и т. п. В обоих произведениях, по словам К. С. Кекелидзе, даны одинаковые по форме и терминологии описания войн, богатырских поединков т. п. В обоих произведениях одинаковым образом представлены религиозная ситуация и церковная политика царей христианской Картли; в обоих произведениях сходны фразеологические конструкции и т. д.⁶⁴

Однако отметим, что указанные К. С. Кекелидзе совпадения различных деталей в трудах Леонтия и Джуаншера прослеживаются лишь в частности, в то время как в основном вопросе, а именно — идеологическом, наблюдается порой даже диаметрально противоположность и это имеет решающее значение для индивидуализации названных историков.

Фразеологические совпадения, а также близкие, порой даже идентичные метафоры и эпитеты в различных произведениях, написанных в одну и ту же эпоху и в общем одинаковых культурных и политических условиях бывали всегда и везде. Таковые наблюдаются и в грузинской литературе, но они могут свидетельствовать лишь о твердо выработанных литературных стереотипах определенной эпохи. Что же касается одинаковых сведений об овсах и пачаниках, то эта общность в обоих сочинениях могла быть обусловленной не принадлежностью их одному автору (кто бы он ни был), а теми культурными и историческими условиями, которые позволяли различным авторам пользоваться одинаковыми источниками. Кроме того, исследования последнего времени дополнительно выявили качественные отличия исторических реалий в ЖВГ и «Жизни картлийских царей». Эти отличия касаются такого существенного момента, как роль и место *hEreti* (западная окраина Кавказской Албании) в системе Картлийского царства. Согласно концепции Леонтия Мровели, *hEreti* — автономная область, возможно, находившаяся в вассальной зависимости от Картли, а по Джуаншеру, — это уже составная часть Картлийского царства⁶⁵.

Важным аргументом, говорящим также в пользу независимости текста ЖВГ от «Жизни картлийских царей», являются, как мы выше отметили, свидетельства идеологического порядка. В жизнеописании Вахтанга Горгасала отсутствует характерный лейтмотив труда Леонтия Мровели — его арменофильство в конструируемой им генеалогии народов Кавказа (см. ниже). По всему тексту ЖВГ видно, что Джуаншер на этот счет придерживался собственной концепции. В данном случае можно даже думать, что два этих автора принадлежали к двум разным школам (или направлениям) средневекового грузинского историописания⁶⁶.

Отношение к армянскому миру в ЖВГ выражено довольно рационально. Джуаншер считает, и это вполне естественно для всех периодов истории Армении и Грузии, что перед лицом иноземной опасности и вообще во всех внешнеполитических акциях грузино-армянский союз был главным условием политической суверенности всего Закавказского региона. При этом грузинский историк XI в. апеллировал не к идее легендарного приоритета армян, по-своему разработанной Леонтием Мровели, а к

⁶³ К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 193 — 195.

⁶⁴ Там же, с. 196—198.

⁶⁵ Анализ источников см.: Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . Уджарма. Тбилиси, 1966, с. 62—64 и сл. (на груз. яз.).

⁶⁶ Исследователь проблем кавказоведения З. И. Алексидзе склонен предполагать, что Леонтий Мровели и Джуаншер принадлежали к тому лагерю раннесредневековых грузинских интеллектуалов, которые в антихалкедонской ереси обвиняли не вообще армян, а отдельных лиц монофизитского духовенства Армении (см. А р с е н и й С а п а р с к и й . О разделении Грузии и Армении. Критический текст, исследование и комментарии З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1980, с. 176—177; на груз. яз.).

реальному соотношению исторических сил раннего средневековья⁶⁷. Это обстоятельство отражено и в соответствующих разделах «Истории Армении» Лазара Фарпеци. Другое дело, насколько реалистично в деталях отразил Джуаншер, пользуясь теми или иными источниками, действительную обстановку армяно-грузинских отношений в V в. А. П. Абдаладзе считает, что зависимость антииранских акций армянских феодалов от планов Горгасала является историческим фактом⁶⁸. Не отрицая данной мысли категорически (определенные указания об этом имеются и в сочинении Лазара Фарпеци), мы, однако, не можем не считаться с противоречиями (хотя и кажущимися⁶⁹) в суждениях того же Фарпеци о Вахтанге Горгасале⁷⁰, не совпадающих с оценкой Картлийского правителя Джуаншером. Грузинский историк исходил прежде всего из политической обстановки своего времени, в условиях которого армянские феодалы действительно согласовывали свои внешнеполитические акции с планами правителей объединенного Грузинского царства. И эту действительность XI в. Джуаншер нередко проецировал в прошлое.

Вместо «армянского приоритета» в истории не только Картли, но и всего Кавказа в целом (Леонтий Мровели) Джуаншер демонстрирует собственное отношение к «престижности» языков (народов).

Леонтий Мровели: Среди сынов этнарха народов Кавказа Таргамоса «отличались восемь братьев, исполины многосильные и славные, которых звали так: первого hAoc, второго — Картлос, третьего — Бардос, четвертого — Мовакан, пятого — Лек, шестого — hEрос, седьмого — Кавкас, восьмого — Эгрос. И были эти братья исполинами. Но лучшим из тех исполинов был hAoc, ибо подобного ему ни телом, ни мощью и мужеством не бывало ни до потопа, ни после него... И поделил Таргамос земли и племена свои между восемью этими исполинами: половиной племен и лучшей половиной земли своей наделил он hAоса, а тем семерым отвел долю каждому по достоинству... И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой hAoc. Все они находились во власти hAоса» и т. д.⁷¹

Джуаншер Джуаншеряни: По словам Вахтанга Горгасала, архангел Михаил говорил Неброту (Нимвроду) «на языке персидском: «Я есмь ангел Михаил, что поставлен от господина владыкой Востока... Ступай и поселись между двумя реками — Ефратом и Джилой и отпустите те племена, кому куда заблагорассудится, ибо отпущены они богом... И все покинули город и удалились. И оставил говорящих по-индийски в Индии, синдов — в Синде, римлян — в Риме, греков — в Греции, аггов и магогов — в Магугии, персов — в Персии; но главным языком остался сирийский. Вот те семь языков, на коих говорили до Неброта. Поведал я об этом потому, что отцы наши втайне держали то писание, а меня говорить о том вынудила ревность божия. После этого отец наш Мириан воспринял благовествование Христово от Нины» (с. 162—163).

Сопоставляя приведенные пассажи, прежде всего, отметим их отношение к разным историческим уровням: типологически большая архаичность схемы Леонтия и явное

⁶⁷ Ср. А. П. Абдаладзе. «Картлис цховреба» и грузино-армянские отношения. Тбилиси, 1982, с. 187 (на груз. яз.).

⁶⁸ См. А. П. Абдаладзе. Указ. соч., с. 189 и сл.

⁶⁹ В действительности «противоречия» в суждениях Лазара Фарпеци о Вахтанге Горгасале могут объясняться вполне реалистическим подходом армянского историка к факту несоответствия военных сил и людских ресурсов не только одной Картли, но и всех народов Закавказья с военным потенциалом Сасанидского Ирана. Особенно красноречиво об этом говорится в ЖВГ: «И ясно нам, что войска персов превосходят воинства Армении и Картли» (с. 169); С. Т. Еремьян. Армения в раннефеодальную эпоху. — В кн.: Философия Давида Непобедимого. М., 1984, с. 24.

⁷⁰ См. Л. Н. Джанашиа. Сведения Лазара Фарпеци о Грузии, с. 243. Когда «на 25 году правления шаха Пероза» (ок. 458 — 484), пишет Лазар, Вахтанг Горгасал поднял антииранский мятеж, армяне «радостными сердцами возрадовались», надеясь, что с помощью картлийцев и народов Северного Кавказа (положительные дипломатические взаимоотношения между ними имели давние традиции и неоднократно давали положительные результаты в практике военных событий) удастся поднять в Закавказье всеобщее антииранское восстание (см. Лазар Фарпеци. История Армении, с. 287).

⁷¹ КЦ, I, с. 4; Мровели Леонтий. Жизнь картлийских царей, с. 21—22, 40 и сл.

тяготение к эпохе раннего христианства в Закавказье Джуаншера. Приписывать данные тексты одному автору — это значит приписать раннесредневековому автору диалектическое осмысление исторического процесса, что само по себе немислимо. Перед нами программные заявления двух принципиально разных авторов.

Отсутствие на «лингвистической карте» ЖВГ армянского языка и выдвижение на первое место среди языков известного Джуаншеру мира сирийского как раз и должно указывать на его мировоззренческую тенденцию. Этот момент может внести определенный корректив в представление тех исследователей, которые считают Джуаншера Джуаншериани исключительно грекофилом. В действительности мы имеем дело, как и следовало ожидать, с эклектизмом мышления раннесредневекового писателя. Составные части этого эклектического мировоззрения надежно отмежевывают автора ЖВГ от Леонтия Мровели, указывая на то, что в использованных Джуаншером источниках должна была быть значительной сирийская тенденция начального периода утверждения христианской идеологии в Картли.

В ЖВГ не только отсутствуют следы мровелевской генеалогии народов Кавказа, — само «распределение» народов (языков) в этом произведении исключает всякую возможность предполагать какое-либо признание Джуаншером концепции автора «Жизни картлийских царей». Дело, конечно, не только в том, что этнонимы создаваемого Леонтием Мровели генеалогического древа в ЖВГ упоминаются реже, нежели в «Жизни картлийских царей», хотя и это довольно симптоматично. Гораздо существеннее характер отношения к ним обоих авторов, обнаруживающий в них мировоззренческую разность. Так, давно отмечено, что Леонтий Мровели, в согласии со своей концепцией, оттесняет картлийцев и их правителей на «второй план» в различных, ими же организуемых в пределах кавказского мира, союзах и на первое место выдвигает народы Северного Кавказа как автохтонных, собирательно именуемых им «кавказианами», так и гетерогенных овсов-алан⁷². Что же касается Джуаншера, то в его сочинении мы сталкиваемся с нечто совершенно обратным: и армяне, и кавказианы, и овсы подчинены воле картлийского царя, он ими управляет и с их помощью, не уступая своего приоритета и ведущей роли картлийцев, «вершит свои дела».

Это обстоятельство представляется неслучайным: в лице Вахтанга Горгасала Джуаншер Джуаншериани создавал парадигму монарха — идея, очевидно, актуальная с точки зрения общественной ситуации в Грузии периода усиления местной феодальной монархии в XI в. и вместе с тем не получившего отражения в «Жизни картлийских царей».

Но здесь может возникнуть вопрос относительно приведенной выше «программы» Леонтия Мровели, согласно которой он намеревался писать историю картлийских царей в целом, как предполагал К. С. Кекелидзе, до времени упразднения персами института царства в Грузии в 30-х гг. VI в. На этот счет можно высказать лишь предположение. Если исходить из того, что ЖВГ — самостоятельное произведение, то в таком случае письменно документированная «программа» Леонтия — это или позднейшая интерполяция, что вероятнее всего, или же описанная им «жизнь» Вахтанга Горгасала по своей значимости не превосходила того, что сохранилось в «Обращении Картли», и со временем была элиминирована ввиду создания новой ЖВГ Джуаншером Джуаншериани. Но все это за неимением твердых аргументов не более чем догадки, а факт самостоятельности ЖВГ подтверждается фактурой ее текста.

Ставя вопрос об источниках раннего цикла КЦ, исследователи чаще всего ориентируются на «Обращение Картли». На вопрос — допустима ли зависимость ЖВГ от названного письменного памятника — часто отвечают утвердительно. Однако здесь неизбежно возникают сомнения.

---

⁷² См. Вс. Ф. М и л л е р . Осетинские этюды, т. III, с. 15 и сл. Исследование этнического состава Северного Кавказа по данным различных источников и в том числе раннего цикла КЦ дано в вышеуказанной монографии А. В. Гадло.

Как мы уже отмечали, в «Обращении Картли» царю Вахтангу уделено внимания более, чем кому-либо из его предшественников и назван он, не в пример другим, — великим. Это обстоятельство могло быть связано с тем, что Вахтанг Горгасал был первым царем Картли после восстановления ее суверенитета⁷³. В упомянутом грузинском источнике о Вахтанге Горгасале сказано, что после смерти Мирдата «царствовал великий Вахтанг Горгасар⁷⁴, а архиепископом был Иовель. Тогда Вахтанга забрали персы. А спустя некоторое время он вернулся, а архиепископом был (стал) Микаэл. Он ударил стопой царя Вахтанга по лицу. А царь отправил посланников в Грецию (= Византию) и просил у царя (= императора) и патриарха католикоса. А тот дал ему католикоса Петра. А при нем был монах Самуил, святой и достойный. И воздвиг царь Вахтанг Нижнюю церковь и посадил (в ней) католикосом Петра. И было это в 170 году от обращения Картли. Царей представленных насчитывалось десять, а архиепископов — тринадцать. Первым же католикосом был Петр»⁷⁵. Затем говорится уже о преемниках Вахтанга Горгасала и эта часть повествования в КЦ совпадает с версией «Обращения Картли» по «Шатбердскому сборнику» (X в.) лишь до рассказа о военной экспедиции арабов на Картли и Западную Грузию⁷⁶.

Рассказ о «великом царе Вахтанге Горгасаре» — единственный, в котором ощущается субъективная направленность, столь характерная для ЖВГ. И вместе с тем вопрос о связи этой короткой справки о Вахтанге с посвященным ему обширным жизнеописанием, на наш взгляд, до сих пор является неясным. О зависимости автора «Обращения Картли» от биографа Вахтанга говорить, очевидно, не стоит по хронологическим соображениям. Использование же «Обращения Картли» в качестве, хотя бы-то исходного момента автором ЖВГ также сомнительно, так как в последнем произведении имеется целый ряд надежно контролируемых иноземными источниками фактов и настолько важных, что автор «Обращения Картли» не мог не обратить на них внимания. На наш взгляд, допустима лишь хорошо известная в истории летописания различных письменных культур средневековья самостоятельная трактовка общеизвестных разным авторам фактов или зависимость каждого из них от не дошедшего до нас третьего источника — протографа⁷⁷.

Особое место в сочинении Джуаншера Джуаншерияни отведено притчам. Их роль в ЖВГ — не в одной лишь характеристике эстетического кругозора Джуаншера-писателя, хотя и это обстоятельство не лишено смысла. Не случайно, что вплетение притч в текстуру ЖВГ было одним из доводов для оценки этого произведения как преимущественно художественного. Притчи подчеркивают главным образом религиозно-моралистический характер значительной части труда Джуаншера и являются как бы подспорьем в аргументации, в них отражена злободневность религиозно-политических проблем эпохи правления Вахтанга Горгасала (на которых в основном и акцентировано внимание в справке о Вахтанге в «Обращении Картли»), а особое внимание к ним Джуаншера свидетельствует об их актуальности даже в XI в. В притчах получило свое логическое завершение основное звено в развитии образа Вахтанга Горгасала, запрограммированное в его жизнеописании — его провиденциальное значение.

Еще М. Г. Джанашвили считал источником джуаншеровских притч грузинскую версию древнеиндийского эпоса «Панчататра» «Калила и Димна»⁷⁸. Однако это мнение не

⁷³ См. А. А. Богерадзе. Политическое и социально-экономическое развитие Картли в IV—VIII вв., с. 35 и сл.

⁷⁴ Забегая несколько вперед, отметим, что такая форма прозвища Вахтанга может быть либо свидетельством знания автором шатбердской версии «Обращения Картли» персидского языка, либо признаком сохранившегося в ней архаизма.

⁷⁵ Обращение Картли (по Шатбердскому сборнику), с. 325.

⁷⁶ КЦ, I, с. 233; Обращение Картли (по Шатбердскому сборнику), с. 327.

⁷⁷ Еще И. А. Джавахишвили заметил, что автор ЖВГ мог пользоваться источником, лишь похожим на «Обращение Картли» (ДГИЛ, С. 194).

⁷⁸ М. Г. Джанашвили. Одописцы царицы Тамар. — Газ. «Трибуна». Тбилиси, 1923 (на груз. яз.).

получило признания из-за отсутствия сколько-нибудь убедительных соответствий. К. С. Кекелидзе высказался в том смысле, что для своих притч Джуаншер использовал известную в средние века басенную антологию (точнее — «рассказы о животных») под названием «Физиолог»⁷⁹. Однако и в последнем также нет прямых аналогий к назидательным экскурсам Джуаншера Джуаншершериани.

Современная исследовательница средневекового грузинского басенного наследия Л. Кекелидзе считает, что притчи Джуаншера генетически восходят к сюжетной основе басни «о Вороне» из «Калилы и Димны», но ближе стоят к их обработке в грузинской версии персидского романа «Вис и Рамин» — «Висрамиани»⁸⁰.

Хотя джуаншеровские притчи представлены в оригинальном исполнении, их связь с какими-либо источниками вполне вероятна. В этом отношении налицо такая характерная черта, как аллегорическое воплощение персонажей в образах хищных птиц (это одна из особенностей именно «Физиолога»), поэтому есть основания утверждать, что Джуаншер создавал свои притчи не без творческой ориентации на установившиеся и широко известные в древности образцы. Так, притча о неблагодарном ястребе, съевшем свою благодетельную спасительницу ворону, можно считать ничем иным, как вариацией на мотивы известной в мировой литературе басни о неблагодарном волке, обманувшем выручившего его журавля⁸¹.

Источниковое значение джуаншеровских иносказаний, как выясняется, связанных с традициями местного и международного басенного творчества древности и средневековья, заключается в отражении острых идеологических противоречий, в обстановке которых приходилось христианству прокладывать себе путь на всем Востоке, в том числе и в Грузии⁸². Джуаншер заострил идею бродячих сюжетом использованных, точнее — пересочиненных им басен, драматизировал их соответственно с нуждами своей эпохи и теми представлениями, которые он имел об эпохе описываемой.

Обращает на себя внимание и география притч. Названия стран Синд и Хинд (Инд) представляли собой «арабские названия двух частей Индии»⁸³. В раннесредневековой Грузии сведения об Индии могли проникнуть еще со времен до самостоятельного правления Вахтанга Горгасала, когда картлийские воины подвластной Ирану Картли в качестве одних из многочисленных волонтеров из различных племен обязаны были участвовать в различных походах Сасанидов, в том числе и в Индию. Но формы зафиксированных в ЖВГ названий — Синд и Хинд — в средневековых источниках Грузии могли появиться лишь после победоносного вторжения арабов в Индию в VIII в.⁸⁴. Ознакомление картлийцев с этими названиями могло произойти лишь в результате их тесного общения с арабами, в частности, после образования Тбилисского эмирата в VIII в. и особенно с начала второй половины этого столетия — после основания в 762 г. города

---

⁷⁹ К. С. Кекелидзе. Указ соч., с. 200. Аналогичного мнения придерживается и современный грузинский литературовед М. А. Тодуа (см. его: Орбелиановская версия «Калилы и Димны». Тбилиси, 1976, с. 79—80 и сл.; на груз. яз.). В своих сопоставлениях мы пользовались: Физиолог. Армяно-грузинский извод. Грузинский и армянский тексты исследовал, издал и перевел Н. Я. Марр. СПб., 1904; В а с и л и й К е с а р и й с к и й . Физиолог (древнегрузинский текст). — Шатбердский сборник X века. с. 175—190. См. также: П. И. Ингоров. Краткий обзор, с. 312.

⁸⁰ Л. Кекелидзе. Басни в древнегрузинской литературе. — В кн.: Вопросы древнегрузинской литературы и руствелологии, т. VII—VIII. Тбилиси, 1976. с. 54—56 (на груз. яз.).

⁸¹ О цикле басен на данный мотив см.: М. Л. Гапаров. Античная литературная басня. М., 1971, с. 147.

⁸² См.: З. Н. Алексидзе. Кирион — Картлийский католикос. — В кн.: Книга посланий. Армянский текст с (грузинским) переводом, исследованием и комментариями издал З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1968, с. 184—185; Л. Кекелидзе. Указ. соч., с. 57—58.

⁸³ И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. — Избр. соч. т. IV. М., 1957, с. 66.

⁸⁴ См.: В. В. Бартольд. Мусульманский мир. — Соч., т. VI. М., 1966, с. 248, где ученый говорит, что «из культурных областей Индии раньше всего, еще в VIII в., подвергся мусульманскому нашествию Синд» См. также: К. Э. Босорт. Мусульманские династии. М., 1971, с. 30.

Багдада, — когда связи между Западом и Дальним Востоком вступили в новую фазу и вовлекли в свою орбиту значительное число стран и народов⁸⁵.

В научной литературе высказано мнение о значительном влиянии на ЖВГ традиций героических эпосов древних иранцев и армян⁸⁶. Хотя разностороннее влияние соседних народов на духовную (равно как и материальную) культуру грузин — давно известный факт, но и сегодня его изучение является одной из наиболее актуальных задач и грузиноведения⁸⁷. Выявление сложного процесса иноземного влияния на грузин требует, естественно, корректного подхода к проблеме, учета конкретной ситуации, отбора соответствующих материалов. Те или иные заимствования грузин из культурного фонда соседних народов⁸⁸ подвергались тщательной ассимиляции в различных сферах духовной деятельности грузин — и в фольклоре, и в индивидуальном творчестве книжников, подчинявших заимствованные элементы местным, исторически выработанным нормам. Что же касается воздействия доисламского Ирана на быт и культуру грузин, то этот факт определяется вообще живучестью доисламских культурно-бытовых пережитков в истории не только Ирана, но и стран сопредельных с ним регионов⁸⁹.

По замечанию П. Ингороква, влияние иранского эпоса, а именно, его исторической части на ЖВГ видно в литературном образе Вахтанга Горгасала, воплотившего в себе черты эпического героя иранцев Вахрама Чубина еще в первой половине VII в.⁹⁰, т. е. еще до завоевания Сасанидского Ирана арабами. Аналогичного мнения придерживался и И. А. Орбели, который писал, что «в облике Бахрам Гура имеем то же, что находим в смежной Ирану этнической среде, в образе армянского легендарного царевича и в другой, тоже близкой Ирану этнической среде, в облике грузинского легендарного царя Вахтанга Горгасала»⁹¹. Далее, касаясь имени и прозвища Вахтанг Горгасал, ученый замечает: «Иранские имена Вахагна и Вахтанга равнозначны имени Бахрама, а иранское же по существу прозвище Вахтанга Гургасар (по законам грузинской фонетики Горгасал) «волкоголовый» так близко прозвищу — Гур»⁹². В основе имени Вахтанг И. А. Орбели видел пехлевийскую (парфянскую) форму «индийского и древнеперсидского имени Вератрагны; армянская форма — Вахагн, среднеперсидская Вахрам, новоперсидская

---

⁸⁵ См. А. М а с с э . Ислам. М., 1961, с. 52 и др.

⁸⁶ П. И. И н г о р о к в а . Краткий обзор, с. 310; И. А. О р б е л и . Бахрам Гур и Азадэ. — Избр. соч. Ереван, 1963, с. 550.

⁸⁷ О влиянии Сасанидского Ирана на язык и культуру древней Грузии см.: М. К. А н д р о н и к а ш в и л и . Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Г. Д у н д у а . Проблема так называемых грузино-сасанидских монет и вопросы истории раннефеодальной Грузии. — Изв. («Мацне») АН Груз. ССР, 1976, № 1; М. В. Ц о ц е л и а . Восточная Грузия (Картли) в III—VII вв. и ее связи с державой Сасанидов. Автореф. канд. диссертации. Л., 1975; она же . Из истории взаимоотношений Картли с Сасанидским Ираном. Тбилиси, 1975; она же. Каталог сасанидских монет Грузии. Тбилиси, 1981 (там же библиография).

⁸⁸ На определенном этапе эти народы в отношении грузин играли роль передаточного звена культурных элементов, в свою очередь заимствованных ими у тех народов, с которыми грузины непосредственно не граничили.

⁸⁹ См.: К. А. И н о с т р а н ц е в . Сасанидские этюды. СПб., 1909, с. 4—5 и др. См. также: И. М. Ф и л ь ш т и н с к и й , Б. Я. Ш и д ф а р . Очерки арабо-мусульманской культуры. М., 1971, с. 96—99 и др. Вероятно, обстоятельствами глубокого влияния Сасанидского Ирана на Восточную Грузию была обусловлена актуальность антимаздеистских мотивов в средневековой литературе грузин едва ли не вплоть до установления монгольского господства в Закавказье (с. 196).

⁹⁰ Л. И. И н г о р о к в а . Указ. соч. с. 310.

⁹¹ И. А. О р б е л и . Указ. соч., с. 550.

⁹² И. А. О р б е л и . Указ. соч., с. 550. Прозвище Горгасал связано с влиянием древнеиранского языка на грузинский (см. М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 453—454) и имеет отношение к культу волка в фольклоре многих народов древности (см. В. В. И в а н о в . Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах. — В кн.: Кавказ и Среднеземноморье. Тбилиси, 1980). Прозвище Горгасал с материалами грузинского фольклора сопоставила и В. В. Б а р д а в е л и д з е (см. ее: Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 44 — 45).

Бахрам, грузинская и албанская — Вахтанг»⁹³. На грузинской почве произошло своеобразное приземление мифического образа древнего Ирана. «Самые яркие, самые жизненные черты космического Вератрагны, — пишет И. А. Орбели, отстаивая это свое мнение, — должны были связаться с чисто земными существами. Грузия и, вероятно, Албания связали их с Вахтангом Горгасалом, в Армении они слились с обликом царевича Вахагна, в Иране их принял на себя Бахрам Гур»⁹⁴. В приведенных цитатах из сочинения И. А. Орбели прежде всего желательнее обратить внимание на один невольный ляпсус. Так, к Вахтангу Горгасалу не применимо понятие «мифический царь»; другое дело, что образ этого вполне исторического лица впоследствии обставлен различными литературными домыслами, к тому же отнюдь не мифологического или мифического характера.

Приведенные высказывания И. А. Орбели в свое время разделил и М. М. Дьяконов, также считавший, что в литературном образе Вахтанга Горгасала отразились черты древнеиранского мифологического персонажа Вератрагны⁹⁵.

Настаивая на значительном влиянии древнеиранского эпоса на творчество Джуаншера Джуаншеряни, никто из упомянутых авторов не привел ни одного существенного аргумента (очевидно, ввиду отсутствия такового!), ограничившись лишь внешними признаками, в частности, иранским происхождением имен Вахтанг, Мирандухт, Хуарандзе (Хуаранзе) и др.⁹⁶ Не приходится доказывать, что эти аргументы не могут быть ни достаточными, ни убедительными.

Наличие одних лишь иранских антропонимов в средневековых грузинских литературных памятниках далеко недостаточно для сколько-нибудь серьезного утверждения о непременном иранском влиянии (к тому же глубоком!) на текст произведения Джуаншера. Иранского происхождения здесь только имена, а сами образы идут из собственно грузинской действительности⁹⁷.

Иранское влияние на культуру и быт древнегрузинского этноса, специально отмеченное еще в античную эпоху⁹⁸, впоследствии, в период правления Вахтанга Горгасала и, особенно в пору создания посвященного ему сочинения, было вытеснено культурными процессами иного порядка, одним из существенных моментов которого была борьба против маздеизма. Бескомпромиссность этой борьбы обуславливалась той опасностью, которую несли распространение и живучесть маздеизма в Закавказье, в том числе и в Грузии. В ЖВГ ярко проиллюстрирована эта борьба, поэтому сомнительно, чтобы из иранского эпоса ее автором были заимствованы в положительном смысле какие-либо существенные элементы. Мы не согласны с мнением П. И. Ингороква, пытавшегося доказать наличие в ЖВГ некоторых элементов «эпоса о Вератрагне», например, описание единоборства Вахтанга с «голиафами» и «бумберазами» — исполинами Северного Кавказа⁹⁹. П. Ингороква не делает текстуального сопоставления рассказов из ЖВГ и «иранского эпоса о Вератрагне»; очевидно, что для такого сопоставления не было веских оснований¹⁰⁰.

⁹³ И. А. Орбели. Указ. соч., с. 554.

⁹⁴ Там же, с. 551.

⁹⁵ М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 404, примеч. 83.

⁹⁶ П. И. Ингороква. Краткий обзор..., с. 266—268. О том же пишет и И. А. Орбели (указ. соч., с. 555).

⁹⁷ Наиболее поучительным примером в данном случае может служить история исследования текста поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре»; наличие в ней одной подложной, псевдоруставелевской строфы, свидетельствующей якобы о «персидском» происхождении поэмы исследователи подчас «подкрепляли» иранским происхождением имен ряда ее героев. Антропонимическое источниковедение, безусловно, плодотворно, но методы его должны исходить из иных посылок.

⁹⁸ См. Страбо́н. География. М., 1964, с. 474.

⁹⁹ См. П. И. Ингороква. Краткий обзор, с. 267.

¹⁰⁰ Возможно, влияние «иранского эпоса» на автора ЖВГ выразилось в манере эпического повествования об исторических событиях, окутанных туманом прошедших столетий. Так, на основе событий, связанных с победой Шапура I (240 — ок. 272) над римлянами в 260 г. (см. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 261—263)

ЖВГ писал благочестивый грузинский христианин и все о чем бы он ни думал, могло быть направлено против остатков иранского влияния в Грузии. Поэтому, создавая гиперболизированный, домысленный образ картлийского царя, Джуаншер вполне закономерно должен был ориентироваться не на элементы противного его духу «иранского эпоса», а на формировавшие его мировоззрение канонизированные за много веков до него библейские сюжеты. И действительно, выясняется, что в ЖВГ нашли место творчески осмысленные применительно к контексту исторических событий на Кавказе времени Вахтанга Горгасала библейские повествования о подвигах иудейского царя Давида — символа идеального властителя.

Прежде всего, отметим, что это — один из популярных мотивов, используемых в письменной культуре различных народов, у которых христианство пустило глубокие корни и оказало сильное влияние на их духовную деятельность. Указанный библейский персонаж представлялся воплощением силы и крепости духа¹⁰¹. Как выясняется, этот мотив пользовался значительной популярностью и в средневековой Грузии. В период написания ЖВГ (возможно, и в использованных ее автором источниках) он хотя и был значительно ассимилирован, но в нем, тем не менее, без особого труда ощущаются библейские реминисценции. Нижеприведенные параллели свидетельствуют о переносе библейских сюжетов на историческую действительность Грузии (а через нее и Северного Кавказа) и в этом факте может быть свидетельство о характере идеологического развития грузинских интеллектуалов в середине I тысячелетия н. э.

1. ЖВГ, с. 151: «Оба войска расположились по обе стороны реки, крутые и скалистые берега которой покрыты были редким лесом и пересекались равнинами... И стояли так семь дней. В течение этих семи дней над рекой вели поединки исполины. Среди хазар, что были союзниками овсов, был некий голиаф по имени Тархан. Выступил сей хазарин Тархан и зычным голосом возвестил: «Говорю всем и каждому из воинов Вахтанга: кто меж вас многомогущий, сойдись в единоборстве со мною»¹⁰².

1 Царств, XVII, 3, 4, 8: «А иноплеменники те стояли по ту сторону горы, а израильтяне по сю сторону горы, и была река между ними. И выступил один человек из воинов тех иноплеменников, человек стойкий, мощный и отважный из стана Гефа, и имя его Голиаф (sic!), ростом он в шесть локтей и (одну) пядь... Прошел он и стал наготове пред израильтянами, и кричал им и сказал: «К чему вы вместе выстроились воевать с нами? И се! Я один из иноплеменников, а вы евреи — рабы Сауловы. Так выберите одного человека, который бы пришел и вступил в схватку со мною».

2. ЖВГ, с. 152: «На рассвете вновь явился Тархан у берега реки и глумливо требовал поединка, но никого не нашлось среди воинов Вахтанга, готового сразиться с ним».

позднее историки-писатели «создали своеобразный роман о сасанидском шаханшахе и «повелителе Рума», украсив подлинный исторический факт целым ожерельем легенд» (В. Г. Л у к о н и н . Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, с. 50). Но это вообще закономерно для всякого эпического повествования, а факты свидетельствуют, что развитие избранного Джуаншером сюжета в конечном счете пошло в направлении совершенно ином, чем это можно было ожидать в результате иранского влияния.

¹⁰¹ Так, в полуполюгендарной миссии славянского просветителя Константина-Кирилла к арабам византийский император напутствовал его: «Слыши(шь ли), Философ, что говорят скверные агаряне против нашей веры... Иди и вступи в борьбу с ними, и бог, совершитель каждого дела... пусть даст тебе благодать и силу в словах и поставит против Голиафа, как нового Давида, который победил с тремя камнями, (и) возвратит тебя нам как достойного царства небесного» (Житие Константина.— В кн.: Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори. М., 1981, с. 75. Ср. также метод использования этого мотива в византийской литературе: И. С. Ч и ч у р о в . Место «Хронологии» Феофана в ранневизантийской историографии.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1981. М., 1983, с. 95, срв. с. 97).

¹⁰² При переводах библейских эксцерптов мы пользовались изданием: Мцхетская рукопись (Книга царей, Паралипоменон, Книга Ездры). Текст подготовила к изданию Е. И. Дочанашвили. Тбилиси, 1982 (на древнегруз. яз.).

1 Царств, XVII, 10: «И вновь сказал иноплеменникам: «И се! посрамлю воинство израильское, пусть ежедневно выходит по одному из вас и лицом к лицу вступит со мной в жестокое единоборство»».

3. ЖВГ, с. 152: «Дались диву вельможи и стали всячески отговаривать Вахтанга, стремясь отвлечь его от поединка, ибо был он юн».

1 Царств, XVII, 33: «Ответил Саул Давиду и сказал: «Ты — отрок, он же — совершенный человек и воин от юности своей. Не по силам тебе сражаться с ним».

4. ЖВГ, с. 153: «Глянул Тархан и сказал: «Я воитель с многоопытными голиафами, но не с юнцами»».

1 Царств, XVII, 42: «И как узрел иноплеменник тот Давида, юного, прекрасного и румяного, и презрел его».

5. ЖВГ, с. 154: «Но отвечал Вахтанг Бакатару: «Не мощью моею одолел я Тархана, но мощью бога моего»¹⁰³.

1 Царств, XVII, 45: «Ответил Давид и сказал: «Ты ступаешь на меня в доспехах, с копьем и со щитом, я же пойду на тебя силой владыки господа».

6. ЖВГ, с. 155—156. «Готовые к бою двинулись войска: тяжеловооруженные всадники, одетые в панцири и железные шлемы — впереди, а за ними — пешие, а за пешими снова множество всадников. И так нагрянули они на овсов... Тяжеловооруженные конники, одолев скалистую дорогу, вступили на равнину. Вслед за ними двинулись и пешие и множество всадников. И произошла жестокая сеча».

1 Царств, XVII, 52: «И воспрянули израильяне и иудеи, и возопили и нагрянули на них и истребили до Гефа вплоть до ворот Аскалона. И иноплеменники, побитые во множестве, падали на дорогах».

Приведенными excerptами не исчерпывается формальная связь ЖВГ с корпусом библейских сказаний и мотивов. Так, еще в прошлом веке было обращено внимание на отражение библейской благопожелательной формулы в традиционном в ЖВГ обращении царедворцев к своему правителю: «Здравствуй, государь вовеки веков!» (ср. Дан., 2,4: «Царь! вовеки живи»)¹⁰⁴. Сюда же можно отнести и происхождение стереотипного обращения Вахтанга Горгасала к своему воинству в форме библейской сентенции: «Не в надежде на силу мою и отвагу, но, уповая на бога беспредельного... вступлю я в единоборство с Тарханом» (с. 152). — Ср. Кн. Зах, IV, 6: «Это слово господа к Зоровавелю, выражающее: не воинством и силою, но Духом Моим, говорит господь Сааоф». Сюда же можно отнести и такую дидактическую установку ветхозаветных книг, как несопоставимость мудрости человеческой и божественной¹⁰⁵. Есть случаи, когда в заимствованных из священных писаний мотивах обостряется их социальный акцент. Так, автор ЖВГ в одном из своих назиданий использовал политическое предписание паулинизма в соответствии со своей непосредственной задачей и в пылу полемики даже забыл апелляцию к образу Христа: Ефес, IV, 6: «Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою (только) услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю божию от души». — Ср. ЖВГ, с. 197: «Повинуйтесь царям вашим, ибо не беспричинно вооружены они мечом, но от бога властвуют, словно львы среди овец».

¹⁰³ Между прочим, уместно отметить и такую типологическую параллель как совпадение социальной привилегии вождей доисламских арабов не вступать в поединок с теми, кто не был равен им «по рождению» (И. М. Ф и л ь ш т и н с к и й, Б. Я. Ш и д ф а р. Указ. соч., с. 17—18) с тем что читаем мы в нашем источнике: «Не перейду я через реку, ибо я — царь...» и т. д. (с. 154). Считать это результатом непосредственно арабского влияния на картлийцев нет смысла.

¹⁰⁴ См. Н. Я. М а р р (Рец.) Мосе Хонели да миси Амиран-Дареджаниани, церили М. Джанашвилиса. — ЖМНП. СПб., 1895, окт., ч. CCC1, с. 326.

¹⁰⁵ См. Г. Г. М а й о р о в. Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 43; ср. Книга Иисуса, сына Сирахова, VII, 13—16.

Обращение Джуаншера в целом к ветхозаветным образам и мотивам может свидетельствовать об архаичности использованных им источников¹⁰⁶. Кроме того, вплетение в жизнеописание Вахтанга Горгасала мотивов о библейском Давиде было обусловлено политической конъюнктурой. Это было время складывания в грузинской историографии традиции одного из идеологических постулатов феодальной Грузии, связанных с формированием официальной генеалогии Багратионов, в пору своего расцвета (с XI в.) выступивших с заявкой на родство с библейским Давидом и одновременно претендовавших на преемственность с домом древнекартлийской династии Фарнавазидов.

Коротко остановимся на явно апокрифических сюжетах, вплетенных автором ЖВГ в полемические экскурсы своего произведения. Они как бы иллюстрируют ту борьбу, которая имела место *внутри* христианской церкви и особенно между ее иерархами и централизованной светской властью. Несмотря на важность этого раздела ЖВГ для изучения идеологической ситуации в Грузии в раннем средневековье, ему в специальных исследованиях до сих пор не было уделено практически никакого внимания.

Большая часть апокрифов на грузинском языке относится к раннесредневековому периоду (VI—X вв.)¹⁰⁷. О развитии апокрифической традиции в Грузии этого периода может свидетельствовать соответствующая терминология, которая состояла из собственно греческого *apokriphos* «скрытый» (груз. *апукропа*) и его грузинского соответствия *дапарули*. О тесном знакомстве древнегрузинских авторов с апокрифическим жанром свидетельствует существование также специальных компиляций. Так, Евфимий Афонский (Атонели) (ум. 1005 г.) в своем переводе апокрифа о Богородице открыто заявляет, что сведения о жизни Иисуса Христа он заимствовал «из писаний святых благовестников и апостолов, затем — святых богоносных отцов... да кое-что из скрытых писаний, коль скоро признаем мы их истинными и безупречными», и в оправдание своего метода ссылается на аналогичный прием такого авторитета истории церкви, как Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394)¹⁰⁸. Возможно, что продуктом именно компиляции является в ЖВГ пассаж о предвидении пророком Исайей разгрома иудеев «через Тита и Веспасиана» (с. 164). Вообще автор ЖВГ свидетельствует, что в изложении апокрифических сюжетов он не регламентировал себя какими-либо ограничениями, и поэтому возникал некий симбиоз ветхозаветных элементов с мотивами из Нового Завета.

К грузинскому апокрифическому наследию и, в особенности, к той его части, которая сохранилась в ЖВГ, вполне можно применить слова И. Я. Порфирьева, высказанные им об апокрифических сюжетах в древнерусской литературе: «В памятниках древней письменности апокрифические элементы распространены так сильно, что в редком из них мы не встречаем если не апокрифического сказания, то, по крайней мере, какой-нибудь апокрифической потребности; но при этом, однако же, мы не можем утверждать, чтобы древним нашим писателям непременно были известны все те апокрифы, в которых находятся приводимые ими сказания. Эти сказания далеко не всегда заимствовались из первых источников, а весьма часто из вторых и третьих рук»¹⁰⁹. При этом, как писал далее ученый и как это корреспондирует с апокрифическими экскурсами

¹⁰⁶ Ср. К. С. К е к е л и д з е . К вопросу об иерусалимском происхождении грузинской церкви. — Этюды, т. IV, с. 360 и сл.

¹⁰⁷ См. К. С. К е к е л и д з е . История грузинской литературы, I, с. 431, хотя переводы апокрифических писаний на грузинский язык продолжались и позднее (см. там же, с. 435), что должно свидетельствовать о непрекращавшемся интересе местного духовенства к чистоте своих догматов. См. также: Ц.

К у р ц и к и д з е . Грузинская версия апокрифического мифа об Адаме. — «Мравалтави», т. I. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); Jean-Pier-Mahe. Sur Le Mithe de la chute dans la Vie apokryphe d' Adams. — „Мравалтави”, т. X, Тбилиси, 1983. Ср. Л. М. Меликсет-Беков. Грузинский извод сказания о посте «Араджавор». — XV, т. V, вып. II. Пгр., 1917; он же. Фрагмент грузинской версии «Детства Христа». — XV, вып. III. Игр, 1917.

¹⁰⁸ См. К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 430.

¹⁰⁹ И. Я. П о р ф и р ь е в . Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописи Соловецкой библиотеки. — Сборник Отделения русского языка и словестности, т. XVII. СПб., 1877, с. 3—4.

Джуаншера, ни один из средневековых писателей «не указывает ни на какую апокрифическую книгу, а форма речи и вся обстановка рассказа дают знать, что сообщаемые ими сведения взяты не из книг, а из тех устных рассказов, которые они слышали»¹¹⁰. Это обстоятельство могло привести и, очевидно, приводило к такому явлению, как импровизации в апокрифическом духе. Именно в этой связи можно объяснить появление в древнем цикле КЦ названия, как выяснил К. С. Кекелидзе, никогда не существовавшей «Книги Нимврода» (груз. «Цигни Небротиси», или «Небротиани»¹¹¹, неоднократно упоминаемая и «комментируемая» в ЖВГ. В таком же духе составлено до неузнаваемости перефразированное речение из Павловых посланий: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, — в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба» (2 Кор., XII. 2)¹¹². ЖВГ: «Иисус сказал миру небесному — обратись! и тот обратился на три поприща» (с. 166). Кроме того, что речения духовных иерархов, наставлявших царя Вахтанга Горгасала погасить им же «зажженный огонь» во спасение «детей Христовых», имеют назидательные цели, библейские образы которых они при этом призывают, вполне соответствуют своим первоначальным характеристикам. Например, когда полулегендарный священник Петр, обращаясь к Горгасалу, говорит: «Не подтолкну споткнувшегося, но тебя падшего подымлю, словно Давида...» и т. д. (с. 165), то здесь нельзя не увидеть реминисценции известной по Библии драматической истории любви Давида и Вирсавии. К этой же сентенции примыкает и другая реминисценция с библейским Давидом: «Или не читал ты в книгах Моисеевых, когда израильтянин стал прелюбодействовать с чуждым семенем, сколько душ было истреблено за одно это прелюбодеяние?» (с. 164). Таким образом, Джуаншер Джуаншериани засвидетельствовал тот период грузинского историописания, когда его представители уже выработали собственное историческое мышление формально в ключе библейских шаблонов.

И, наконец, остановимся на вопросе о главных хронологических указаниях в ЖВГ. Это, прежде всего, основные даты биографии Вахтанга Горгасала — время его рождения и смерти (гибели), а также главных военно-политических акций, приведенных в его жизнеописании. Именно хронология этих, как и других фактов, придает ЖВГ характер исторического повествования. Без дат, как известно, нет произведения исторического жанра. И дело не только в том, что тот или иной факт «считается историческим, если он может быть определен не только в пространстве, но и во времени»¹¹³. Само указание на те или иные даты в любой форме уже делает такое произведение памятником исторического жанра, а признание «достоверности», равно как и «недостоверности» тех или иных датировок, — дело исторической критики.

Несмотря на свой скептицизм в отношении сочинения Джуаншера, И. А. Джавахишвили первым отметил игнорируемые всеми критиками ЖВГ определенные указания в ней на отдельные хронологические вехи.

Датировка исторических событий в ЖВГ дана в порядке «относительной хронологии». Это «простейший и наиболее древний способ датирования», основной его принцип — «относительная ссылка по времени, которая не требует специальной хронологической системы»¹¹⁴. И надо отметить, что автор ЖВГ следует однажды им избранной системе датировки событий.

Как и значительная часть средневековых историков, Джуаншер дату описываемого события часто ориентирует на начало или конец правления того или иного «царя», или какого-либо события. Так, он ведет отсчет то от времени правления, то от времени смерти

---

¹¹⁰ Там же, с. 5.

¹¹¹ См. К. С. К е к е л и д з е . Указ. соч., с. 437.

¹¹² Историческую интерпретацию данного новозаветного пассажа см.: Р. Ю. В и п е р . Возникновение христианской литературы. М., 1946, с. 204 и сл.

¹¹³ Э. Б и к е р м а н . Хронология Древнего мира. М., 1976, с. 7.

¹¹⁴ Там же, с. 57.

в персидском плену царя Мирдата, то от рождения Вахтанга и т. д. Здесь нельзя не уловить связь с традицией Сасанидского государства, в котором «датировка велась по годам правления царей» и имела там местные традиции¹¹⁵.

Лишь в одном случае, подчеркивает И. А. Джавахишвили, автор ЖВГ свое хронологическое сведение ориентирует на эпоху правления Александра Македонского (см. с. 230). «Несомненно, — заключает И. А. Джавахишвили, — это сообщение наш автор заимствовал из какого-то греческого источника¹¹⁶. Однако приведенная цитата по всем признакам является ничем иным, как поздней интерполяцией, имеющейся еще в архаичных списках свода¹¹⁷. Кроме того, она запечатлена не в собственно ЖВГ, а в «Исторической хронике» Псевдо-Джуаншера». Поэтому не удивительно, что приведенный прием датировки выпадает из той системы, которой придерживается автор ЖВГ.

До сих пор нет согласованного мнения о датах рождения и смерти Вахтанга Горгасала. Были высказаны различные соображения, в литературе же закрепилась дата кончины (гибели) картлийского царя, предложенная И. А. Джавахишвили — 502 г. Но это предположение не отличалось большей, чем другие, убедительностью¹¹⁸.

В ЖВГ говорится, что Вахтанг Горгасал умер от нанесенной ему смертельной раны в возрасте шестидесяти лет. Исследователь В. Гоиладзе вполне логично установил, что эта смертельная рана Горгасалу была нанесена в одном из сражений в ходе ирано-византийской войны в 491 г., охватившей и территорию Восточной Грузии¹¹⁹. Об этой войне до последнего времени исследователям было известно лишь из ЖВГ и поэтому они считали данное сообщение не только недостаточным, но и сомнительным. Вопрос был решен путем сопоставления указанного сообщения из ЖВГ с описанной в одном из сирийских письменных источников ирано-византийской войны, проходившей именно на территории Грузии, в частности на границе между Картли и Кавказской Албанией (Гурзаном и Арраном¹²⁰) за сорок лет до восшествия на престол Ирана в 531 г. шаха Хосроя I Ануширвана (531-40 — 491)¹²¹. Этот подсчет согласуется также и со сведением автора ЖВГ о том, что между первой и второй войнами Вахтанга против Сасанидов прошло 35 лет и что во время первой войны картлийскому царю было 25 лет (491-35 — 456 г.). В итоге получается, что Вахтанг Горгасал, умерший в 491 г. в возрасте шестидесяти лет, родился в 431 г.¹²² Считаем уместным добавить, что к аналогичному выводу в свое время пришли и мы, оперируя иными сведениями и в другой связи¹²³.

Намеченные И. А. Джавахишвили пределы текста ЖВГ хотя и являются общепринятыми, но признаются, и вполне справедливо, не всеми учеными¹²⁴.

¹¹⁵ В. А. Л и в ш и ц . «Зороастрийский» календарь. — В указ. соч. Э. Бикермана, с. 328 и сл.

¹¹⁶ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . ДГИЛ, с. 194.

¹¹⁷ КЦ, I, с. 230, примеч. 2.

¹¹⁸ См. Л. Н. Д ж а н а ш и а . Сведения Лазара Фарпеци о Грузии, с. 164 и др. Вполне справедливые сомнения в реальности традиционной датировки — 502 г. — смерти Вахтанга Горгасала высказал А. А. Б о г в е р а д з е (см. его: Политическое и социально-экономическое развитие..., с. 57).

¹¹⁹ В. И. Г о и л а д з е . Вахтанг Горгасал и его историк, с. 154 и сл.

¹²⁰ В. И. Г о и л а д з е . Указ. соч., с. 155, с ссылкой на: G. Hoffmann. Auszüge aus sirischen Arten persischen Martyren. Leipzig, 1880, S. 80.

¹²¹ В. И. Г о и л а д з е . Указ. соч., с. 155.

¹²² Там же, с. 156. См. также: В. И. Г о и л а д з е . Семейная хронология Вахтанга Горгасала. — Журн. «Мнатоби», 1985, № 4, с. 161 и сл. (на груз. яз.).

¹²³ М р о в е л и Л е о н т и . Жизнь картлийских царей, с. 87 — 88.

¹²⁴ В последнее время снова оживилась гипотеза К. С. Кекелидзе (напомним, что сам он на ней строго не настаивал) относительно авторства Леонтия Мровели всего древнего цикла КД с включением и ЖВГ. Этот взгляд, в частности, защищают историки К. Г. Григолия и А. А. Богверадзе (см.: А. А. Б о г в е р а д з е . Первая летопись «Картлис цховреба» и ее автор. — В кн.: Грузинская историография, I. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.); К. Г. Г р и г о л и я . «Матиане Картлиса» и вопрос о его наименовании. — В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.). Нам уже приходилось разбирать мнение названных ученых по данному вопросу и поэтому считаем лишним снова к нему возвращаться (см. Летопись Картли. изд. Г. В. Цулая, с. 24 и сл.).

Если вопрос о начале текста ЖВГ не вызывает сколько-нибудь кардинальных разногласий, то мнения ученых о ее финале противоречивы. Исследователи выдвигают различные аспекты его решения, а тем временем выдвинутый И. А. Джавахишвили взгляд на объем ЖВГ, приобрел силу до сих пор непреодоленной традиции.

Достаточно внимательного прочтения текста, следующего после описания смерти Вахтанга Горгасала, чтобы убедиться не только в непричастности к нему Джуаншера, но и в свою очередь и его неоднородности и, по-видимому, даже принадлежности разным авторам. Ныне принятый текст труда Джуаншера включает столь существенные моменты, связанные с деятельностью преемников Вахтанга Горгасала, что это не могло не быть упомянуто в развернутом названии ЖВГ. Данное обстоятельство (наряду с другими признаками) дает нам основание утверждать, что весь раздел свода КЦ, в котором описана эпоха после смерти Вахтанга Горгасала, охватывающий период VI—VIII вв. (с. 202—244), не может быть приписан автору ЖВГ и должен быть выделен в самостоятельный памятник грузинской исторической литературы.

Мысль о независимости выделенной нами «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера» от текста ЖВГ впервые высказал П. И. Ингороквва, но только с той разницей, что он выделил лишь ту часть произведения, в которой повествуется о нашествии полчищ Марвана ибн Мухаммада (груз. Мурван Кру, — букв. «Глухой») на Западную Грузию (с. 233 и сл.) и считал ее «источником летописи Джуаншера», включенным в ЖВГ в виде «эксцерпта»¹²⁵. Трудно понять, что имел в виду П. Ингороквва, когда называл повествование о «Мурване Глухом» «источником летописи Джуаншера», однако основная мысль ученого оказалась перспективной.

Выделенная нами «Историческая хроника» Псевдо-Джуаншера в свою очередь вероятнее всего состоит из двух частей, написанных как выясняется в различной политической тенденции и в разном повествовательном стиле. По-разному коррелируют оба этих произведения — ЖВГ и труд Псевдо-Джуаншера — и с текстом «Обращении Картли».

При всем том, что автор сведения о «Вахтанге Горгасаре» в «Обращении Картли» стремится к большей, чем в других случаях обстоятельности, зависимость ЖВГ от последнего, как мы уже отметили, довольно гипотетична. И вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что и в «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера», и в «Обращении Картли» имеются совпадения списков имен картлийских правителей, эриемтаваров и эриставов, преемников Вахтанга Горгасала, хотя в полноте списка церковных иерархов «Обращение Картли» заметно уступает хронике Псевдо-Джуаншера. На первый взгляд, даже разночтения, например, отдельных имен, должны указывать на связь двух этих памятников. Так, имя католикоса времени правления Фарсмана V — Саба (с. 207) в «Обращении Картли» написано в неверной форме Дасабиа¹²⁶. Преемником названного католикоса в «Обращении Картли» назван некий Эвлале¹²⁷. Судя по написанию этого имени в КЦ (с. 207)—Эвлати¹²⁸, переписчик «Обращения Картли» мог спутать схожие в грузинском церковном письме буквы Th — Л и И — Е, соответственно: ო — , ႁ-ႁ. Сам тон обеих частей произведения Псевдо-Джуаншера указывает на то, что они восходят к разным источникам.

Первая часть «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера» кончается, вероятно, там, где начинается повествование о политической активизации арабов-мусульман (с. 229). В

¹²⁵ См. П. И. И н г о р о к в а . Леонтий Мровели. — ИЯИМК, т. X. Тбилиси, 1941, с. 143 (на груз. яз.). Аналогичного мнения и Т. Г. П а п у а ш в и л и (см. его: Вопросы истории иерети. Тбилиси, 1970, на груз. яз.).

¹²⁶ Шатбердский сборник, с. 326; И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . История грузинского народа, т. I, с. 348, примеч. 3.

¹²⁷ Шатбердский сборник, с. 326.

¹²⁸ См. Г. С. М а м у л и а . Генезис легенды о реформах «царя» Арчила (VIII в.) и ее политическая тенденция. — В сб.: Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976, с. 118 и сл. (на груз. яз.).

ней говорится о владетельных правах (ведших к открытому сепаратизму) картлийских эриставов, сославшихся «на пожалованные грамоты» персидских царей и тем самым игнорируется основная направленность политической программы Вахтанга Горгасала.

Со смертью Горгасала началось падение древнегрузинской династии Фарнавазидов. Наступил фактически период бесцарствия, в конце концов завершившийся упразднением персами в Картли самого института царства в 30-х гг. VI в. Но внутренняя политическая и культурная жизнь Восточной Грузии не только не замерла, — она вступила в новую фазу. Как бы ни расценивать точность отдельных реалий в первой части «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера», мы не можем не заметить в ней тенденцию в общем реалистического отражения фактов. Возможно, что именно в этот период и возникла идея вышеуказанной апелляции «к персидским царям» в среде наиболее крупных местных феодалов, стремившихся к сепаратизму¹²⁹. В годы правления первых преемников Горгасала, согласно же нашему источнику, уже при его сыне и непосредственном наследнике Дачи, начались мероприятия по восстановлению разоренных в ходе, очевидно, последней при жизни Вахтанга ирано-византийской войны областей Восточной Грузии (см ниже); завершается строительство Тбилиси и исполняется воля Вахтанга Горгасала превратить этот город в «дом царский». При первых же его преемниках делается попытка подчинить власти эрисмтаваров население горной части Кахети путем распространения в ней христианства (с. 205). Несмотря на то, что данное мероприятие не сразу же удалось (в соответствующих сообщениях нельзя не заметить элемент объективности автора источника), в рассказе о нем указывается на ход тех сложных этнических процессов в горной Кахети, которые в пору борьбы с арабскими завоевателями привели местное население к единению с остальной частью Восточной Грузии, а в первой половине VIII в. — к образованию феодального Кахетского княжества, впоследствии сыгравшего видную роль в объединительном движении Грузии в IX—XI вв.¹³⁰

Судя по тому, что историческая традиция приписывает Дачи довольно обширную и плодотворную деятельность, время его правления должно было быть сравнительно продолжительным. Косвенным указанием на то, возможно, является упоминание его преемника Бакура без признаков существенной практической деятельности, что, видимо, и свидетельствует о кратковременности правления последнего.

Естественно, возникает вопрос о более или менее реальных хронологических вехах, описанных в нашем источнике событий. Такой анахронизм, как приурочение связанных с Шушаник событий к иной эпохе, определенно должен настораживать исследователя¹³¹. И,

---

¹²⁹ Очевидно, это более точная передача грузинской формы греческого имени Евлавиос.

¹³⁰ Далее в источнике (см. КЦ, I, с. 246 и др.) это население называется цанарами, которые обитали в районе Дарьяльских ворот. В арабских источниках название цанаров — санары — распространяется на всю Кахети. А. П. Новосельцев пишет, что «этническая принадлежность цанаров до сих пор спорна» (см. его: Страны Закавказья и Хазария в VIII — первой половине IX в. — В сб.: Грузия и Восток. Тбилиси, 1984, с. 193). Это мнение слишком категорично, чтобы принять его безоговорочно (ср. Г. А. М е л и к ш в и л и . Политическое объединение феодальной Грузии, с. 29, 52—54 и др.). Во-первых, нам неизвестна какая-либо смена в этнической карте горной Кахети в описываемую в ЖВГ и «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера» эпоху и позже (очевидно, что такой смены не было); во-вторых, в складывании этнических массивов горных областей Восточной Грузии всегда участвовали различные племена как Северного Кавказа (вайнахи, овысы и др.), так и иберы, — основное население южных отрогов Главного Кавказского хребта. Поэтому следовало бы говорить не о туманном «этногенезе» цанаров, а об их сложении в этническую (или этнографическую) группу горной части Восточной Грузии.

¹³¹ Здесь же закономерно возникает вопрос — насколько Псевдо-Джуаншер в своем рассказе о подвиге Шушаник ориентировался на «Обращение Картли», в котором говорится, как мы уже отметили, с определенной идеологической тенденцией о том же и в той же последовательности. Слишком большой соблазн вообразить зависимость автора «Исторической хроники» от «Обращения Картли». Но нельзя ли представить, что «Обращение Картли» не было единственным сочинением, в котором рассказ о Шушаник был дан в духе Псевдо-Джуаншера? Ведь еще Леонтий Мровели, столь чуткий к своим источникам, говоря о так называемых «бун-турках» в Грузии (тюркский этнический элемент), сведения о которых в грузинских источниках появились не ранее VIII в. (В. Н. Г а б а ш в и л и . Сведения древнегрузинских источников о тюркских племенах и народах. — Грузинское источниковедение, т. III. Тбилиси, 1971; на груз. яз.),

тем не менее, в сочинении Псевдо-Джуаншера могут быть намечены общие хронологические ориентиры. Например, в связи с преемником Бакура Фарсманом говорится о нашествии персов в Картли и Ран (с. 206). Мы думаем, что здесь отражены события, связанные с ирано-византийской войной 502—506 гг. Упоминание в этой связи нашествия персов в Картли и Ран, возможно, перекликается с историческим фактом вторжения на территорию Ирана кочевников Северного Кавказа, отрицательно повлиявших на прежние успехи персов¹³².

Следующим хронологическим ориентиром может служить сообщение о появлении в Картли из Междуречья (Сирии) Иована Зедазтели, одного из «тринадцати» сирийских проповедников («отцов») христианства в Восточной Грузии, подвизавшихся здесь в течение большей части VI в.¹³³ Это событие в полной согласованности с исторической действительностью следует после повествования о падении института царства в Картли, когда «разделились потомки Вахтанга, так как дети Дачи повиновались персам, а дети Мирдата стали в подчинении грекам» (с. 207).

Вслед за рассказом об Иоване Зедазтели проводится общая хронология: от времени «второго Фарсмана», при котором явились сирийские проповедники в Восточную Грузию, и временем правления первого «христианского царя» Картли Мириана «прошло двести, пятьдесят лет» (с. 215). Какую дату правления Мириана — начало или конец — имел в виду Псевдо-Джуаншер, трудно сказать, но в любом случае следует считать, что здесь речь идет о событиях второй половины VI в. Вообще по всему тексту «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера» (как первой, так и второй ее частей) видно, что ее автор (или авторы) располагал более или менее хорошим источником. Так, упоминающийся в тексте (с. 217) Урмизд — это никто иной, как сын и преемник Хосрова I Ануширвана (531—579) Ормизд IV (579—590), правление которого проходило в сложных условиях иноземных нашествий и внутренних смут в Иране¹³⁴. Рассказ Псевдо-Джуаншера о том, что Ормизд стремился привлечь на свою сторону освободившихся из-под опеки централизованной власти и представлявших довольно внушительную силу картлийских эриставов, перекликается с данными других источников¹³⁵. В рассказе о том, как «спустя немного лет, в Персии случилась великая смута, ибо вторгся в нее царь турок...» (с. 217—218) речь идет явно о походе тюрок на Иран на 11 году правления Ормизда, из которого тюрки, как свидетельствуют источники, вышли победителями¹³⁶. Но, как пишет Феофилакт Симокатта, тюнкам недолго пришлось торжествовать победу и в разгоревшейся новой войне «персы одержали блестящую победу... Вновь расцвели дела персов, и Хормизд мог воздвигнуть свои славные трофеи...» и т. д.¹³⁷ Именно в промежуток времени между поражением и реваншем персов в борьбе с тюнками вписывается рассказ нашего источника о том, как картлийские эриставы воспользовались ослаблением персов, а затем, когда «персы разделились с турками» — эриставы оробели и «пал, на них страх да трепет перед персами» (с. 217—221). Но тут ход событий был осложнен известным в истории восстанием Бахрама Чобина (груз. Барам Чубин, с. 220—221), вспыхнувшего при преемнике Ормизда Хосрове II Парвизе (590—628)¹³⁸, именуемого в сочинении Псевдо-Джуаншера Касре (с. 221).

ссылается не на «Обращение Картли», что было бы вполне естественно, а делает ссылку на общее мнение в Грузии о названных полулегендарных племенах.

¹³² См. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 307. 48.

¹³³ См. К. С. Кекелидзе. Вопрос о приходе сирийских деятелей в Картли. — Этюды, т. I. Тбилиси, 1956, с. 19—50 (на груз. яз.).

¹³⁴ См. Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М., 1946, с. 80 и сл.

¹³⁵ Ср. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 78—79, а также с. 203—204, примеч. 34—40; Н. В. Пигулевская. Указ. соч. с. 81—8

¹³⁶ Феофилакт Симокатта, с. 77—78.

¹³⁷ Там же, с. 78.

¹³⁸ См. Н. В. Пигулевская. Византия и Иран, с. 84 и сл.; История Византии, т. I, М., 1967, с. 355.

Любопытно, что мир и союз между византийским императором Маврикием и шахом Хосровым (-Касре), приведший, как известно, к восстановлению власти последнего в Иране, в сочинении Псевдо-Джуаншера отразились в рассказе о посредничестве императора в пользу грузин перед, вернувшем свою власть шаханшахом. В нашем источнике это событие описано в заметно идиллическом тоне, нетрудно понять, что симпатии автора на стороне византийцев. Об этом свидетельствует реплика, в которой говорится, как «Касре подчинился кесарю», и картлийцы «обрели свободу», т. е. были оставлены в пределах «христианского мира» (с. 221)¹³⁹. Об этом же свидетельствует и явно раздражительный тон автора (с. 223), когда он рассказывает о мятеже Фоки, истребившего Маврикия и его семью и объявившего себя императором (602 г.).

Апофеоз культа Вахтанга Горгасала заметно гложет с первых же страниц хроники Псевдо-Джуаншера. На смену безграничным преувеличениям вступает внешне даже сухая оценка великого правителя раннесредневековой Грузии. Всего лишь один раз в этом источнике встречается указание на обязательность исполнения посмертной воли Горгасала — превратить Тбилиси в стольный город Грузии. Это свидетельство из «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера» указывает на то, что Тбилиси был основан по стратегическим соображениям лишь как город, но не столица Грузии¹⁴⁰. Значение Тбилиси как политического центра Грузии стало расти лишь на рубеже V—VI вв., когда в стране началась та перегруппировка внутренних социально-политических сил, которая, в конечном счете, и привела к объединению разрозненных картвельских племен и княжеств в единое феодальное Грузинское царство.

Авторитет Вахтанга Горгасала подспудно, но необратимо возобновляется в период, описанный во второй части хроники Псевдо-Джуаншера, в которой говорится о пересмотре вышеуказанных «грамот», санкционировавших сепаратизм картлийских эриставов. Этот пересмотр начался на заре объединительного движения в Грузии и активного выступления на политическую арену первых Багратионов в Тао и Кларджети. Именно тогда могла возникнуть легенда, согласно которой грузинские владетельные князья начали связывать свои феодальные притязания не с указанными «пожалованными грамотами», а своим происхождением, якобы восходящим к «дому» Вахтанга Горгасала и его преемников. Как отмечают исследователи, основная суть этой генеалогии, в которой исторические реалии смешались с тенденциозным вымыслом, заключалась в противопоставлении владетельными князьями своих сепаратистских амбиций легитимным правам первых грузинских Багратионов.

При всей убедительности основных выводов цитированного исследования Г. С. Мамулиа, мы, однако, не можем согласиться с его формулировкой, что «легенда о реформах Арчила представляет собой дальнейшее развитие точки зрения авторов «пожалованных грамот», выработанных в среде эриставов»¹⁴¹. Это было не дальнейшим развитием идеи названных «документов», а противопоставлением им, их юридическим отрицанием, возникшим в иных условиях и с соответствующими целями и сохранились они в двух разных исторических источниках, соединенных поздними составителями свода КЦ сообразно с хронологической последовательностью описываемых в них событий.

Как мы уже отметили, вторая часть «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера» должна начинаться с того места в тексте, где говорится об основоположнике ислама Мохаммаде (с. 229) и первых «праведных» халифах Абу Бакре (груз. Абобикар) (632—634) и Омаре (634 — 644), при которых и было положено начало широкой мусульманской

¹³⁹ Доброжелательное отношение грузинского автора именно к императору Маврикию подтверждается, между прочим, и фактами истории Армении. Так, в одной из древнеармянских источников говорится, что император Маврикий, подчинив себе большую часть Ближнего Востока и Закавказья, установил такой мир, что возникла даже поговорка: «Что ты сидишь беззаботно, точно во дни Маврикия» (цит. по: Н. Я. М а р р . Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.—М., 1934, с. 20).

¹⁴⁰ Ср. С. Н. Д ж а н а ш и а . Труды, т. I, с. 10—13.

¹⁴¹ См. Г. С. М а м у л и а . Указ. соч., с. 117.

экспансии, что, между прочим, отражено и в нашем источнике. В соответствии с исторической действительностью, в нем ничего не говорится о каких-либо военных действиях основателя ислама за пределами Аравийского полуострова. Упоминаемый в этом же контексте Иаман (груз. Иаманети), должно быть, соответствует названию области в Центральной Аравии — Иамана¹⁴². В этой части своего повествования автор запечатлел тот мистический ужас, с каким вспоминали, естественно, не одни только грузины экспансию ислама, спустя даже 250—300 лет со времени начала систематических войн между халифатом и Византией. В 638 г., сдавая арабам Антиохию, император Ираклий (610—641) в действительности воскликнул: «Прощай, Сирия»¹⁴³. Здесь же обнаруживается и хронологический ориентир создания, по крайней мере источников (письменных или устных) данной части «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера». Об этом, в частности, свидетельствует то, что «прощание» Ираклия с Сирией в нашем источнике завершается словами: «покуда пройдут семь седмиц». «О пределах седмицы философы разыскали в книгах Гермеса Трисмечистона, и равна она двумстам пятидесяти годам» (с. 230). И далее там, где говорится об антиарабском союзе греков с грузинами обоих субрегионов — западного, на территории которого впоследствии сформировалось Абхазское царство, и восточного — Картли, сказано: «И отправили Мир, Арчил и Леон — эристав Абхазский, — посланника к царю греческому... А тот... начертал им, а именно: «Оставьте в твердых ваших до истечения трехсот лет, ибо на двухсот пятидесятом году расчленился царство их (арабов. — Г. Ц.), а по истечении трехсот лет обретет силу царство наше, и сокрушим мы агарян, и падут все возвышенные ими, и вознесутся славившие нас» (с. 239).

Упомянутые «книги Гермеса Трисмечистона», как это доказал К. С. Кекелидзе, связаны с именем древнегреческого бога Гермеса, к различным ипостасям которого позднее, уже в ранневизантийской литературе был добавлен и образ изобретателя письмен («Гермес Трисмегист») ¹⁴⁴. Указанные здесь хронологические моменты неоднородны. В первом из них, «определенном» по «Книгам Гермеса Трисмечистона», прощание императора Ираклия (т. е. византийцев) с Сирией «предрекается» сроком на двести пятьдесят лет, т. е. до 888 г. (638 + 250). Трудно сказать, на что ориентировался конкретно в данном случае Псевдо-Джуаншер (или автор его источника), но хорошо известно, что уже с середины и, в особенности с конца IX — начала X в. византийцы вели довольно успешные операции против арабов, в том числе и в Малой Азии¹⁴⁵. Что же касается второго хронологического указателя в хронике Псевдо-Джуаншера, то, очевидно, что он создан в иных исторических условиях и так же, как и первый составлен *post eventum*¹⁴⁶. Его исходным моментом надо считать не хиджру (622 г.), (так предлагал К. С. Кекелидзе¹⁴⁷), а, как и в первом случае — сдачу византийцами Антиохии. Получается дата — 938 г. (638 + 300). Указанные нами даты вписываются в тот хронологический период, о котором исследователи «мира ислама» пишут: «Уже в IX в. былое политическое единство халифата стало разрушаться. Реальная политическая власть Аббасидов свелась, таким образом, к власти над Ираком, особенно в X в., когда политический шиизм одержал победу в значительной части мусульманского мира»¹⁴⁸.

¹⁴² Ср. А. И. Колесников. Завоевание Ирана арабами, с. 53, 54.

¹⁴³ См. История Византии, т. I, с. 367. Об эсхатологических мотивах, связанных с византийско-арабскими отношениями см.: М. В. Криво в. «Эфиопия» в «Откровении» Псевдо-Мефодия Патарского. — ВВ, т. 38, 1977, с. 120 — 123.

¹⁴⁴ См. К. С. Кекелидзе. Несколько, пока еще неизученных терминов нашей исторической литературы. — Этюды, т. IV, с. 71—72 (на груз. яз.); см. также: С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 194.

¹⁴⁵ См. История Византии, т. 2. М., 1967, с. 188—190.

¹⁴⁶ См. И. А. Джавахишвили. ДГИЛ, с. 190.

¹⁴⁷ К. С. Кекелидзе. Указ. соч., с. 71.

¹⁴⁸ К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 34.

Из вышеизложенного мы заключаем, что сочинение Джуаншера, безусловно, заслуживает внимания как письменный источник по истории не только раннесредневековой Грузии, но и значительной части Кавказского региона. Нет сомнения в том, что этот памятник средневековой грузинской исторической литературы займет должное место в издающемся Институтом истории СССР фундаментальном корпусе «Древнейшие источники по истории народов СССР»¹⁴⁹.

Предлагаемое издание названного памятника является первым полным переводом его на русский язык¹⁵⁰. Перевод выполнен с текста, изданного С. Г. Каухчишвили по всем рукописям КП, как древнего цикла, так и Вахтанговской редакции. При переводе опущены многочисленные вставки, внесенные в текст Джуаншера комиссией Вахтанга. В переводе соблюдаются нормы, определенные «Правилами перевода памятников грузинской исторической литературы на русский язык» (сост. Р. К. Кикнадзе. Тбилиси, 1977).

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность доктору философских наук И. А. Кривелеву, канд. исторических наук С. Я. Серову и научному сотруднику Института этнографии АН СССР А. М. Филиппову, советами которых я неоднократно пользовался.

Г. В. Цулая

ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ

**ЦХОВРЕБА ВАХТАНГ ГОРГАСЛИСА,
мшобелта да шемдгомад твит мис дидиса да гмртисмокуариса
меписа, ромели уметес сахелганткмули гамочнда
ковелта мепета Картлисата**

ДЖУАНШЕР ДЖУАНШЕРИАНИ

***ЖИЗНЬ ВАХТАНГА ГОРГАСАЛА,
родителей его, а затем и собственно его —
великого и боголюбивого царя, который
более всех прочих царей картлийских
явил нам славу имени своего***

---

¹⁴⁹ Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР (отв. ред. В. Т. Пашуто). М., 1978.

¹⁵⁰ Исследователи до сих пор пользовались ставшим библиографической редкостью и научно устаревшим переводом М. Броссе (M. Brosset. Histoire de la Géorgie. SPb., 1849), а также не отвечающим научным требованиям пересказом М. Г. Джанашвили: Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. — СМОМПК, вып. XII. Тифлис, 1896.

Перевод

I

Как только полонили царя картлийского Мирдата¹ в войне с персами, забрали его в Багдад², где он и помер. И захватили персы Картли и осквернили церкви, но грузины спрятали кресты. И во всех храмах картлийских огнеслужители персидские развели огонь.

А родичи царей картлийских остались в долинах Кахетских³. Спустя же три года, царю персидскому стало недосуг, потому как поднялись враги на востоке⁴.

Тут и сговорились *азнауры* картлийские⁵, привели и посадили царем в Мцхете сына Трдата — племянника * полоненного царя Мирдата и именуемого Арчилом⁶ //.

Арчил сей привел из Греции супругу по имени Мария, [140]** из рода царя Иовиана, и объявил вражду персам. Извлек кресты и украсил церкви, перебил и изгнал из пределов картлийских огнеслужителей, призвал силы из Греции и водительствоваемый крестом, приступил к боям против персов.

В ту пору Картли пребывала в ведении *эристава* персидского⁷ царя, еще до царствования Арчила, и под его же властью были Ран и Мовакан⁸. Он собрал рать в Ране, Мовакане и Адарбадагане⁹ и выступил против Арчила. Арчил же в надежде и в уповании на господу встретил его у рубежей Картли и Рана¹⁰, расположился у берегов реки Бердуджи и силой пречистого креста сокрушил и полонил (неприятеля), вступил в Ран, отвоевал его и победно вернулся в собственную страну. Разослал по всей Картли вестников, дабы возвестить всем: «Не мощью своею, не бодростью духа нашего, не силой мудрости нашей, не множеством рати одолели мы, но крестом господу нашего Иисуса Христа, сына божьего, что дал нам оружием пречистый крест свой. Да возвеличит отныне

---

* Дословно: «сын брата».

** В скобках указаны страницы в соответствии с пагинацией текста свода КЦ (от ред. Отдела электронных текстов Национальной парламентской библиотеки Грузии).

всякий грузин троицу единосущную, бога изначального, творца всего сущего. Приносите ему благодарение, и сердца ваши да пребудут незыблемы в вере в святую троицу». Так принесли картлийцы благодарение господу и обновили церкви.

В ту же пору Арчил построил церковь святого Стефана¹¹ во Мцхете над Воротами Арагви, где им же были воздвигнуты незыблемые боевые башни.

Родился у Арчила сын и нарекли его Мирдат¹². Возрос Мирдат, вступил он в пору зрелости. Был он верующ и бо[141]голюбив, подобно // отцу своему, был храбр и отважен. Он расширил войну с персами, вторгался и разорял Ран и Мовакан, ибо недосуг было в ту пору царю персов, так как воевал он против индов, синдов и абашей и невмочь было ему выставить против (Мирдата) обширное войско. А воинов Рана, Мовакана и Адарбадагана картлийцы одолевали. Мирдат предводительствовал воинством своего отца и не единожды опустошал Ран и Мовакан.

В ту пору *эриставом* в Ране был Борзабод¹³. Не будучи в силах противостоять картлийцам, он стал крепить крепости и города. Когда же картлийцы вторгались в Ран, где бы ни сражались персы с остатками своего войска против разорявших их картлийцев, персы постоянно терпели урон. Была у *эристава* Рана Борзабод дочь благолепная и прекрасноликая по имени Сагдухт¹⁴. Молва о красоте ее разожгла в сыне Арчила Мирдате страсть. Заявил он отцу: «Взываю к величию твоему, жени меня на дочери Борзабоды Сагдухт и установи меж нами мир, ибо хотя поспешением Христа мы и одолеваем их, но невмочь нам овладеть крепостями и городами Рана. Ежели царь персов обретет время, то приступит он к отмщению нам и станет разорять наши церкви и все пределы страны нашей. Пусть отныне наступит конец вражде меж нами, и тогда царь персидский уважит наши требования. Тем самым мы надежно укрепим рубежи Картли и не вкрадутся в сердца картлийцев сомнения и хула на веру Христову от произвола персов». Все это высказал Мирдат из любви к девице //.

[142] И Арчил исполнил желание его. Отправил посланника к Борзабоду с просьбой выдать дочь его в супруги своему сыну. Борзабод же возликовал в великой радости, ибо край¹⁵ его был разорен, а сам он стеснен: просил клятвенного обещания мира. И поклялись ему. И выдал он дочь свою с большим приданым. Привели ее во Мцхету и справили свадьбу, и в течение многих дней веселились и ликовали весьма. И поднес царь сыну своему Самшвилде¹⁶ со всем его *эриставством* и в нем поселились Мирдат и Сагдухт.

А сия царица Сагдухт проявила желание познать веру Христову. И потому супруг ее собрал мужей, наученных в вере, и стали переводить ей благовествование господина нашего Иисуса Христа. И показали ей, что истинный бог — это Христос, принесший в жертву себя во спасение наше. Когда Сагдухт вразумилась и познала веру истинную, оставила огнеслужение и крестилась и обратилась. Она же воздвигла Самшвилдский Сион¹⁷.

В пору сего Арчила преставились три епископа: Иона, Григол и Василий. После Василия тот же Арчил посадил епископа, коего звали Мобидан¹⁸. Был он родом перс и внешне соблюдал православие. Однако был он не кто иной, как жрец безверный и возмутитель нравов. Но не сразу же распознали безверие Мобидана царь Арчил и сын его и видели в нем верующего. И не проповедовал он веру свою открыто из страха перед царем и народом, но тайно писал одни лишь возмутительные книги, кои после него как и все его писания, полностью сжег истинный епископ Микаэл, затем отстраненный ввиду дерзости своей перед царем Вахтангом.

А сей царь Арчил дни своей жизни завершил в вере в святую троицу, создал церкви и приумножил по всей Картли священников и диаконов и церковнослужителей, и помер. //

И вместо него царем воссел сын его Мирдат. И подоб[143]но отцу своему царствовал он в великой вере. Народила царица Сагдухт ему дочь и дали ей имя Хуарандзе¹⁹. И снова царь Мирдат и царица Сагдухт молили господина о ниспослании им сына. И спустя четыре года, Сагдухт родила сына и нарекла его персидским именем Варан-Хосро-Танг, а по-грузински именовался Вахтанг. Рождение младенца Вахтанга преисполнило радости родителей его, и разослали благовестников ко всем *эристам*. И извлекли сокровища

превеликие, золото и серебро, и поделили его между бедными и нищими, и вознесли благодарение богу в многодневных молитвах и ночных бдениях.

Затем царь созвал в город всех знатных и многие дни справлял пиршество и веселие, и все молили господа о здравии младенца Вахтанга. *Спаснет*²⁰ Саурмаг с великой мольбой выпросил Вахтанга на воспитание. И царь поручил* *спаснету* Саурмагу воспитание Вахтанга и отдал ему своего сына. Ибо был обычай, по которому дети царские росли в домах вельмож²¹. На шестой год после этого Сагдухт родила еще дочь и нарекла ее именем Мирандухт. И выпросил ее на воспитание *спасалар* из Каспи²², и царь отдал ее ему; тот увез ее в город Каспи, где она и выросла. На второй год после этого скончался царь Мирдат; и остался Вахтанг отроком семи лет. //

И вот царица Сагдухт, растревожила воображение свое[144] мыслями об отце своем, вдруг возомнила следующее: «А что, ежели отец начнет мстить за зло, содеянное ему моим свекром и мужем, да к тому же станет мстить и мне за вероотступничество и погубит сына моего, разорит Картли и истребит веру Христову». Представя все это, она впала в великую печаль. Моля бога, она порешила предстать пред отцом и звать к нему о пощаде. Созвала всех *эриставов* к *спаснету* и со слезами поручила им своего сына.

Затем отправилась к отцу в Бардав²³. Представ пред, ним, она обнажила главу, пала на колени и, обнажив груди и коснувшись его стоп и орошая слезами ноги его, молила о пощаде. Молила не понуждать ее отречься от веры Христовой, ибо Он есть бог истинный. Молила оставить сына в вотчине его и признать его под покровительством персидского царя.

Тогда Борзабод, уже готовый совершить зло грузинам, смилостивился над дочерью своей: не понудил ее оставить, веру и уважил все просьбы. Однако о вере сказал так: «Мы силой не принудим грузин отречься от веры Христовой, но пришлем в ваш город огнеслужителей и пусть будут там и епископы веры нашей. Да вы не запрещайте избирать веру [145] нашу тем из грузин, // кто к этому проявит добрую волю». Тогда Сагдухт из великого страха пред отцом покорилась ему, заклиная божьей милостью, и вернулась в Картли.

Борзабод тут же отправил во Мцхету огнеслужителей во главе с епископом Шинкараном²⁴, и осели они в Могвте²⁵. Царица Сагдухт правила своим царством силой и пособничеством своего отца. И помер Борзабод, отец Сагдухт, а преемником его персидский царь сделал сына его Вараз-Бакура, брата царицы Сагдухт. Помер *спаснет* Саурмаг, воспитатель²⁶ Вахтанга.

Тогда царь персидский поставил другого *спаснета*, коего именовали Джуаншер. А Бинкаран, епископ огнепоклонников, проповедовал среди грузин веру свою. Но никто из знатных ему не поддался; обратили в огнепоклонство лишь множество мелкого люда²⁷.

И вкралось в мелкий люд Картли огнепоклонство. Царица Сагдухт была удручена этим, но от засилия персов не смела дерзать. Призвала она из Греции священника праведного по имени Микаэл и посадила его епископом в Вышней церкви²⁸, потому как преставился епископ Мобидан. И сей епископ Микаэл выступил против совратителя Бинкарана и научал вере истинной всякого картлийца. Он вернул к вере всех знатных и большинство народа, но малая часть простого люда осталась в огнепоклонстве.

В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска овсов и полонили Картли от начала Куры до Хунани²⁹, разорили просторы, но укрепленные города миновали, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт — [146] девочку трех лет. // Не овладев долинами картлийскими. (а также) Кахети, Кларджети и Эгриси, вторглись в Ран и Мовакан, полонили их, прошли Ворота Дербенда, ибо сами дербендцы указали им этот путь, и затем победно вернулись в Овсети.

---

* В оригинале — мианича — досл.: «одарил».

В ту же пору явились греки из Абхазии³⁰, ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали³¹, затем захватили земли от низовий Эгрис-цкали и до (крепости) Цихе-Годжи³². И тут обуяла грузин всеобщая печаль и говорили они, сокрушаясь: «Мы умножили грехи наши пред богом, мы не праведно блюли веру Христову и каноны заповедей Иоанна. Поделом господь ниспослал на нас гнев свой и отдал нас в полон чуждому роду³³, и похитили греки у нас земли, как похитили они у царя Вараз-Бакара Кларджети³⁴. А постигло то Вараз-Бакара из-за греховности его, ибо неладно держался он веры Христовой. И свершилось то не по греховности царей наших, но по греховности люда нашего³⁵. Ныне царь наш юн и нет у нас предводителя, чтобы в уповании на Христа и ведомый крестом возглавил бы нас. Да отомстим мы спервоначала овсам, а затем взыщем земли грузинские с греков»³⁶. Говорили об этом все грузины, пребывая в великой печали.

Вахтанг рос и научался у епископа Микаэла всей премудрости божией и с отроческих лет своих возлюбил веру Христову более, чем прочие цари картлийские. И пребывал он в скорби, ибо развелось в Картли огнепоклонство по причине засилия захватчиков в стране. Но скорбел за веру он более в разуме своем, однако, видя мощь Персии, не решался открыть помыслы свои//.

В пору, когда Вахтангу исполнилось пятнадцать лет, [147] созвал он знатных картлийцев и собрал их всех в городе. И устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседал *спаснет* Джуаншер и оба епископа, а все прочие *эриставы* расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навтыжку.

И вот царь, словно премудрый старец и воспитанный в среде философов, начал зычно говорить и сказал: «Над царями³⁷ и людом нашим нависла беда и постигло испытание божие за грехи их: когда верующие убавляют ревность к господу и предают заветы, то таковым бог и ниспосылает подобную напасть и тем самым, словно отец добрый, любовно воспитует сына, наставляя его на добрые дела. Но ежели нерадиво следует сын науке отца своего, то отец наказует побоями и наставлением, дабы научать его всякому благу и сделать его благонравным. Так назидает нас господь — творец неба и земли. Посему мы и призваны благодарить «его за милость». Тут все воздали благодарение господу.

Вновь выступил Вахтанг пред вельможами Картли и сказал: «Услышьте слово мое! Пусть я юн³⁸ и не ведали вы блага от меня, но от предков моих вы познали великие милости, вы, — стоящие на вершине правления. Но коль господь ниспошлет нам жизнь, я одарю вас добром и знатностью, каких не ведали вы от предков своих. Я говорю вам: [148] постигшее равно нас всех общее испытание // примите так, словно постигло оно не вас, но одного лишь меня. Но ежели кто возьмет на себя эти тяготы, то не скажу я в сердце моем, будто поступает он так из собственной мести, но приму я это как служение мне и воздам добром. Невмоготу мне более насмешки овсов, но в надежде и в уповании, на бога и единосущую троицу беспредельную, данным знаменем и оружием уповающим на него, отомстим овсам. Если бы этими бедами обязаны были мы царю Персии, либо царю Греции, мы бы их претерпели. Но тяготит нас поругание овсов, и лучше нам умереть, нежели терпеть его».

Тут поднялся *спаснет* Джуаншер и сказал: «Здравствуй, государь, во веки веков в величии и свершении воли твоей, над супостатами твоими. Истину изволил ты изречь. За грехи наши постигло нас это испытание и справедливо взыскует нас господь, ибо умножили мы прегрешения наши пред ним. И надобно нам благодарить бога, потому как мы заслужили больших, нежели эти, выпавшие нам страдания. Однако многомилостивый ниспослал нам тяготы несоизмеренные нашим грехам, но наставил нас столь малым испытанием. И потому-то нам, подлинным картлийцам³⁹, надлежит премного благодарить господа. Ибо тебя — лучшего среди всех царей грузинских и превзошедшего предков твоих, совершенного во всем, подобного исполину Неброту⁴⁰, явил нам предводителем и

богом поручено тебе рассеять беды наши // и [149] застарелые и недавние. И если прегрешения наши умножатся, то лишь от тебя мы ждем расточения всех бед и большого преуспения в пределах страны нашей на все времена, ибо не было от пращуров наших равного тебе. Здравствуй, государь, вовеки веков! С той поры, как попрали нас овсы, мы вот уже пять лет пребываем в великой печали, потому как ты был юн и не по силам тебе было воевать и предводительствовать воинством и наводить порядок в царстве твоём. Ныне же, государь, исполнен ты мудрости, силы, отваги и стати, хотя недостает тебе покуда полноты лет для дел ратных. Но вижу я премудрость твою: пусть юн ты летами, ты уж в силах править царством; время же для дел ратных и предводительства воинством тебе не приспело. Таково мнение мое: по разумению твоему и по совету матери твоей, избери из нас предводителя войска нашего и вручи нас тому, кому да будем послушны, как отцу твоему, и силой троицы, бога единосущего мы двинемся мстить. Ты же будь в доме твоём и правь царством. Ежели по греховности нашей мы понесем поражение от овсов, то царству твоему не убудет. Но ежели ты сложишь голову свою за грехи наши — сокрушится страна наша сполна, ибо на земле этой некому тебя заменять». Так говорил *спаснет* Джуаншер и все знатные и *эриставы* поддержали речь его.

Тогда сказал царь: «Джуаншер! Ты говорил, как подобает тому, кто предан и преисполнен мудрости, но я не последую речам твоим, // ибо с тех пор как постигло нас такое испытание, все дни мои я провожу в скорби, словно заточенный в темницу. И жалость к сестре моей пронзает сердце мое будто огненный меч, и смерть мне становится желанней жизни. И препоручив себя господу и ведомый крестом его пречистым, я отправляюсь самолично, в уповании на его многомилостивость, что не оставит он меня и одарит победой».

И не сумев отговорить его, все бывшие там вельможи согласились и сказали: «Будь благословен, государь, вовеки! Да сбудутся намерения твои, да явит господь в помощь тебе ангелов своих и да падут все неприятели твои и утвердится царство твоё».

Постановили поход в Овсети и разошлись по своим домам для сборов. А царь Вахтанг отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру — *эриставу* Рана — с тем, чтобы сообщить ему о походе в Овсети и просить помощи. Тот же радостно откликнулся, ибо страна его также разорялась овсами. Вахтанг созвал все воинство картлийское. Собрались сполна и разбили лагерь в Мухнари⁴¹ и Херки⁴², по сю и по ту сторону Арагви: было сто тысяч всадников⁴³ и шестьдесят тысяч пеших, и Вараз-Бакур выслал ополчение в двенадцать тысяч всадников. Царь Вахтанг выступил из города Мцхета, пополнил рать // и двинулся. Ликовал он при ви[151]де множества и воинственности доброконного своего войска, бодрости духа бойцов, с радостью готовых к отмщению овсам. Преисполнился радости и благодарствовал богу. Вернулся в город⁴⁴ и провел неделю в молитвах, посте и ночных бдениях и щедро раздавал богатства нищим. Оставил управительницами в царстве своем мать Сагдухт и сестру Хварандзе и начертал им следующее завещание: «Ежели не вернусь живым, пусть на сестре моей Хварандзе женится Мириан из рода Рева, сына Мириана, бывшего зятем армянского царя Трдата⁴⁵, и который приходится Вахтангу двоюродным братом по отцу. И пусть он станет царем». И начертав это, вручил матери своей, не поведав о том никому, а Мириана — двоюродного брата — оставил во Мцхете.

И двинулся Вахтанг и стал в Тианети⁴⁶. Там к нему примкнули все цари кавказианов — пятьдесят тысяч конников. Сопутствуемый именем божьим, прошел он Врата Дариалана⁴⁷. В пору вступления в Овсети Вахтангу было шестнадцать лет.

Тут цари овсетские собрали своих воинов, призвали силы из Хазарии и встретили (грузин) у реки, что проходит сквозь Дариалан и разливается по овсетской равнине⁴⁸. Эту реку также именуют Арагви, ибо с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Овсетская⁴⁹.

Оба войска расположились станом по обе стороны реки, крутые и скалистые берега которой покрыты были редким лесом и пересекались долинами. Обособились, заградили горные проходы и стояли так семь дней. В течение этих семи дней над рекой вели

поединки лишь *бумберазы*⁵⁰. Среди хазар, что были сообщниками овсов, был некий голиаф // [152] по имени Тархан. Выступил этот хазарин Тархан и зычным голосом возвестил: «Говорю каждому из воинов Вахтанга: кто среди вас многомогущий — сойдись в единоборстве со мною».

Среди персидских союзников Вахтанга находился некий воин по имени Фарсман-Фарух. В поединке с ним еще никому не удавалось устоять, ибо львов голыми руками он ловил. Он и вступил в схватку с Тарханом. С зычным кличем на устах они сцепились в единоборстве. В первой же схватке ударом меча по шлему рассек он Фарсман-Фаруху голову до плеч. Предались скорби Вахтанг и воины его, не было среди них равного Фарсман-Фаруху. Потрясенные этим воины преисполнились печали.

Наступила ночь. Вахтанг уединился в своем шатре. Стал в слезах творить молитву, взывал к богу и до рассвета молил его о помощи. И с помощью господней решил он сам вступить в поединок с Тарханом, исполнившись веры в бога и в собственные силы, ибо был бесстрашен, словно бестелесный.

На рассвете вновь явился Тархан у берега реки и глумливо требовал поединщика, но не нашлось никого среди воинов Вахтанга, готового сразиться с ним.

Тогда Вахтанг обратился к своему воинству: «Не в надежде на силу мою и отвагу, но уповая на бога беспредельного и троицу единосушую всетворящую вступлю я в единоборство с Тарханом». Дались диву вельможи и стали всячески отговаривать Вахтанга, стремясь отвратить его от поединка, ибо был он юн, но не ведали об опыте его.

//

[153] Не послушал Вахтанг, но решил сразиться; спешился, пал ниц, помолился богу и, воздев руки, произнес: «О, владыко! Творец! Умножающий добро и подъемлющий уповающих на тебя! Будь опорой мне, яви мне ангела твоего в помощь и порази неверного того и посрами хулителей твоих. Я же уверовал не в силы мои, но в милость твою». Встал, воссел на своего коня⁵¹ и говорил воинам своим: «Молитесь господу и не сомневайтесь». Отправился Вахтанг, и воины его остались позади; потрясенные и полные волнений всяк из них молился своему богу⁵².

Вслед за этим Вахтанг верхом спустился с косогора и приблизился к реке и стал у берега. Оба вооружены были копьями. Глянул Тархан и сказал: «Я воитель с многоопытными голиафами и исполинами, а не с юнцами, но и перед тобой так уж и быть — унижу голову свою». С кличем на устах они ринулись друг на друга и в первой же схватке поразил Вахтанг (Тархана) копьем в чресла. Не спасла прочность доспехов, пронзило копье его насквозь и умертвило его.

Преисполнились радости грузины и возликовали, стали неистово голосить и приносить богу благодарение. И сам Вахтанг тут же спешился, пал наземь и, молясь господу, говорил: «Благословен ты, господи, который явил мне ангела «поразил врага моего; ты возвышаешь уповающих на тебя; ты подъемлешь // поверженных и униженных возносишь из гноища». Отсек Вахтанг голову Тархану, сел на коня и вернулся к своему войску. Воздали воины радостными возгласами славу Вахтангу и возблагодарили бога.

На следующий день выступил из овсов другой исполин по имени Бакатар⁵³. Это был голиаф. Когда он седлал коня, никто не мог противостоять ему в поединке. Истреблял он всех единоборствовавших с ним, ибо орудовал луком длиною в двенадцать пядей и стрелую в шесть пядей. Подступил сей Бакатар к берегу реки и зычным голосом воззвал: «Царь Вахтанг! Не кичись победой над Тарханом: не был он причастен голиафам и потому был сражен юнцом. Ежели нынче в поединок ты вступишь со мною — не избегнуть тебе жестокой схватки и не будет тебе спасения, а ежели нет, то я готов сразиться с любым из твоих воинов».

Но отвечал Вахтанг Бакатару: «Не мощью моею одолел я Тархана, но силой бога моего. И страшусь я тебя не больше, чем пса, ибо сила Христа со мною, и крест его пречистый служит мне оружием». Вахтанг приготовил к бою свое воинство, сел на облаченного в панцирь коня своего и, прикрываясь щитом из драконовой кожи⁵⁴, коего и

меч не рассекал, спустился верхом по косогору и подступил к реке. Вызвал Бакатара и сказал ему: «Не перейду я через реку, ибо я — царь. Не приближусь я к рати овсетской, ибо от гибели моей сгинет все воинство мое. Ты же — холоп⁵⁵ и от твоего сокрушения войску // овсетскому не убудет, словно от смерти какого-либо пса. Ступай ко мне через реку». Овс Бакатар исполнил требование его, но сказал: «Я тот, кто победит тебя, и я переправлюсь через реку, но ты отступи от берега на три *утевана*»⁵⁶.

Вахтанг исполнил это условие: Бакатар переправился через реку и начал метать стрелы. Но Вахтанг ловко от них уклонялся, ибо велики были зоркость его глаз и острота ума, а также сноровка коня его, уже издали замечал он выпущенную из лука стрелу и проворно от нее уклонялся. По сю и по ту стороны реки войска трубили в горны и били в тимпаны. От неистовых криков воинов обоих войск — грузин и овсов — содрогались горы и холмы. Лишь дважды угодил Бакатар стрелою в щит Вахтанга, но не пробил его. Метнул он еще раз стрелу и сразил коня Вахтанга. Но прежде чем пал конь Вахтанга, набросился тот на Бакатара, поразил мечом в плечо и рассек его до сердца.

Только после этого пал конь Вахтанга, но царь ловко схватил коня Бакатара. Спервоначала Вахтанг припал к земле и сотворил молитву усерднее, чем прежде. Затем воссел на коня Бакатара, примчался к своему воинству и громко возгласил: «Воспряньте и мужайтесь, ибо с нами бог».

Готовые к бою двинулись войска: тяжеловооруженные всадники, одетые в панцири и железные шлемы — впереди, а [156] за ними — пешие, а за пешими снова множество // конников. И так грянули они на овсов. Овсы же заняли вершины скалистых гор и оттуда обрушили стрелы, словно потоки дождя.

Вахтанг с отборными всадниками находился позади своего войска, укреплял и воодушевлял воинов. Тяжеловооруженные конники, одолев скалистую дорогу, вступили на равнину. Вслед за ними двинулись и пешие и множество всадников. И произошла жестокая сеча. От разящих ударов Вахтанга справа — содрогались враги слева, от ударов слева — содрогались справа. И в этом сонме сражавшихся войск был слышен клич Вахтанга, подобный львиному рыку. В бою Вахтанга сопровождали два всадника: молочный брат Артаваз⁵⁷, сын *спасета* Саурмага, и царевич Бивритиан⁵⁸. Они также сражались отважно.

Одолели тогда овсов и обратили в бегство лагерь их. Сокрушили и полонили. Большую часть бежавших овсов схватили заживо для обмена их на прежде полоненных овсами грузин. Как только вернулись из погони, собрались в собственном лагере. Передохнув три дня и вознеся богу благодарение, вторглись в Овсети, сокрушили там города, захватили огромную добычу и увели большой полон.

И вступили в Пачаникети⁵⁹, так как Пачаникети граничила в ту пору с Овсети по ту сторону реки Овсетской, и [157] Джикети⁶⁰ была там же. Спустя // много времени, турки⁶¹ потеснили пачаников и джиков. Пачаники ушли на запад, а джики осели у пределов Абхазии⁶². Вахтанг разорил Пачаникети и Джикети и на обратном пути вновь подступил к Овсети. Цари овсетские бежали и скрылись в крепостях Кавказа⁶³. Вышли оттуда послы и заключили мир. Просили овсы в обмен на сестру Вахтанга тридцать тысяч овсов, наиболее отборных, названных овсами поименно. Вахтанг отдал им тридцать тысяч пленников в обмен на свою сестру и вернул ее себе.

Тех же пленников-грузин, что были захвачены овсами за шесть лет, (Вахтанг) обменял на равное количество. (Кроме того), он вытребовал у овсов заложника и отдал за него еще тридцать тысяч пленников. Пленных, выкупленных в Картли, было числом в триста пятьдесят тысяч, а помимо уже обмененных, пленных овсов оставалось еще числом шестьсот тысяч, не считая пачаников и джиков. Все это совершено было за четыре месяца⁶⁴.

Тогда же царь отпустил своих союзников — персов и царей кавкасионов — с великими дарами; отправил сестру свою Мирандухт и пленников по Дарьяльскому пути, а сам во главе большого войска картлийского двинулся по Абхазской дороге⁶⁵.

Неустрасимо и стойко начал завоевывать он крепости Абхазии, ибо царь греков — великий Леон⁶⁶ — в ту пору был занят в войне с персами, почему и не мог он отправить в Абхазию войско (против Вахтанга). За три года (Вахтанг) забрал все крепости Абхазии вплоть до самого Цихе-Годжи. Наконец, вернулся он в царственный свой град Мцхета. Приветствовали его мать и сестры его и множество горожан — мужчин и женщин — и склонялись пред ним и стелили // к стопам его полотнища и осыпали главу его [158] *драхмами*⁶⁷ и *драхканами*⁶⁸ и возвышенными голосами воздавали славу ему, ибо никому из царей не случалась столь жестокая битва.

Тут царь Вахтанг возблагодарил бога многочисленными молитвами и ночными бдениями и одариванием нищих. И роздал дары народу своему, сделал знатными всадников многоопытных, отважно сражавшихся против овсов. Да отправил подношения из собственной добычи брату своей матери Вараз-Бакуру: рабов — тысячу, коней вьючных — тысячу, кобыл — тысячу. Затем отправил персидскому царю: рабов — десять тысяч, коней вьючных — десять тысяч, кобыл десять тысяч. Все это поднес он царю Персии руками епископа Бинкарана⁶⁹ и просил у персидского царя дочь его в жены себе; царь же персидский выдал ему в жены дочь свою по имени Балендухт⁷⁰. И в приданое поднес Сомхити⁷¹ и всех царей кавкасион, и отправил ему послание, в начале которого было начертано следующее: «Вахтангу, Варан-Хосро-Тангу — великому царю десяти царей, от Урмизда — Царя всех царей». И писал он о нужде в помощи в войне против кесаря, ибо кесарь выступил в поход на Персию.

И известил об этом Вахтанг все воинство свое и всех Царей Кавказа. Собралось до двухсот тысяч воинов и расположились по обе стороны Куры. По велению персидского царя примкнул // к нему дядя по матери — Вазар-Бакур, *эри*[159]*став* Рана, с войском Адарбадагана, Рана и Мовакана числом около двухсот тысяч всадников.

В ту пору было Вахтангу двадцать два года⁷². И был он превыше всех людей своего времени и прекраснолик и столь обилён мощью, что пеший с оружием настигал оленя и ловил его за рога; коня оседланного взваливал на себя и из Мцхеты мог тащить его до крепости Армази. И был он единородным сыном своего отца⁷³, и сестра его Хуарандзе также была мощью сильна и прекрасна. И из колена благочестивого царя Мириана остались только Вахтанг и сестры его: восходили они к Бакару⁷⁴, сыну Мириана.

А Мириан и Григол происходили из колена Рева, сына того же Мириана, и во владении их была Кухети и проживали они в городе-крепости Рустави, ибо были ущерблены усобицей.

От царя Мириана до царя Вахтанга прошло восемь колен и десять царей, а лет — сто пятьдесят семь, а присно-праведных епископов истинной веры преставилось восемь, а прочие были возмутителями канонов⁷⁵.

Отправился Вахтанг походом в Грецию. И достигли они Армении, и в Перож-Кафе⁷⁶, где прежде упомянутым Перозом была выстроена крепость, примкнули к нему правители армянские: сюнйский Арев, аспураганский Джуаншер, таронский Амазасп — из воздвигнутого Григорием города, Трдат — из рода великого Трдата. И подступили к городу-крепости, который именовали Карахпол, а ныне именуют Карну-калак⁷⁷. // И стали против него воевать, но не сумели захватить, ибо был он трижды опоясан высокими сте[160]нами. И оставил для осады двух правителей с двенадцатью тысячами воинов.

Вахтанг же отправился в Понт и попутно разорил три города: Андзорети⁷⁸, Эклеци⁷⁹ и Стери⁸⁰. И приступили воины его к великому прибрежному граду Понтийскому⁸¹; и воевали три месяца, и достигла рать его града Константина. А персы вырезали всех церковнослужителей, каких только настигали. Но царь Вахтанг уведомил воинов армянских и всех персов, чтобы не убивали никого из монахов, но брали их в полон, и затем сказал им: «Когда отец отца моего Мириан выступил совместно с царем

персидским, племянником своим*, в поход против греков, они также обходились с монахами и церковнослужителями и потому были люто побиты неисчислимые их рати силой немногочисленного ополчения. Тогда же и отторгли греки от нас, грузин, эти пределы к востоку от моря. А битва первых царей произошла в Андиадзоре, где ныне находится могила великого учителя Григория⁸². И бежали оттуда цари наши. Мы же, пройдя десятидневный путь, обращены на север. И мы также пребываем в исповедании веры греческой в Христа, который есть единственно истинным из богов.

Неужто неведомо вам о чудесах, свершенных царем Константином водительством креста⁸³, либо о тех чудесах, которые имели место в стране греческой с царем-язычником Юлианом? — как поразило его копье небесное и собрались воины греческие и поставили царем Иовиана⁸⁴, а он не принял этого, покуда не сокрушил идолов и не воздвигали кресты и лишь после этого возложили на него царский венец. // То ангел небесный вознес венец и возложил его на главу [161] Иовиана — истинного государя. И звучал глас небесный, который вещал царю персидскому Хосро-Тангу⁸⁵: «Прекратите войну против Иовиана, ибо мощью креста он неодолим»⁸⁶. И с тех пор стали друзьями царь и Хосро до скончания дней их.

Или же памятно вам, наследникам оных Аршакунианов армянских, *пятихшей* Бивритианов, деяния Григория Парфянина и супротивника его Трдата Аршакуниана⁸⁷ — как пал он от гордыни своей и превратился в вепря? Однако Григорий обратил его и с той поры сделался он тружеником церкви. И потому как был Трдат герой, плечами своими воздвиг он великую церковь⁸⁸. Вы же исконные жители Картли — родичи царей картлийских, ныне поставленные правителями от нас, царей в родстве восходящих к Неброту, что явился на земле прежде других царей и мощью своею укрощал льва, словно агнца, и на бегу ловил онагров и диких козлов. И потому как возросла мощь его — покорились ему все колена Ноевы, доколе не воздвиг он град, камень коего он сделал камнем золотым и основой серебро и оградил его кирпичом и известью, а перемычки врат и окон создал из яхонта и изумруда, и от света их в бессилии отступала ночь. А внутри воздвиг он храмы и башни, кои трудно вам представить, да и немислимо припомнить всю премудрость его, которая далась ему, прежде чем воздвиг он лестницу в трехдневный путь и которую он водрузил на стене для восшествия ввысь. И пожелал он вознестись // в небеса и узреть обитателей небесных. Но как только преступил рубежи воздушные и вступил в пределы звездные, — не выдержало строение его, ибо плавилась золото и серебро, потому что с тех пор и поныне, сила огня в эфире мощно разгорается от вращения мира сего. И послышался ему оттуда зов семи сонмов небесных, от коего смутились люди. И стал человек в племени своем говорить всяк на своем языке и не стал человек внимать устам ближнего своего, и разбрелись.

А Неброту на языке персидском говорил: «Я есть архангел Михаил, что поставлен от господина владыкой Востока. Изыди из града сего, ибо господь покровительствует этому городу до наступления рая, что стоит подле строений твоих, между коими расположена гора из-за которой восходит солнце и вытекают две реки: Нил и Геон⁸⁹. А Геон несет из рая древо благовонное и травы, которые смешивают с мускусом⁹⁰. А теперь ступай и поселись между двумя реками — Ефратом и Джилой⁹¹ и отпусти племена те, кому куда заблагорассудится, ибо отпущены они богом. А царствие твое да будет над всякими царями, а в грядущие времена явится владыка небесный, узреть которого ты желаешь и который был отринут народами, и страх пред ним рассеет наслаждения мирские, цари покинут царства свои и обратятся в бедность. Тогда господь разыщет тебя в беде твоей и спасет». И все покинули город и удалились. И оставил говорящих по-индски — в Индии, синдов — в Синде, римлян — в Ри[163]ме, греков — в Греции //, аггов и магогов — в Магугии, персов — в Персии; но главным языком остался сирийский. Вот те семь языков,

---

* Дословно: «сын брата».

на коих говорили до Неброта. Поведал я об этом потому, что отцы наши втайне держали то писание, а меня говорить о том вынудила ревность божия. После этого отец наш Мириан⁹² воспринял благовествование Христово от Нины⁹³.

Или до пришествия Христова не платили пращуров наши дани, а с той поры, как греки воюют в иной стороне, не от этого ли мы ослабли? И он узрел Неброта в аду и спас его. Он и есть первый среди царей и (даже) Даниил⁹⁴ ему послушен, потому как Михаил⁹⁵ поставлен силой персов. И вы, о грузины⁹⁶, взгляните на чудеса эти, которые сотворила Нино. Или мнится вам, что господь предал греков? Большинство земель персидских они сокрушили и присовокупили себе, а нынче уже шестой месяц, как они узнали о походе нашем, и выступил кесарь, ибо оповестили его о нашем приходе и уж неподалеку от нас он, чтобы сразиться. И ныне всякий род да послужит богу и утешит страдания свои в церквах».

Высказав все это, разослал глашатаев, чтобы вывести всех монахов из убежищ, отпустить пленных, чтобы отправились, кому куда благоугодно. И вышло множество священников и диаконов, монахов и энкратитов⁹⁷ из пещер и скал, а более — из города Понтийского⁹⁸, ибо осаждали тот город почти четыре месяца.

И было среди них два человека: священник Петр из учеников Григория Богослова, ибо он священствовал на мо[164]гиле его, и монах Самуил. // И предстали пред Вахтангом — благодарить его за волю полоненным и освобождение церквей и священников. И по завершении молитвы царь смилостивился и проведаль их и велел привести всех пленников и монахов, освобожденных им немощных, ибо все эти убогие пребывали за городом. Выдал он тем убогим мулов, а отрокам по три *драхмана* и отпустил. А священника Петра и монаха Самуила оставил при себе.

А когда воины разошлись по своим шатрам и царь отправился вечерять, говорил царь Петру: «Богу было угодно это дело мое, ибо защитил я церкви и дал свободу пленникам».

Сказал Петр: «Говорить ли рабу твоему пред тобой дерзновенно или воздать хвалу ложную?».

Говорил ему царь: «Говори, ибо не ищущу я ничего, кроме обличения, дабы избегнуть лжи».

Сказал Петр: «Пред господом церкви телесные — превыше храмов каменных. Церковь каменная когда-либо да рухнет, но ее вновь воздвигнут из того же камня. Но уж коли рухнут церкви телесные — тут исцеление никому не под *силоу*: ни врачевателю, ни царю. Так, какое множество людей живых ты поверг? Говорено о крови Авеля: всякая кровь смыта ноевым потоком, а за кровь Захарии, сына Баруха, было воздано полным позором евреям; об этом говорит Исая: возьми и истреби всех детей его через Тита и Веспасиана. Или не читал ты книг Моисеевых: когда израильтянин стал прелюбодействовать с чуждым семенем, сколько душ было истреблено за одно это прелюбодеяние?⁹⁹ Так, сколько поругано девственников и храмов божьих твоими воинами?» // [165]

И сказал царь: «Но видишь ли, ведь Иовиан, радатель о защите церквей, одновременно состоял при нечестивом Юлиане? И ежели человек оступился, то пусть дальше падет».

Сказал Петр: «Не подтолкну споткнувшегося, но тебя падшего подыму, словно Давида от соблазна Урии. И не желаю я, чтобы уподобился ты человеку, который правою рукой созидает, а левою — разрушает, ни тому, что устами своими благословляет, а сердцем проклинает и поносит, но быть тебе подобным блаженной памяти царям, которые овладели этим миром и не отделились от царствия небесного: Давиду, Соломону и Константину, Иовиану¹⁰⁰ и прочим, им же подобным. Но в чем подобие твое Иовиану и кто владыка над тобою, меч которого висел бы над выею твоею, как над Иовианом (меч) Юлиана? И страдал ли ты, подобно тому, как Иовиан через Юлиана? Или кого избрал господь сделать владыкою твоим, чтобы держал он ответ о правоте твоей пред господом?»

Нет уж, тебя он поставил владыкой над всеми этими и тебе отдал всех. Отныне господь спросит с тебя всякое зло и воздастся тебе, коли не раскаешься».

Сказал царь: «Я желаю оправдания своего, но ты справедливо порицал меня за неправедность».

Сказал Петр: «Поскольку ты стал на стезю признания, грехи твои отступили от тебя. Но теперь я выскажу слово сердца твоего: не по невежеству восстал ты на борьбу против детей божьих, но чтобы пособить родне твоей персидской. И не ведомо тебе, что греки суть племя господне по обету и по нему нарек он их детьми божьими и вручил им печать, что сокрушила ад, сие же есть крест?» //

[166] Сказал царь: «Чего же теперь тебе надобно?».

Сказал ему Петр: «Желаю, чтобы тобою же зажженное пламя ты же сам погасил и стал другом кесаря, как до того был другом персов».

Ответствовал царь: «Желательно мне, чтобы вашими молитвами сей же ночью сошелся я с кесарем и чтобы стала меж нами любовь, да познаю я волю Христа согласно твоему призыву».

Сказал Петр: «Озадачила меня эта просьба твоя, ибо то по силам лишь людям избранным, подобным ангелам и исполненным совершенства, что обитают среди этих скал, лишь им дано (свершить) дело, о котором ты просишь. Дай мне срок, чтобы отправиться к ним и поведать им о воле твоей и молитвами их исполнить волю твою. Как бы не посрамиться нам, ибо мы — люди грешные, и быть может, господь сочтет за дерзость».

Разгневался на него монах Самуил и сказал; «Священник! О делах господних, словно о делах людских глаголешь. Или не читал ты, как господь говорил Поликарпосу:¹⁰¹ «Ежели бы ангелы захотели того ради блага людского, то был бы готов я распять себя в любом городе ради блаженства каждого. Или же превыше царя христианского Ахав—царь Израиля, коему говорил Исайя — требуй чуда в выси и глуби, сказал ему: забеременела девственница? Или ты забыл, кто сказал израильтянину — чего потребуешь от имени моего — дастся тебе? Исо сказал миру небесному — «обратись» — и тот обратился на три поприща. И отныне добродетельно слово кротости твоей, Петр, и преграда для людей маловерных. Ты же, государь, пособи нам несколько верою, дабы молитва убогих града сего исполнила волю твою». И удалились святые в жилища свои. //

[167] Царь же долго молился и затем лег. И как только стал засыпать — явилась ему женщина, которая была святая Нино, и сказала: «Восстань, о царь, на сретение предупредительно, ибо оба царя — небесный и земной — придут к тебе». И как только глянул — мгновенно узрел видение и было оно в (граде) Константина. Приблизился он спешно и увидел два престола: с вооруженным венценосным юношей восседавшим на одном, и на другом престоле восседавшего старца в белой хламиде, и на главе его был возложен венец светящийся, но не из золота, и у ног его сидела Нино. И десницу Вахтанга держал священник Петр, а шуйцу монах Самуил. И говорил Самуил: «Пади прежде к ногам великого владыки небесного Григория¹⁰²». Подступил он и поклонился. И сказал Григорий: «Какое ты зло натворил, человеце, столь разорив лагерь мой, и зверям отдал на съедение пасомых мною. И ежели бы не оба этих, что стоят рядом с тобою, и не женщина сия угодница, которая неустанно равно Марии трудится за вас, — отомстил бы я тебе, как (некогда) пращурам твоим, что славили огонь палящий, а не светоносного освятителя всех». И протянул руку и тот облобызал ее. И словно коснулся рукой венца сияющего, равный венец вручил Вахтангу и сказал: «Возложи его на Петра». А Петр взял венец несколько проще и возложил его на монаха Самуила. И говорила Нино Вахтангу: «Ну, а теперь подойди к царю и прими дары свои». Предстал он пред царем и облобызались они взаимно, и (царь) указал ему место на престоле своем и посадил его рядом. И дал ему перстень со своей руки с ярко сверкающим камнем, и сказал кесарь: «Коли желаешь получить от меня венец, дай обещание тому, кто вознесся над нами, что будешь воевать против его врагов// и возьми у него венец». Взглянул Вахтанг и узрел крест, [168] на

раменах которого был венец, и вид креста вверх его в особый трепет, ибо страшен был ужас его, и замолк. Но восстала Нино и глянула на Петра и Самуила, и они в один голос сказали: «Мы ручаемся, о Крест победоносный, что паче всех он преуспеет». И кесарь вытянул руку, снял с креста венец и возложил тот венец на главу Вахтанга.

И стали выходить, а епископ возвестил трижды и произнес: «Вахтанг, Вахтанг, Вахтанг! Быть тебе верующим паче всех сородичей персидских». Второй раз: «Тобою будут возведены церкви и поставлены епископы и архиепископы». И в третий раз: «И получишь венец мученичества». И во сне же, будто проснувшись, призвал Петра и Самуила и поведал им о сновидении, а они толковали: «Тот, которого видел ты на престоле в венце сияющем — это великий учитель Григорий, а тот, что вручил мне венец от него — дал мне главенство над епископами, а я, дав венец от себя ближнему моему, — сделал его епископом, а виденный тобой украшенный золотым венцом — это кесарь; а тот, что поднес тебе перстень — он выдаст тебе дочь свою в супружество и вернет тебе же все отторгнутые пределы картлийские; а венец с креста, данный тебе — потрудишься обильно споспешением кресту; а учитель наш, что трижды возвестил — выпросил для тебя три дара, дабы с помощью твоей была установлена в Картли католикосами и епископами истина и одолевал бы неприятелей до скончания дней твоих. А к концу дней твоих ты получишь венец мученичества в бою, чтобы не впасть в руки неприятеля. Все это исполнится прежде дряхлости твоей и старости» //.

Когда же проснулся царь Вахтанг, возблагодарил бога, [169] явившему все это, спешно призвал Петра и Самуила и спросил: «Что вы видели?». Они же ответствовали: «Ведай, государь; один из нас одесную, а другой — ошуюю стояли, когда ты предстал пред восседавшими на тронах кесарем и Богословом; затем также и царица наша утешала разгневанного на тебя учителя и поручила тебя руке его».

И говорил им царь: «Замолкните святые, ибо вам привиделось, равно как и мне. Ну, чего бы пожелали граду этому, столь близкому к падению? Что же нам делать с этими пленниками, число которых превышает тьму¹⁰³ и которые сейчас в руках наших? Так, пусть спешно от нас выйдет глашатай и возвестит, что царь персидский направляется в страну Джазирскую¹⁰⁴, и прошли персы Филистим вслед за кесарем, разорившим страну Персидскую, чему царь персидский не сумел противостоять. А кесарь, узнавши, что мы вторглись в страну его, спешит войной на нас. И видим мы, как войско персидское стремится к нам на помощь; и ясно нам, что войска персов превосходят воинства Армении и Картли, и нет среди нас никого истинно верующего¹⁰⁵. Все, что насадил отец наш Мириан или Трдат — родич мой по матери — ныне вера их всех нам ясна, ибо полна она соблазнов. Ну, а быть может, когда дела мои станут явными, разгневается дядя мой* и нам придется сразиться друг против друга и превратимся в посмешище для всех неприятелей наших. Но я все же поступлю так: как только выступят воины наши и сообщат нам о прибытии кесаря — мы отступим//. [170] Прежде мы сообщим о том кесарю, когда он придет и сблизится с нами, затем да будет так, как к тому призовет святость твоя. Да будет так, чтобы никто из пленников их не пострадал».

И отправился Петр к кесарю, а Самуил остался при царе. Назавтра явился якобы посланец и оповестил царя, что войска греческие выступили из Константинополя. И призвал царь Вахтанг брата своей матери и всех царей и сказал: «Что вы скажете, ибо ведома многочисленность войска греческого и коварство их в бою и проворность их морских кораблей. Ведь вступили они в Персию — страну витязей и голиафов — и не выдержали они боя с ними. Нынче я опасаюсь, а вдруг ежели войска явятся на кораблях, и они перехватят наши пути и перебьют нас, как в загоне. Однако снимемся отсюда и разобьем лагерь к югу от моря, чтобы обеспечить себе путь на случай удач и неудач».

Снялись войска из окрестностей города, прошли пятидневный путь на юг и стали подле Спери¹⁰⁶. И вышли из города жители, обреченные было на погибель и воздали

---

* Дословно: «брат матери».

Вахтангу благодарность и поднесли ему в дар тысячу литр золота и пятьсот штук драгоценных тканей и приступили те люди к мирной торговле и ремеслам¹⁰⁷.

Когда же Петр предстал пред кесарем и поведал обо всем том, кесарь возрадовался весьма и признал за Вахтангом все, что обещал тому в сновидении. И отправил священника Петра и твердо и клятвенно уверял (Вахтанга) быть достойным своего правления. А когда соединиться он с Вахтангом, они повергнут персов, бывших при Вахтанге, дабы те не стали их властелинами. Покуда Петр и // посланники [171] возвращались к Вахтангу, кесарь вступил в Константинополь и отправил пятьсот дромонов¹⁰⁸, в которых размещалось по пятьсот человек, и повелел им прибыть к Вахтангу, не принимая боя. Сам же кесарь выступил по Понтийскому пути¹⁰⁹ с восьмьюстами тысячами воинов. И когда, то морское воинство приблизилось, персы замыслили вступить с ними в схватку, но царь сдерживал их и не допустил сражения.

Когда же послы кесаря и Петр передали (Вахтангу) дары, он узнал тайные, а затем и явные слова (кесаря). А публично он сообщил вот что: «Не отступай, но стой до прихода моего, чтобы тех персов, что находятся при тебе и которые остались неистребленными в пору нашего вторжения в Персию, перебить их также».

А тайно¹¹⁰ передал ему и залог — крест и венец, одеяние, а также слова: «Как только сойдемся, отдам тебе крепость Тухариси¹¹¹ и пределы Картлийские». Царь Вахтанг же явно дал ответ: «Не по иной причине мы явились сюда, кроме как для войны с тобой. Ступай же на нас, но коли нет, то мы сами явимся в Константин(ополь)». А тайно же уведомил и сказал: «Что не украсит твоего боголюбия, чего бы не сделал ты сам — не заставляй других, ибо вероломство не пристойно людям честным. Так, ежели предам персов, то не обесчестится ли имя мое? Да и у многих из них любовь ко Христу более, нежели у нас, но страха ради скрывают они это¹¹². Так, повели завершить благополучно это дело, по примеру Иовиана и персов. А после того, как только завершится наше дело успешно, мне будет сподручнее отдать их тебе в руки, и пусть не будет это неблагопристойно и тревожно для вас, чтобы не пали ваши люди от меча, ибо ваши воины зазнались // из-за побед над персами. Но пер[172]сы не то, чтобы оробели, но из мести идут на бой: либо погибнуть, либо отмстить за кровь свою. Но ежели твои воины начнут биться с ними, то я умываю руки».

И отправились к кесарю Вараз-Михр¹¹³ — брат его (Вахтанга) воспитателя и монах Самуил. А кесарь же подступил к городу Понтийскому, и понтийцы вышли встречать его и воздавать ему славу и (выразили) благодарность Вахтангу, ибо защитил он их и не обрек на гибель. Когда же посланники царя Вахтанга достигли города — поднесли им дары: тысячу мешочков мускуса, пятьсот амбры и тысячу литр благовоний. И разошлись воины Вахтанга на добычу, но напустились на них пешие воины греков и заодно с ними до трех сот тысяч сброда, всадников из местностей и городов¹¹⁴. Царь же Вахтанг силой сдерживал этих грабителей, покуда не явился брат его матери, *эристав* персидский, и гневно не сказал ему: «О, змей и потомок аспида! Разве неведомо (было), что мать отца твоего была гречанкой из рода Иовиана? И одолела в тебе природа матери отца и привилась тебе любовь к распятому тому смертному человеку, и замыслил предать нас в руки грекам». Вахтанг же говорил: «Вот — ты и вот — греки, и узришь силу того смертного и живого человека, на коего ты уповаешь». И загремели трубы, и выступили отовсюду армяне, персы и царь Дербен[173]да. А царь // Вахтанг и грузины вышли на смотр и стали. И воссел царь на слона белого, у лесистого берега того моря, на полуострове¹¹⁵. А до появления войска персидского греки побили из них до двадцати семи тысяч. И ожесточилась битва, и убили брата матери Вахтанга — *эристава*. И убили царя леков Ипаджаджа и множество *эристамаров*, и был осилен лагерь восточный. Был у греков военачальник Поликарпос Логофет, племянник* их царя. Был он мощен и побил отважных воинов персидских и он же справился с их *эриставом*.

---

* Дословно: «сын сестры».

Тут соскочил Вахтанг с колесницы и сказал: «Мы вовсе не помышляли об этом, но на то была господня воля, ибо мы желали мира, но дерзость персов разгневала господина и бог отплатил им и умертвил *эристава* Рана, и вся Персия будет скорбеть о нем, словно о собственной гибели. Ныне спесь персов посрамлена, выносите крест и понесем его пред собой, ибо за что преследовали нас, тем и победили их и будем детьми могущества и не вступайте в междоусобицу по наущению кого-либо, и не терпите пред собой преимущества врагов; да будут руки ваши руками моими, чтобы не обречь себя на полную гибель. И будем гнать их не только здесь, но и погоним (вплоть) до Адарбадагана, как воронов, гонимых собственными же птенцами».

И священник Петр явил крест, и говорил царь: «Стань пред лицом вражеским и воинами нашими и вели всем — [174] «Поклонитесь кресту и // одолеем врагов», — а тех, кто не поклонится — умертвите. И повелел Деметру — *эриставу* своему, и *спасету* Джуаншеру следовать за крестом. И прозвучал мощный призыв глашатая: «Не поклонившийся кресту — да умри!». И подходили все воины и поклонялись и становились пред крестом. И Борзо¹¹⁶ — царь Моваканский — сказал: «Не отрекусь я от огня палящего и не поклонюсь древу трухлявому, разукрашенному золотом и драгоценными камнями¹¹⁷». Сразил его *спасет* Джуаншер, и пал он трупом. Отныне никто не дерзал порочить крест, и клятвенно заверяли воины царя Вахтанга: «Ежели вспомоществует нам крест, то не знать нам бога иного, опричь Распятого».

И спешился царь и поклонился ему, а заодно с ним все ополчение его. И говорил царь: «Владыко господи, яви мощь твою сему люду твоему неверному, дабы приобщить его к вере уповающих на тебя; пусть и падшие они, но остались жить, и живые твои чрез жизнь твою суть мощны». А те войска греческие явились, словно молнии. И Поликарпос, подобно волку, вывалявшемуся в крови, и словно лев разъяренный рычал и посрамлял воинов этих. Но царь сказал: «Есть ли среди вас воин, готовый схватиться с ним и стать равноцарственным мне?». Прошелся глашатай дважды, но никто не посмел отозваться на эти слова.

Тогда говорил Вахтанг: «Не своей силой велик человек, но мощью, ниспосылаемой ему господом. И уповая на мощь твою, я, подобно Давиду, выступлю со знаменем // креста; дай мне силу, как Давиду против Голиафа, ибо и этот явился для унижения и посрамления креста твоего; когда он узрел крест, воздвигнутый в помощь нам, он не бежал прочь, но в уповании на силу свою вступил с ним в единоборство». И сказал: «Воззри, господи, на возгордившихся и посрами их; затем виждь страждущих и спаси их. Этого я считаю недостойным, и не боюсь мне, ибо данная тобою сила велика, ею я и одолею, но робею я пред тобою и потому услышь глас смиренного и пособи мне».

Обнажил меч, коснулся им креста и пред выстроившимися воинами сказал: «Лев быку не чета¹¹⁸, ибо я — царь, ты же — холоп, однако я готов сложить смиренно голову за народ, дабы уверовал он в силу креста». И пошел на него Поликарпос. Вахтанг ступал ему навстречу степенно и уверенно. Выстроенные по обе стороны воины возопили голосами устрашающими и был вопль их подобен раскатам грома, от которого сотрясалась земля. И грянул Поликарпос по щиту Вахтанга, скроенному из шкуры дракона, и вонзил в него на локоть копье, а толщина копья равнялась человеческой руке. И оставив щит на копье, царь сошелся лицом к лицу (с Поликарпосом) и поразил его мечом по шлему и раскроил ему голову и рассек до плеча. И протянув руку, поднял половину головы его, положил ее пред крестом и сказал: «Такова будет участь всякого, отступившего от тебя».

И нагрянули воины Вахтанговы на воинов греческих и обратили вспять, и // разделившись на отряды, потеснили [176] их к берегу моря. И никто из них не спасся, кроме тех, кто успел выйти в море и бежать на судах¹¹⁹. В тот день пало из воинов Вахтанговых сорок три тысячи, а воинов греческих погибло семьдесят две тысячи да полонили сто двадцать пять тысяч.

Когда же возвратились воины Вахтанговы и пришли к праху Вараз-Бакура — брата матери Вахтанга — предалися трауру, умастили его алоэ и смирной и отправили в Барду.

А царь Вахтанг созвал свое воинство и велел привести всех пленников. И привели их до единого: было их общим числом — мужчин и женщин — семьсот восемьдесят тысяч. И отправили их всех к кесарю в сопровождении своих *эриставов* Насре и Адарнасе. И начертал письмо, а именно: «Непостижна мудрость божия; ум и волю людскую побеждает воля господня. Ведомо мне, что не было твоего благоволения в деле, которое натворил Поликарпос, равно как не было и благожелания моего в поступке брата матери моей и (потому) обоих сил злонамеренных зло и отловило. Потому-то и сделал господь так, чтобы этих новообращенных ввести во страх пред верой его, и как блудным детям своим сотворил дело радостное. Вы же первородцы божии и вовеки пребудете ими. Ныне скорбь мою о брате матери моей я утешил, отмстил убийцам сына сестры вашей. Вас же я утешаю теми семьями восемьдесятю тысячами воинов, коих спас господь. И ежели соблаговолишь встретиться со [177] мною — поспеши, а ежели нет — уладь // дела наши через послов, а нам тягостно пребывание здесь из-за разора страны этой».

А до прибытия посланников кесарь был погружен в большое уныние. Но когда ему сообщили, что плененных вначале и пленников из бежавших и (захваченных) в ходе их преследования (Вахтанг) отпустил в полном числе, он возрадовался весьма и покинули его все печали. Царь сел в корабль налегке и с тремястами дромонов подплыл к морскому берегу и призвал Вахтанга. И обменялись клятвенными обещаниями и обоюдно уладили дела¹²⁰. И кесарь вернул Вахтангу пределы картлийские, крепость Тухариси и всю Кларджети — от моря до Арсианских гор¹²¹, и долины, что прилегают к горе Гадо.

И распросил кесарь о пограничной с Грецией приморской стране, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали и до реки Малой Хазарии — это суть рубежи Греции со времен Александра¹²², их ныне ты руками своими отобрал у нас. Теперь же верни их нам и когда в жены себе возьмешь дочь мою, тогда я и отдам тебе ту страну». И отписал земли между Эгрис-цкали и Клисурой¹²³ (в качестве) приданого, а прочую Абхазию¹²⁴ Вахтанг вернул грекам.

И двинулся Вахтанг по дороге Кларджетской, а воинов своих отправил по дороге Сомхитской. И когда достиг Тухариси, глянул и возлюбил эту крепость да сказал: «Ты ли эта крепость». И как только отправился далее, обнаружил скалу в центре Кларджети, а там и деревню, называемую Артануджи¹²⁵. И позвал молочного брата своего Артаваза и поставил его *эриставом*, и повелел ему воздвигнуть крепость Артануджи и затем велел ему же разыскать в том ущелье место для монастыря и построить церковь, и // создали мо[178]настырь по образцу виденного ими в Греции. И сказал Артавазу: «Ежели персы превзойдут нас мощью, то тут будет уготовано нам убежище».

И Артаваз возвел крепость Артануджи и монастырь, который есть Опиза¹²⁶, и три церкви: в местечке Мери, Шиндоба и Ахиза. И обновил крепость Ахизскую и создал в ней вертеп.

Когда же вернулся Вахтанг и вступил в свой город Мцхету, возникла радость великая и были вознесены господу благодарения по случаю благополучного его возвращения. И одарил он обильно людей своих.

Персидский же царь, узнав, что Вахтанг примкнул к грекам, вернулся в Персию и помер. А вместо него царем стал сын его, но прежде чем он вступил в возраст, прошло три года.

А царю Вахтангу супруга его родила близнецов — сына и дочь — и во время родов скончалась царица Балендухт, — дочь царя персидского. А Вахтанг нарек сына своего персидским именем Дарчил¹²⁷, а по-грузински — Дачи. В ту пору царь Вахтанг не улучил времени, чтобы взять в супруги дочь царя греческого, а также католикосов и епископов, ибо пребывал в ожидании вторжения персидского царя: укреплял крепости и города, снаряжал конников и готовился к войне против персов. Тогда же заточил он в темницу совратителя Бинкарана — епископа огнеслужителей — и сокрушил и изгнал всех огнепоклонников из пределов Картлийских.

Спустя три года, царь персидский выступил против Вахтанга, подступил к Индабриану¹²⁸, где и стал лагерем. А Вахтанг отправил // к греческому царю (посланника) и уведо[179]мил его, а именно: «Так, вот и настал тот день, который я обещал — предаю персов в твои руки; ну вот — пропустил я их до середины пределов Картли, а числом они в целом — около трехсот тысяч человек. Он помышлял также о приумножении ополчения своего в Армении и (с помощью) царей кавкасионов, но они не позволили себе единения с ним, ибо некоторые из них уверовали в распятие; но прочие — одоленные дьяволом цари дербендские¹²⁹ — примкнули. Ныне я исполнил данный мною обет: так, ежели где обнаружил дом огнепоклонников — залил его мочой, жрецов и их соглядатаев предал жестокому истязанию, а совратителя Бинкарана заточил в темницу, но он избежал смерти. Он же привел персов в Картли. Я поставил епископом человека верного Микаэла. А Бинкаран, как только он достиг рубежей Картли, помер. Теперь пусть воинство твое спешно направится сюда, дабы пали здесь все неприятели креста и освободил ты от супостатов твоих; а ежели одолеют нас, то усилятся персы и вступят в пределы твои по дороге Шимшатской»¹³⁰.

Но прежде чем посланцы царя Вахтанга достигли (кесаря), кесарь отправился в направлении страны Хазарской, из-за чего ему и стало недосуг идти в Картли. Тогда Вахтанг усилил крепости городские, и отборных бойцов своих, бывших при нем, около ста тысяч всадников и ста тысяч пеших, расположил лагерем в Дигоми¹³¹ и до врат Картли, а персы стали книзу от Цхенис-терпи¹³² //

А Вахтанг расширил Могветский мост до шестидесяти *мхари*¹³³, чтобы войска могли разминуться на нем. А царь и *спасет* Джуаншер стояли во Мцхете, а Насра и Мирдата поставили над войсками Армении (Сомхити) и Картли, что стояли в окрестностях Армази. Когда персы сражались подле Армази, (воины Вахтанга) покидали Мцхету. Когда же войска направлялись в сторону Мцхеты, вступали в схватку с ними на реке Арагви. Иногда переправлялись через Куру вброд — вступали в бой у Тбилисского брода. В иные дни одолевали те, в иные — эти.

[180] А Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка, а на обратной стороне — Льва. И устремлялся он туда, где сдавали силы грузин, и под его натиском падали воины персидские, словно онагры под натиском львов. Впредь персам стало невмочь противостоять ему, ибо запомнили того, у кого выведены (на шлеме) Волк и Лев и при виде Вахтанга восклицали: «Дур аз Горгасал», что значит следующее: «Остерегайтесь головы Волчьей». После этого и нарекли царя Вахтанга Горгасалом.

Война меж ними продлилась до четырех месяцев. Тут прибыл гонец от кесаря и поднес дары Вахтангу и привел к нему до восьмидесяти тысяч конных воинов греческих и написал Вахтангу следующее: «Вернулся я из войны с Хаканом и посылаю тебе восемьдесят тысяч всадников, а Леону я написал: «Ежели призовет тебя воинство — пред тобой раскинулись (земли) от Милитины¹³⁴ до Ламида и далее до Карну-калака», и повелел я Леону быть с тобою». //

[181] И дошла рать греческая до Джавахети. Когда же персидский царь узнал о приходе греков на помощь им (грузинам), то вступил в переговоры с Вахтангом. Отправил к нему посланника и сказал: «К чему мы истребляем друг друга? Мы же братья, дети Неброта! Коли огонь — это бог, то да поможет он нам; мы же останемся в любви к пращурам нашим. И всякий из нас да благоволит служить по приязни духа своего».

Когда же явился этот посланник и поведал царю Вахтангу все порученное ему персидским царем — оно пришлось по душе Вахтангу и всему его воинству. Выдал царь Вахтанг дары, вернул посланника того и сказал: «Узрел ты силу креста, ибо до явления Распятого все цари приносили дань тебе. С явлением же его — победят тебя все уверовавшие в него, и данники твои греки воюют по сю сторону и развеяли очаги огнепоклонников. Отныне же, коли вступишь в борьбу с нами, чтобы отторгнуть нас от веры — помрем мы за нее, как помер Он за нас, и Он воскресит нас. Но ежели исполнишь ты слово свое и огонь перестанет быть тебе богом, но будет нам единым господом

Христос, я сделаю тебя отцом и владыкой моим¹³⁵. И хотя я первородный, но на престоле отцов наших восседаете вы».

После того, как высказали ему слова Вахтанга, тот уважил его и выдал Горгасалу богатые подношения, и среди них венец с анфраксовыми камнями, и условились о поре встречи. Снялся царь персидский, отступил к Рустави; выступили они на заре, стали в долине Кала, ибо местность Тбилиси, как и крепость Кала, была разорена. А царь Вахтанг стал в Джачви, и сошлись в той долине оба царя, // Поприветствовали друг друга и признали незыблемость каж[182]дого в своей вере. И пригласил в тот день Горгасал царя персидского с воинством его в Тбилиси и поднес ему тысячу рабынь, пятьсот рабов, драгоценных полотен златотканых — пятьсот, шелкотканых — пятьсот, кобыл — десять тысяч, лошадей вьючных — пятьсот, мулов — триста, волов¹³⁶ — четыре тысячи, овец — десять тысяч. На третий день Горгасал явился к нему, взяв с собой Леона — антипата кесаря, и имели совместные суждения. И просил антипат Горгасала о мире между кесарем и Хосроем, ибо робели греки — а вдруг персы вторгнутся в Грецию и разорят ее, потому как все войска греческие полностью были в Хазарии.

И говорил Хосро Горгасалу: «Требуй от меня, что бы тебе ни заблагорассудилось, либо что бы ты захотел дать другому». А Горгасал ответил: «Желаю мира между тобой и кесарем». Сказал Хосро: «Огорчила меня просьба твоя, ибо греки, улучив время, обратятся с нами немилосердно. А я потому возлюбил тебя, чтобы вторгнуться в Грецию и отмстить им. А вот и посланник хазарского царя, уже десятый день как явился он к нам, но неведомо тебе о причинах вражды нашей. Нынче же я поведаю тебе о дерзости их в отношении нас, а затем я исполню волю твою, потому как обещал твердой клятвой, что не поступлю против воли твоей». И сказал следующее: «Ведомо тебе, что по сю сторону моря суть владения наши, выделенные нам со времен Ноя, а он ныне отвоевывает у нас Джазиру и Шам¹³⁷, да разорены города, а Шам — это наше царство. Но ведь половина, Джазиры, определенная отцами нашими, является твоим уде[183]лом, а греки присвоили //ее, и вот я хотел выступить, чтобы вернуть ее. Ну, а теперь удел предков твоих дели ты сам, это дело твое и греков. Но прочую часть Джазиры пусть греки вернут нам, этого я требую от тебя».

Когда же антипат Леон услышал все это, возрадовался весьма и, поклонившись обоим царям, сказал: «Пять городов Джазиры пусть достанутся тебе в собственность, ибо половину Сицилии¹³⁸, которую мы отобрали у тебя, — возвращаем, и пусть во дни наши установится мир меж тобой и им».

И сказал царь: «Кто знает, признает ли царь греческий дела наши». Но Леон сказал: «Когда царь отправлял меня в качестве уполномоченного своего, то некий богомудрый монах говорил ему, что господь желает мира между тремя этими царями. И стало же так. А кесарь повелел книжнику составить письмо о мире. И вот оно — составленное то послание».

И сказав об этом, прочитали то послание, написанное клятвенно: «Я не востребую от вас ничего, кроме того, что дал царь Персии Иовиану». Призвал персидский царь посланника царя хазарского, а тот подстрекал персов против греков. Тут персидский царь принес свиток и собственноручно написал любезное послание греческому царю с признанием (государственных) рубежей и о возвращении Сицилии. Признал за ним Филистим с Иерусалимом. И сказал так: «Градом веры вашей является Иерусалим». И выдал Горгасалу дары: благовоний — три тысячи литр, амбры — пятьсот литр, мускуса — пятьсот литр, меринов — три тысячи, одеяний царских — тысячу и соболей — три тысячи.

И удалился Вахтанг восвосяси; на завтра царь (персов) [184] отправил Вахтангу Барзабана, // личного мобидана, и уведомил Горгасала следующим образом: «Чего возжелаешь от меня — впредь я обещаю выполнять. Правь государством своим, как тебе заблагорассудится: разошли уполномоченных своих и получи города свои, коих я дал тебе (так же, как) и кесарю. А Барзабану я повелеваю отправиться к кесарю с целью получения

им областей и городов ваших. Ты же ведай, что из-за всего этого дела разгневались на нас старейшины персидские, ибо они полагали, что я разорю Грецию, но я ныне пожаловал им два царства у рубежей моих. Теперь же у меня к тебе просьба: выдай сестру твою мне в жены и посети страну нашу отчинную, дабы повидать тебе родню твою и быть тебе самолично мне пособником против неприятелей моих абашей и эламитов, хиндов и синдов, ибо пошли они на тяжкое злодеяние: унизили царствование мое. И теперь, когда ты явишься ко мне — заявил бы я старейшинам и *марзапанам* моим: «Утвердил я любовь с моими друзьями, ибо так соблаговолил брат мой царь Вахтанг. Некоторые страны мы им отдали, но при их содействии мы сделали данниками неприятелей своих». Тем самым утихомирим гнев старцев их на греков. Ты же самолично будь мне опорой, но рати твои пусть останутся на местах своих».

Тогда Вахтанг созвал своих советников, и антипат Леон говорил следующее: «Велико благо, отпущенное тобою грекам, более (заслуг) их царей, восседающих на престолах своих, ибо спас ты город Понтийский от гибели и выдал ты ему семьсот восемьдесят тысяч душ и ныне тобой будут даны ему Джазира и Филистим, коими ни один из греческих царей не овладевал мирно. И прав Хосро, ежели ты не уважишь его — ничемным // сочтет его свой народ. Хотя он и не говорил тебе: «вторгнемся в ту сторону», — ибо в этом и выражается полное согласие. Я дам тебе из моего войска десять тысяч вооруженных воинов, а сам отправлюсь совместно с твоими посланниками к кесарю, а оттуда примкну к тебе в Джазире с сильным войском».

Так советовал антипат Леон. И отнеслись благосклонно к его совету и царь Вахтанг, и все вельможи его. И выдал Вахтанг за царя персидского сестру свою, которую звали Мирандухт и которая некогда была пленена овсами и которую выручил Вахтанг. А Хуарандзе он не выдал, потому что она была суженой *пйтиахшиа* армянского. И вывел Вахтанг сына своего, коего именовали по-персидски Дарчил, а по-грузински Дачи. Было ему пять лет; возложил на него венец и поставил царем и приставил к нему вельмож своих: начальный — *спаснет* Джуаншер, владетель Внутренней Картли и владыка всех *эриставов*; затем Деметре — *эристав* Кахети и Кухети; и Григол — *эристав* hЕрети; и Нерсаран — *эристав* Хунана; и Адарнасе — *эристав* Самшвилде; и Самнагир — *эристав* Внутренней Эгриси и Сванети¹³⁹; и Бакур — *эристав* Маргви и Таквери¹⁴⁰.

И препоручил им сына своего Дачи и повелел возвести Уджарму¹⁴¹ и воспитывать в ней царя Дачи, ибо счел эту местность удобной для охоты и овцеводства. И забрал с собой четырех вельмож своих: Артаваза — *эристава* Кларджети, Насара — *эристава* Цунды, Бивритиана — *эристава* Одзрхе // и Саурмага — главного своего *эджиба*¹⁴², и с ни[186]ми заодно десять тысяч всадников, отобранных из его рати.

А Леон антипат оставил ему десять тысяч греков из собственного войска, а сам отправился к кесарю. А царь Вахтанг отрядил с ними посланником *эристава* Кларджетского Артаваза и отправил кесарю сполна все полученные от Хосро дары; только дорогие ткани и коней он оставил себе, а прочее все отослал и повелел Артавазу (вместе) с Леоном антипатом соединиться с ним в Джазире.

А мать и сестра Вахтанга Хуарандзе взмолились взять и их с собой, чтобы помолиться в Иерусалиме. Забрал он их с собой и пошли царь Вахтанг и Хосро по Адарбадаганскому пути; а оттуда Вахтанг, его мать и сестра отправились в Иерусалим, а Хосро дожидался их в Антиохии. Вступили (в Иерусалим) и помолвились в святое воскресение и поклонились всем святым местам, сотворили молитву в святое Вознесение, принесли жертвы обильные и вернулись в Антиохию¹⁴³.

А Леон, антипат кесаря, и Артаваз, *эристав* Вахтанга, явились с двадцатью тысячами отборных конников и поднесли Хосро неисчислимы дары от кесаря, и Вахтангу подношения необъятные. И передал кесарь через посланников радость и благодарение богу, и Вахтангу воздал хвалу и благодарения безмерные. И уведомил Вахтанга: «Повелеваю я Леону следующее: да будет он в страхе и в повиновении у тебя, равно как и

у меня». И собралось под началом Вахтанга греков, грузин и армян пятьдесят тысяч отборных всадников //.

[187] Тогда царь персидский повелел Вахтангу: «Потому как мать твоя и сестра премного утруждены, пусть они также придут в царство мое, чтобы совместно справиться нам радость нашу. Затем, ежели они пожелают вернуться в Картли — пусть возвращаются по Ранской дороге¹⁴⁴. А ежели пожелают дожидаться тебя — пусть ждут тебя в городе Урха»¹⁴⁵.

Повеление Хосро пришлось Вахтангу по душе. И собравшись, совместно отправились. И разослал персидский царь всем вельможам своим вестников и уведомил их всех об этом. Они же возрадовались великой радостью, ибо, словно огнем, были охвачены (желанием) бороться против хиндов, синдов, абашей и джорджанов¹⁴⁶. И прибыли в Багдад, и вышла им навстречу с великой радостью знать персидская. И справили свадьбу царскую, длившуюся шесть месяцев в неизбывной радости и увеселении. А по завершении свадьбы сделал богатые подношения матери и сестре Вахтанга, и те ушли в Урху. И все население персидское чтит Вахтанга наравне с царем своим Хосро. Затем отправились против врагов.

[188]Спервоначала пришли в Джорджанети и захватили Джорджанети и разгромили все население, а на место их поселили племена персидские. И впредь джорджанцы стали крестьянами и ныне являются данниками персов //.

И вступили оттуда в Индию и совершили там бои и поединки мощные. А было там в обычае: перед тем, кто одолевал в поединке, бежал весь лагерь (побежденного). И поразил царь Вахтанг пятнадцать *бумберазов*, которые повергли множество великанов персидских. И провели в боях в Индии три года, и захватили большинство земель Индии, однако укрепленных городов и крепостей не одолели, ибо были они опоясаны стенами. И взяли дань с царя персидского: мускуса — тысячу литр, столько же амбры, благовоний — десять кораблей; каменьев яхонтовых и изумрудных — целый корабль и вместе с ними сапфиров различных; золота — сто верблюдов, серебра — пятьсот верблюдов¹⁴⁷.

Оттуда вступили в Синдию. Тут царь синдов распределил ополчение свое по крепостям и городам. И в какую сторону ни направлялись персы, чтобы захватить синдов, эти выходили из крепостей и наносили персам жестокие удары. И пало бесчисленное обилие воинства персидского¹⁴⁸. Однако воины Вахтанговы силой Христа оставались невредимы и одолевали врагов повсеместно, но особым мужеством выделялись упомянутые четыре знатных (воина)¹⁴⁹ Вахтанга и грек Леон, ибо они уложили множество отважно сражавшихся витязей синдских. А царь синдов пребывал в городе Синдии. Тогда со всеми своими силами пришли в Синдию и там произошли жестокие битвы. И каждодневно самолично бился царь синдов //, ибо был он мощный и отважный испо[189]лин; он выводил всадников синдских и происходили единоборства витязей. В иные дни побеждали эти, в иные — те. А царь синдов лично одолел всех витязей, сразившихся с ним, однако в продолжение многих дней сражений он не сходил с Вахтангом.

И тогда в том же поле, у ворот городских синдский царь за ночь вырыл глубокий ров для укрытия своих всадников, искусно проведя выходы из него, расположил в нем десяток отборных всадников. Рано утром выставил некоего витязя. А в тот же день быть у ворот стражем полагалось Вахтангу. Выступил сей витязь и вызвал его на бой, замыслив заманить его и предать тем упомянутым всадникам. Тогда Саурмаг, привратник* Вахтанга, выступил и сказал: «Ты не достоин единоборства с царем, в схватку с тобой вступлю я — холоп с холопом»¹⁵⁰, и ринулся на него. Но синд бежал, а Саурмаг, как это положено, стал его преследовать, ибо неоднократно приходилось ему сражаться в том поле. Когда же он проскочил мимо скрывшихся в засаде вышеупомянутых всадников, тут-

---

* В оригинале: эджиб.

то они и кинулись за ним в погоню. А бежавший внезапно повернулся к нему. Саурмаг насмерть поразил его копьем, однако десять остальных убили Саурмага.

Тут ринулся лично Вахтанг и трое тех знатных: Артаваз, Бивритиан и Насар, а заодно с ними и грек Леон. А синды те бежали и преследовал их Вахтанг с соратниками своими до самых городских ворот, но синды скрылись в городе. Вахтанг, исполненный печали, вернулся и горевал над прахом Саурмага, как над братом своим возлюбленным. Ибо и росли-то они вместе, (потому как тот) был племянником воспитателя его, отца Артаваза, преданный, благонадежный и доблестный. //

[190]Тогда царь синдов выступил из ворот городских и начал зычно голосить и сказал: «О, царь Вахтанг, подобен ты той вороне неразумной, что повстречалась раненому ястребу, коего побил орел; не в силах летать, был он обречен на погибель. Но ворона поступила наперекор принятым вороньим правилам. Ибо когда обычная ворона видит ястреба начинает каркать во всеуслышание, оповещая прочих ворон и на ястреба налетает воронья стая, чтобы прогнать его из гнездовья его и устроить дни свои в благополучии, ибо и животным понятно своекорыстие.

Ворона же не поступила подобным образом, но благодетельно сжалилась над тем ястребом. Перестала она растить птенцов своих и стала усердно собирать акрид и змей для ястреба, потому как добывать прочее несподручно вороне. Тем и содержала она ястреба. Когда же раны на крыльях ястреба зажили, сказал он в разуме своем: «Вот уж много дней питаюсь я акридами и змеями, но не вернулась мне мощь предков моих, ибо не дадут мне сил акриды. Ежели бы я мог нагонять птиц, то напитался бы ими; но схвачу-ка я покамест ворону эту — благодетельницу мою, съем ее и отдохну пару дней: придут мне силы и начну по обыкновению предков моих выходить на охоту». Потому и исполнил это: схватил ворону ту и съел ее. Затем начал охотиться на больших и быстрых птиц. А вороне не воздалась слава за благодеяние ее, но говорят о ней, как о неразумном самоубийце. И не воздалась хула ястребу тому за неблагодар[191]ность его и немилосердие, ибо так оно и заведено // в роду и обычае ястребов: исхудал бы и помер он от акрид и потому поступил он по правилам и спасся от погибели. Ворона же та поступила не по обычаю своему, потому-то и погибла.

Так вот персы, что изначально и поднесь и присно веки суть враги служителей креста, ныне являют им любовь в бессильном лицемерии. Но как грядет время, то не будет от них пощады и доброй памяти. Это многожды случалось и познано нами из книг. И когда ты узрел обессиленных мною персов, не поступил так, как положено тебе было — ликовать и воздавать хвалу богу твоему и призывать прочие племена и звать врагов на персов и пособлять супостатам Персии. Не поступил ты так, но оставил дом отцов твоих и обратился в предводители великого христианского войска греков и пройдя двухгодичный путь, стал опорой персов. Но как только соберутся — обрекут тебя и страну твою на погибель и истребят сполна почитателей креста. Это ты воистину навлекаешь на себя и на головы служителей креста. Так, к чему привел я тебе притчу о вороне? К тому, что ты, государь самодержавный и отважный, доброхотно отдал себя в рабство врагам твоим. Так почему мне не назвать тебя неразумным?».

Тогда Вахтанг сказал: «Мнилось тебе, что говорил ты, убежденный оком мудрости. Однако лживы слова твои. Я выскажу и поведаю тебе истину. Безумный! Подобен ты кроту, лишенному глаз // и жилищем коему служит подземелье; и неведомо ему сияние светила и прелести просторов и доволен он существованием своим, поскольку считает, что все живое существует таким образом. И не желает он видеть света и прелестей неба и земли.

Таков и ты — слеп очами разума твоего и глух разумом ушей твоих, не видишь и не слышишь и не ведаешь жизни духовной, и не жаждешь войти в жизнь непреходящую, светозарную и беспредельную, в величие несказанное и непостижное. И неведом тебе господь — создатель всего сущего, которым и было сотворено все сполна.

В сей мир я пришел не за славой его, не ради службы персидскому царю, но ради служения создателю непостижному, троице единосущной, творцу мира, ради славы присно и вовеки веков. Ибо появлением своим здесь я спервоначала спас Иерусалим — град святой, по которому ступала нога господя нашего Иисуса Христа и где творил он во спасение душ наших. Да затем спас я христианство от разора, ибо царю персов стало бы впопору полонить все христианство.

И хотя страна моя была защищена мощью Христа и отвагой рати моей, но грекам было недосуг и не сумели бы им противостать. И так заведено у нас, уповающих на Христа, что за ближнего своего кладем душу собственную. А при сем душ спасено — тьма тьмущая, // и вершил я это, дабы [193] господь создатель принял службу мою ему и отпустил мои прегрешения. И то, что говорил ты, мол, когда «персы соберутся, то станут врагами христиан», — я мощью и споспешением Христовым ныне спас христиан от великих бед, а затем творец ниспошлет милость уповающим на него.

Потому как не было нужды в спасении христиан, я лично явился сюда пособником персов. Так и должно было быть, прежде всего, ввиду родства моего с ними, а затем потому, что хотя персы не стоят за истинную веру, но научены в создателе и веруют в бытие духовное. Вы же совершенные невежды и неразумны в божественном, словно лошади и мулы, коих творец не сподобил быть служителями Его.

И разум твой — одно из отравительных дел мира сего, потому как восхваляешь предательский поступок того ястреба, что сожрал его выходящую ворону. А природа наша в том и есть, чтобы положить души найти за благодетелей наших и удостоиться милости господней, и обрести жизнь присносущую и в мире этом добиться славы человеческой. И коли помрем мы во имя божие и заповедей его, войдем в бессмертие и жизнь обретем чрез смерть».

Тогда царь синдский сказал: «Велеречивы и пусты разглагольствования наши, но то, что говоришь ты, мол, «померев во имя господя моего, жизнь обрету чрез смерть», следовательно, ежели человеку ведомы грядущие величие его и блага, то в таком случае ему бы надлежало стремиться к удалению в потустороннее царство. Отныне мне понятно стремление твое к отбытию в потусторонний мир. Выходи на единоборство со мною, чтобы сраженному тебе обрести жизнь чрез смерть, ибо вельможа твой уже стал твоим предтечей и готовит тебе там пристанище». //

[194]Сказал, Вахтанг: «Ныне смерть моя не зачтется мне во благо, ибо грешен я и не исполнил сполна заповедей господних и не вполне загладил грехи мои покаяниями, но мощен Христос, и не страшит меня смерть от руки твоей, ибо Он есть покровитель мой, коим огражден я надежно. Многомилостивый господь мощью своею самовластною чрез меня, раба своего, умертвит хулителя Его, и душа твоя отойдет во тьму кромешную, в геену огненную».

Тут и выступил царь синдский, а Вахтанг обратился к соратникам своим: «Уповайте на господя и крепите тыл мой». И Вахтанг выступил. Оба сжимали копья. И стали носиться по ристалищу и каждый из них стремился пронзить другого острием копья. Наконец синдский царь улучил миг и, готовый вонзить в Вахтанга копье, бросился, чтобы сразить его. Но по отваге, ловкости и стати своей, Вахтанг увернулся и избег удара, обошел его, словно вихрь, и поразил синдского царя в левое плечо. Не спасла его твердость доспехов, и получил глубокую рану, потому как пронзил его на глубину с локоть. И пал царь синдский, и подошел к нему Вахтанг, протянул руку, схватил его за ногу и приволок к персидскому царю.

Тут все воинство гласом зычным воздало хвалу Вахтангу, и присполнились радости царь персидский и весь лагерь его. И подходили все знатные к царю Вахтангу с приношениями и подносили дары. Затем персидский царь вызвал искусного врачевателя и приставил его к синдскому царю, чтобы исцелить его от ран и получить от него всю (страну) Синд. А синды в отсутствие своего царя имели (царем) сы[195]на его. //

Тут царь Вахтанг дал совет царю персидскому отпустить синдского царя, взять с него дань и заложников, потому как покорить Синд было бы не по силам. Царю персидскому пришелся по душе совет Вахтанга: отпустил царя синдского, взял с него дань вдвое больше той, которую взял в Индии, да двух сыновей в заложники и всю эту синдскую дань персидский царь даровал Вахтангу.

Тогда же царь синдский в великой любви подружился с Вахтангом; прежде всего потому, что как попал он в руки Вахтанга, тот не умертвил его, а живым доставил персидскому царю; затем потому, что благодаря Вахтангу же был освобожден из полона. И поднес он Вахтангу дары превеликие и несравненные. И ушли из Синда на четвертый год по вступлении в него, и остались в целости города синдские: Синдила, Топори, Кимраи¹⁵¹.

А оттуда вступили в Абашети. Абаши же населяли страну, окруженную водами и камышами, тут не ходили корабли, не бродили звери, и были они порубежны с Персией, и находились (в состоянии) затяжной войны. Однако течение вод изменили, камыши спалили огнем и полонили всю Абашети. И разделил царь персидский абашей надвое: одну половину оставил на месте а, другую — около тысячи домов — забрал с собой и расселил их по разным местам. Это и есть курды, потомки полоненных тогда абашей¹⁵².

На восьмой год своего вступления в Персию Вахтанг вернулся в Антиохию и явился в Урха. А царь персидский предложил Вахтангу в супруги одну из своих родственниц царственных. Но Вахтанг сказал: «Не должно мне обладать, двумя женами, ибо у меня в супругах уже есть дочь кесаря»¹⁵³. Тягостно стало от этого царю Хосро, но не обмолвился о том, а Вахтанг встретил в мире мать свою и сестру, и отправились к рубежам между греками и армянами.

Грек Леон и воины его направились в Шимшат. А Вахтанг отправил гонца с поручением забрать супругу свою да католикоса Петра и епископа Самуила. Повернул Вахтанг в Картли, (здесь) вышли ему навстречу сын его Дачи, а заодно с ним и все *спасалары*, а вместе с ними и епископы. Но как проведал епископ, что царь отправил посланника, чтобы привести католикоса и епископов — огорчился и даже стал протестовать и сопротивляться, отправил (гонца) к царю со словами, а именно: «Ты, видать, отрекся от Христа и начал уповать на огонь»¹⁵⁴. Но Вахтанг отправил к нему гонца со словами, а именно: «Мощью Христа вступил и по праву мощи Христа же выступил я, и, ведает бог, нет на мне вины. Но я отправил посланника, чтобы вызвать католикоса и епископов.

И как только услышал об этом епископ, поверил и решил смятением оттянуть то дело — прибытие их; и проклял царя и всю рать его. Но царь сказал: «Потому как мы ни в чем не повинны, надлежит нам быть смиренными». Прибыл царь и спешился, чтобы приложиться к стопам епископа, но тот брыкнул ногой и каблуком обуви ударил государю в уста и выбил ему зуб. Но царь ответил: «Сия наглость и гор[197] дыня твоя — козни дьявольские. // Ежели тебя возмутило обилие грехов моих, ты не вправе озлобляться, но прощать, как глаголит Евангелие, а именно: «Не гаси светильник чуткий, не попирай тростник растоптанный»¹⁵⁵. Тебе же мнится, будто своими кознями ты прервешь в нас любовь ко Христу, и особенно стало очевидным коварство твое, когда узнал ты, что в Картли приведен (человек), которому будет поручено стоять над тобой, и загорелся ты злою завистью, словно Иуда к Петру, ибо подобен ты Иуде, а церковь подобна Петру. Ты — сребролюбец и казначей Христов¹⁵⁶. Ныне я отсылаю тебя к патриарху в Константинополь и да рассудит он тебя по праву».

И отправил его с посланниками и с ним зуб свой, просил патриарха спешно выслать католикоса и двенадцать епископов. А из них (просил) католикосом Петра и епископом — Самуила, а прочих — кого бы заблагорассудили. И как достиг епископ Микаэл (Константинополя), говорил ему патриарх: «Потому как из-за тебя пролилась на землю кровь — ты не достоин быть епископом, к тому же за дерзость в отношении царя ты заслуживаешь казни, ибо сказано: «Повинуйтесь царям вашим, ибо не беспричинно

вооружены они мечом, но от бога властвуют, словно львы среди овец». И заточили епископа Микаэла в монастырь Бдящих.

И отправили священника Петра и монаха Самуила в Антиохию. И написали патриарху антиохийскому кесарь и патриарх константинопольский следующее, а именно: «Спервоначала у истоков обращения Картли женщиной-римлянкой был направлен туда епископ, ибо между персами и греками происходила смута и потому не довели до всех законов веры: поскольку ведомо вам, что Картли и Восток и Север принадлежат святому престолу, как о том установлено в благовествованиях апостолов, а им-то и предоставлены пре[198]имущества». И сообщили // о всех делах великого царя Вахтанга, а именно: «Того епископа, что был ими поставлен, мы выдворили, и отныне Картли воистину новообращенная. Ныне благослови этих двух, требуемых ими, а из прочих двенадцати благослови тех, коих тебе заблагорассудится. Пусть отправятся к нам, дабы отпустили мы их с дарами и (всем) необходимым». И патриарх антиохийский благословил двенадцать епископов¹⁵⁷ и Петра в католикосы.

И прибыли они в Константинополь. Царь поднес им многочисленные дары, и дочь свою именем Елена отдал в супруги Вахтангу и отрядил ей в сопровождение великую рать до рубежей Армении. Здесь их встретил царь Вахтанг, после чего и вернулись воины греческие. И отправились грузины во Мцхету.

А во Мцхете царь Вахтанг воздвиг церковь апостолов Светицховели, которая является великим Сионом, и воздвиг Столп¹⁵⁸ к югу от места, на коем стояла разрушенная прежде церковь. И посадил в ней католикосом Петра, и в епископстве же Мцхетском епископом — Самуила.

И посадил одного епископа в Кларджети, в церкви Ахизы; одного — в Артани Эрзушетском; одного — в Цунде Джавахетской; одного — в Манглиси; одного — в Болниси; // [199] одного — в Рустави; одного — в Ниноцминда у подступов построенной Горгасалом Уждармы; одного — в им же отстроенном Череми и там же выстроил город между двумя церквами, которые сам же воздвиг; одного — в церкви Челети, которую выстроил он в центре деревни; одного — в Хорнабуджи и одного — в Агараки, что расположена напротив Хунани¹⁵⁹.

Вслед за этим воздвиг Никозскую церковь¹⁶⁰, в том самом месте, где был алтарь огнепоклонников, и посадил епископа; тут же хранились мощи святого Раждена¹⁶¹, что был замучен персами во время похода Вахтанга.

Сей Ражден был воспитателем супруги Вахтанга — дочери персидского царя, на которой он был женат первым браком; и обратился он в христианство и стал зело верующим. И был он мощен в том сражении. Схватили его персы и понуждали его отречься от Христа, но святой сей избрал себе непреходящую славу и был замучен за Христа.

И было у Вахтанга от жены гречанки три сына и две дочери, А первородному сыну от первой же супруги — Дачи — дал он город Череми и Некреси, и город Камбечовани, который есть Хорнабуджи; и все земли восточнее Куры. Сам же Вахтанг расположился в Уждарме и свыше меры застроил ее. А сестру свою Хварандзе отдал в супруги *пипиахишу* Сомхити Бакуру.

И как прошло после этого некоторое время, помер Хосро — царь персидский, вместо него сел сын его Хосро. И были усилены персы, потому как со вступлением в союз с ними Вахтанга враги их полностью покорились им. (Царь Персии) двинулся на войну против греков и отправил Горгасалу посланника со словами: // «Опочил отец мой, и весь [200] народ его посадил меня на престол его. И повелели мне старейшины мои предстать пред тобой и повиноваться воле твоей и чтобы ты, о царь, возглавил нас, предводительствовал нами в этом нашем вторжении в Грецию. И выдай мне в супруги дочь твою, дабы быть мне равным сыновьям твоим». А когда явился посланник к царю Вахтангу, Вахтанг воздвигал Тбилиси: начинал закладывать его основы¹⁶².

И как передал посланник поручение царя Хосро, царь (Вахтанг) отвечал: «В таком случае говорят: «Кузнец, закали меч твой, чтобы скорей пронзить им члены твои». В ту пору дни Вахтанга подступали к шестидесяти годам и потому ответил так: «Скажите царю Хосро: прежде готовься к войне с нами и (лишь) через нас вторгайся в Грецию, ибо всякая сила создается мощью Креста. Отныне жизнь наша в уповании на Распятого».

И разослал вестников, чтобы (народ) покинул маломощные деревни и города и бежал к кавказианам и в Кахети, ибо Кахети была сплошным лесом и неприступной для врагов. А царь Дачи и племянник* его (Вахтанга) удалились в Кахети и вступили в долину Лопоти¹⁶³ — землю, опоясанную скалами; и жили там люди, поклонявшиеся огню и воде, и долина та была переполнена людьми до самого Носори¹⁶⁴, а супруга и дети Горгасала скрывались в долине Уджармы. Сам же стал в передовой крепости и вместе с ним были Джуаншер и Адарнасе. А во Мцхете оставил он Деметре, Нерсе и Бивритиана и отправил к кесарю посланника с вестями. //

[201] Пришел царь Хосро и сокрушил город Камбечовани, крепость Череме и Велисцихе, и как вступил в Кахети, разбили лагерь на берегу Иори. А воины Вахтанговы стали на равнине, вокруг укрепленного города, который именуют Дарпака¹⁶⁵.

И схватились на берегах Иори и сряду три дня сражались, и пало с обеих сторон множество воинов. И подзвал Вахтанг католикоса Петра и сказал ему: «Ведай, что не ради наложения на нас дани воюют они против нас, но из стремления отринуть нас от Христа. Ныне мною решено так: жизни моей я предпочту погибель во имя Христа, дабы обрести царство божие, заповеданное тем, которым сказано: «Кто положит голову во имя мое — тот обретет Его».

Отвечал ему католикос Петр: «Ты явил дела, каковых не являл никто из рода твоего в помощь пособникам Христа. Ибо мудрости твоей ведомо, как сей супостат, испытывающий нас стремится отвести нас от господина, подобно Иову. Ибо господь предаст погибели невлюбивших его, а возлюбленных своих сподобит господу. Живи по завету господнему, дабы не погибнуть нам». И этими словами он предрек ему смерть в том побоище, и говорил: «И не одна только Картли будет предана разорению, но и Иерусалим, что явлен матерью всех детей крещения».

И сказал царь: «Стань в церкви святого Раждена, возведенной мною в пределах пригорода Уджармы, и я не верю, чтобы были осилены все города в окрестностях Уджармы, // ибо нами воздвигнуты ограды твердые и мощные». И [202] католикос поступил, как положено. И собрались там все святые епископы.

И была рать Вахтанга в двести тысяч, а персов — семьсот сорок тысяч. И разделил Вахтанг свое войско на три части: к скале направил он пеших; в другую сторону — отправил *питуахша* и *спаснета*, а туда, где располагался царь персидский, отправился самолично с воинством около ста тысяч.

На рассвете, когда рассеялся ночной туман, Вахтанг прибыл к войску и обратился ко всем воинам своим: «Всякий, кто избежит смерти, не принеся головы или руки врагов наших, будет умерщвлен нами». И как только разверзлись врата небесные, ринулся и прорвался до покоев (персидского) царя. Ворвался в шатер царский, однако царь успел вскочить на коня, но (Вахтанг) поразил сына его Бартама и отсек ему голову. И здесь же некий перс вонзил Вахтангу в грудь стрелу, а побоище длилось до полудня. Одолел Вахтанг персов тех и побил их до ста тридцати тысяч, а из воинов Вахтанговых погибло около двадцати восьми тысяч. И забрали добычи около ста тысяч лошадей, но по причине их множества не сумели пригнать их сполна. Отступил отсюда царь Персии и стал в Рустави. И усугубилась рана Вахтанга, ибо стрела прорвала ему легкие. Ушел он в Уджарму, а *спасаларам* картлийским велел оставаться на местах.

---

* Дословно: «сын сестры».

Проведали персы о тяжелой ране Вахтанга, разорили Тбилиси и город Армази¹⁶⁶, однако Мцхету захватить не сумели, но все, что было за пределами ее стен, разорили сполна, все — от Мухнари до заводей Арагвских. //

А греческий царь, тесть Вахтанга, помер, и царем вос[203]сел сын его Зенон¹⁶⁷. Выступил он в Спери, (чтобы) войти в Картли. Но, узнав о тяжелом (состоянии) Вахтанга, стал в Карну-калаке. Явился туда Хосро, и схватились Хосро и кесарь в Карнифоре¹⁶⁸. И погибло с обеих сторон столько воинства, что образовалась кровавая река; оттого-то и стала именоваться местность та Карнифора, то есть кровавое чрево. И не одолели друг друга, ибо пали войска обоих и вернулся Хосро по дороге Картлийской¹⁶⁹.

А Вахтанг, почуяв приближение кончины своей, призвал католикоса, супругу свою, сыновей да всех знатных и говорил им: «Ну, вот, ухожу я к господу моему и благословляю имя его, ибо не отринул он меня от лона избранных своих угодников. Ныне же заповедую вам стоять твердо в вере и искать смерти во имя Христа, дабы обрести непреходящую славу его».

И говорил всем знатым: «Вы, исконные жители Картли, поминайте добродетели мои, ибо в доме моем вы изначально сподобились вечному крещению, и я воплощенным, величием моим восславил вас в роде моем. Не презрите дом наш и не оставляйте любви к грекам».

И сказал сыну своему Дачи: «Ты — первородный сын мой, и тебе я поручаю венец царский мой, а братьям твоим отдаю в удел (территорию) от Тасискари¹⁷⁰ и Цунды до Сомхити и Греции; пограничная с Абхазией (область) между Эгрис-цкали и Клисурой принадлежит собственно братьям [204]матери твоей, // пусть тем и владеют они и останутся *эриставами* потомству твоему.

И призвал Насара — *эристава* Цунды, Артаваза — *эристава* Кларджети да Бивритиана — *эристава* из Одзхре и поручил им супругу свою Елену и сыновей своих, коих звали Леон и Мирдат, и в слезах вверил им троим тем *эриставам* и божьему призрению.

Итак, для вельмож и всего люда наступил час испытаний, воплей и рыданий, посыпали головы свои пеплом и мечтали о собственной смерти. И содрогалась земля от звуков стенаний, верующий люд молился за душу желанного царя, во славу Христа убиенного. И преставился Вахтанг и был погребен во Мцхета, в соборной церкви Светицховели, в коей он упокоен под сенью богозданного Столпа¹⁷¹.

II

И воссел на престол его сын Дачи. А супругу и двух (прочих) сыновей Вахтанга увели трое тех *эриставов* и завладели западной Картли, // которую (им) дал Вахтанг. И [205] проживали летом они в Цунде, а зиму проводили в Одзхре. И не именовались они царями, но главами *эриставов* и пребывали в повиновении брату своему — царю Дачи.

А сей царь Дачи начал застраивать Картли¹, ибо были разорены все земли грузинские, за исключением Кахетских, Кларджетских и Эгрисских. И завершил он ограды Тбилиси, и как было повелено о том Вахтангом, превратил его в дом царский.

И помер католикос Петр и заменил его Самуил. И царь предложил ему Мцхету, ибо на то была воля Вахтанга. Этот же царь Дачи призвал горцев Кахети признать Христа. Однако те не выказали желаний; отступились полностью и нупатийцы².

А из тех двух сыновей Вахтанга, рожденных от супруги-гречанки, помер тот, коего звали Леон, и остался лишь один Мирдат. С этим Мирдатом договорился брат его Дачи: царь поменялся с ним владениями и забрал у Мирдата (области) между Эгрис-цкали и Клисурой³ — пограничную с греками округу матери Мирдата, а взамен отдал Джавахети от Паравана до Куры. Овладел сын Вахтанга Мирдат (землями) от Паравана и Тасискари до моря Сперского⁴ и эриставствовал там, оставаясь в повиновении брату своему, — царю Дачи. Он воздвиг в Джавахети церковь Цкароставскую. И помер царь Дачи. //

И сел царем сын его Бакур. И помер Бакур. [206]

И сел царем сын его Фарсман. И помер католикос Самуил, и сел католикосом Тавпечаг. И помер Тавпечаг, и сел католикосом Чермаг.

И со (времени) Вахтанга по сю пору эти цари пребывали в мире и дети Мирдата повиновались детям Дачи.

В пору царствования этого Фарсмана пришли персы и разорили Картли и Ран. А царь грузин Фарсман просил персидского царя не разорять церквей и держать Картли в вере Христовой. И потому как в ту пору грекам было недосуг: на востоке восстали неприятели и оттого невмочь им было пособлять грузинам и противостоят персам (Фарсман — царь картлийцев — просил царя персов не разорять церкви и оставить Картли в лоне веры Христовой). Тогда царь персов внял мольбе его и уберег церкви. И Фарсман начертал за собой покорность ему и службу, и удалился царь персов. //

[207]Отныне разделились потомки царя Вахтанга, так как дети Дачи повиновались персам, а дети Мирдата остались в подчинении грекам⁵.

Помер Фарсман и сел царем племянник* его, коего именовали также Фарсман.

И был он веролюбив, как и дядя его. И приумножил красу всем церквам.

И помер католикос Чермаг, и тот же царь Фарсман посадил вместо него Савву. От сей поры уже не приводили католикосов из Греции, но назначали их из знатных родов грузинских. И помер католикос Савва и тот же царь посадил католикосом Евлавтия.

В пору того же Фарсмана явился из Междуречья Иован, коего именовали Зедазднели, просветитель Картли и очиститель веры, строитель церквей, который совместно с учениками своими явил множество чудес, коими они изумили всех грузин. И были написаны жития о чудотворствах, и были (эти жития) оставлены в церквах картлийских. //

[215]А⁶ от царствования царя Мириана до второго Фарсмана прошло двести пятьдесят лет. Царей преставилось четырнадцать. А со времен Вахтанга католикосов преставилось восемь. И помер Фарсман. И сел царем сын его Бакур.

Сей Бакур был веролюбив и созидатель церквей. Он умножил число церквей и священников в царстве своем. И очистил Картли от всякого неверия⁷.

И помер католикос Евлавий и тот же царь посадил католикосом Макария.

В ту же пору в Персии царствовал (правитель), коего звали Урмизд. //

[216]И в ту же пору в Сомхити был некто по имени Васкен, сын *мтавара*⁸. За ним в супружестве состояла дочь Вардана — (также) *мтавара*⁸ — и звали ее Шушаник. Однако этим Васкеном завладел дьявол и решил он обратиться в огнеслужителя: отправился к царю персов для отрешения от веры Христовой, и сделался огнепоклонником. А царь персидский с великими дарами сделал его *эриставом* Рана. Когда же он явился и жена его Шушаник узнала о том, что он покинул веру Христову, отказала ему в супружестве. И забыла она любовь к супругу своему и всем сердцем прилепилась к заповедям Христовым.

Тогда Васкен прибег к многим мерам, вначале к лицемерию и увещаниям и подношениям даров; затем подверг ее жестоким истязаниям, по обилию которых мне невмоготу (обстоятельно) описать подвиг святой Шушаник. И умертвил ее супруг ее Васкен, правитель Рана.

Тогда Бакур, царь грузин, созвал всех *эриставов* своих, негласно собрал ополчение и скрытно пошел на Васкена. Васкен же пребывал за пределами долины, на берегу Куры, где впадает в нее река Анакерт, и нагрязнул и схватил Васкена, расчленили его и развесили по дереву. А прах святой Шушаник с великими почестями забрали и погребли в Цортаве.

Этот царь Бакур отправил посланника к царю персов и уведомил его обо всем происшедшем и просил у него прощения. Тогда царь персов, поразмыслив в уме своем, произнес: «Ежели разгневаюсь на грузин, они примкнут к грекам», и решил пощадить,

---

* Дословно: «сын его брата».

вернул посланника Бакура с добрым ответом, ибо всю хулу и вину возложил на истребленного Васкена и оправдал Бакура // в убийстве его. И от[217]правил в Ран и Мовакан другого *эристава*, коего звали Дарел и заповедал ему быть в добре и дружбе с грузинами.

И помер католикос Макарий, и тот же царь посадил католикосом Свимона. И помер Бакур, оставив малолетних детей, которые не могли удерживать царство⁹.

Тогда царь персов Урмизд отдал Ран и Мовакан сыну своему, коего звали Касре Амбарвез. Пришел тот и сел в Барде, и стал сзывать *эриставов* картлийских: обещал им обильные добредения и утвердил их владения в наследственность их грядущим поколениям* и таковым лицемерием сманил их к себе. И отложились *эриставы* и каждый сам приносил дань Касре Амбарвезу.

А дети Бакура остались в горной Кахети. Дети же Мирдата — сына Вахтанга, которые правили в Кларджети и Джавахети, те остались в горах Кларджетских. Всей остальной Картли, Арменией и Аспураганом завладели персы и боролись с греками.

Вслед за этим, спустя немного лет, в Персии случилась великая смута, ибо вторгся в нее царь турок; пришли греки, схватились с персами в Междуречье, обратили их в бегство и вступили в Персию и приступили к ее завоеванию. Тогда Касре Амбарвез покинул Ран и Картли и двинулся на подмогу отцу своему.

И вот, как только стало недосуг персам, сговорились *эриставы* картлийские — верхние и нижние¹⁰ — и отправили посланника к греческому царю, и просили его определить им в цари кого-либо из рода царей картлийских и чтобы каждый из *эриставов* этих неизменно оставался в эриставстве своем. //

[218] Тогда кесарь уважил просьбу их и дал им в цари племянника* Мирдата — сына Вахтанга от супруги-гречанки, — коего звали Гуарам, правившего в Кларджети и Джавахети. Этому Гуараму кесарь пожаловал сан *куропалата* и отправил в Мцхету. //

[219] А дети царя Бакура, из рода Дачи, сына Вахтанга, коему царствование было пожаловано царем Вахтангом, — те остались в Кахети. И овладели Кухети и Иерети от Иори и сели в Уджарме и были в повиновении у *куропалата* Гуарама¹¹.

Тогда кесарь выслал *куропалату* Гуараму великие сокровища и повелел ему на те сокровища собрать и вывести с севера ополчение и, присовокупив к нему воинов картлийских, отправить их в Персию. Гуарам же поступил так: вы[220]вел овсов, // дурдзуков и дидоев и дал им в предводители *эриставов* картлийских. Вступил в Адарбадаган и приступил к захвату. И таковые беды и неурядицы свалились на персов.

Тогда появился в Персии некий человек по имени Барам Чубин. Он воевал с турками, вторгшимися в Персию, как о том доподлинно писано в истории персов, убил Савву — царя турок и обратил в бегство лагерь их. А то войско греков, что вторглось в Персию, повернуло и удалилось восвояси. И северяне, присланные *куропалатом* Гуарамом, также вернулись к себе, ибо как только персы разделались с турками, картлийцы оробели, и напал на них страх и трепет перед персами.

И начал сей, *куропалат* Гуарам укреплять крепости и города.

И вновь ниспослал господь милость христианам — в Персии возникли новые раздоры, ибо тот же Барам Чубин [221] отложился от персидского царя и выжгли // глаза царю Урмизду братья его жены, и вступили в междоусобицу Чубин и Касре. Касре был изгнан Чубином и бежал в Грецию. Кесарь Маврикий дал Касре в супруги дочь свою, дал ему также войско свое и отправил против Чубина. Бежал Чубин из Персии, и Касре овладел ею.

Тогда Маврикий позаботился о грузинах перед Касре и сказал: «С той поры, как грузины оставили идолопоклонство, они находятся в повиновении у греков. Потому как в пору вашего засилия Картли была разорена, у вас нет права на нее. Ныне же, когда я и ты

---

* Дословно: «детям детей».

* Дословно: «сына сестры».

по божьей воле пребываем в полной взаимной любви, пусть Картли останется свободной от нас и в покое: я пособник и попечитель всех грузин и всех христиан».

Тогда персидский царь подчинился кесарю, и грузины обрели свободу. И сей *куропалат* Гуарам стал у греков в повиновении.

Был он человеком веролюбивым и созидателем церквей. Он заложил честную церковь Джвари¹². До сей поры Джвари находилась на равнине, а возвел он церковь лишь до половины.

И правил он благодетельно и безмятежно. Однако *эриставов* картлийских не сместил с владений их, ибо те имели на свои эриставства наследственные грамоты от персидского царя и от царя греческого. Но были в повиновении у *куропалата* Гуарама. //

И помер католикос Свимон и заменил его Самуил. И [222] помер католикос Самуил и посадили (другого), также Самуила.

Этот же *куропалат* Гуарам обновил основы Тбилисского Сиона, ибо потомки благоверного царя Мириана были все строителями церквей.

И помер *куропалат* Гуарам.

И сел сын его Стефаноз. Однако из страха перед персами и греками не дерзнул (присвоить) себе звания царя, но признали его главой¹³ *эриставов*. И помер католикос Самуил и этот Стефаноз посадил католикосом Варфоломея. А сей Стефаноз безверный и небогобязненный, не послужил он господу и не прибавил он вере и церкви. //

В пору его в Греции произошел великий мятеж: от ке[223]саря Маврикия отложился полководец Фока и истребил он кесаря Маврикия и детей его. И полководец Фока завладел Грецией. Тогда зять кесаря, персидский царь Касре, начал мстить за кровь тестя и братьев жены своей вторжением и захватом Греции. Осилит он греков, не мог кесарь Фока ему противостоять, а Стефаноз, *мтавар* картлийский, испугался царя персов, отложился от греков и примкнул к персам.

В ту же пору царь Касре полонил Иерусалим и увез Древо Жизни¹⁴. Но после этого господь отвел от Касре руку милосердия: схватил его собственный сын, заточил в темницу и помер тот от злого недуга.

А в период этого Стефаноза Мцхета мельчала, а Тбилиси расширялся, Армази разорялась, Кала¹⁵ же возводилась. А брат Стефаноза — по имени Деметре — строил честную церковь Джвари, и хотя была в нем болезнь злая, не в силах ему было отлучиться от врат церковных. А Стефаноз правил над всей Картли, и сел в Тбилиси, и повиновался он персам.

Спустя несколько лет после этого в Греции появился некий человек, сородич кесаря Маврикия, по имени Эракл¹⁶.

Он убил кесаря Фоку и захватил Грецию. Усилился он и [224] привел с запада турок, собрал // войско бесчисленное и двинулся на Персию на розыски Древа Жизни, и прежде вступил в Картли.

Этот Стефаноз не изъявил воли отложиться от персов и укрепил города и крепости и стал в Тбилиси. Прибыл царь Эракл и подступил к Тбилиси. Но Стефаноз был всадник смелый и отважный; каждодневно он выходил за городские ворота и вступал в схватки с греками. Тогда, в том же сражении одолели Стефаноза и убили его. И захватил кесарь Тбилиси.

Но в крепости Кала остались люди и не покорились царю; из крепости глава ее стал поносить царя и сказал: «Борода на тебе козлиная и козлиная выя твоя». Тогда царь повелел: «Поелику сей человек надругался надо мной, назвав меня козлом, слова его не должны быть бессмысленны». И взял книгу пророка Даниила и разыскал в ней следующие строки: «Выступит козел с Запада и сокрушит он рога овна Востока»¹⁷. И возрадовался тот царь и убедился, что непременно одержит победу над персами. //

[225] Тогда кесарь призвал сына царя грузин Бакура из рода сына Вахтанга Дачи, который был *эриставом* Кахети и коего звали Адарнасе¹⁸, и поручил ему Тбилиси и

обязал главенствовать в Картли. И приставил к нему *эристава*, коего звали Джибга и повелел им завоевать Кала, а сам царь отправился на войну с персами.

И через немного дней забрали Кала и схватили того начальника крепости. *Эристава* (Джибга) вначале набил ему *дракханами* рот, речением которого, мол, был приведен в восторг кесарь. После этого содрал с него кожу и отослал ее кесарю в Гардабани, за то, что тот поступил дерзко по отношению к царю. //

[226] Вот какой смерти были подвергнуты Стефаноз и прислужники его. Потому-то и причинил господь все это *мтавару* тому Стефанозу, что не в уповании на господа здравствовал он, но преследовал верующих и был в дружбе с безверными.

Тогда вновь захватили греки пределы Грузии: Спери и приморские окраины Кларджети. А дети Стефаноза остались в горах Кларджетских; всей остальной Картли силой овладел сын Бакура, будучи *мтаваром* не дерзнул он именовать себя царем. А *эриставы* те порознь пребывали каждый в своем эриставстве неизменно и повиновались *мтавару* Адарнасе. //

[227] А царь Эракл вторгся в Персию и убил царя Хосро, захватил Багдад и увез Древо Жизни. И по Картлийскому же пути вернулся к себе, спустя семь лет после того, как прошел (на восток). А честную церковь Джвари и Тбилисский Сион завершил *мтавар* картлийский Адарнасе.

Тогда царь Эракл забрал из Манглиси и Эрушети подножные доски // и гвозди господа нашего Иисуса Христа, [228] что были даны Мириану Константином.

Раздосадовался Адарнасе, *мтааар* картлийский, и молил кесаря не забирать тех богоданных даров. Не внял кесарь мольбам его и забрал.

А в пору (правления) этого Адарнасе преставились три католикоса: Иован, Бабила и Табор.

Помер Адарнасе и правителем стал сын его Стефаноз.

Этот Стефаноз был более всех царей и *мтаваров* картлийских веролюбивым и очистителем веры¹⁹, строителем церквей. Это он обнес оградой честную церковь Джвари и возвел дворцы и установил пятничные сходы, на которые собираются все епископы и с ними заодно священники тех мест и // окрестностей пред честным Джвари, славят пят[229]ницу, как подобает то великой пятнице. А в католикосате же собираются каждый четверг и восславляют святой Сион, как в великий четверг, в таинстве плотью и кровью Христа. А во Мцхетском епископате каждый вторник собираются и творят поминание первомученика Стефана²⁰ и всех мучеников, что были закланы в пору великого засилия персов, и епископа Некресского Абибо, что обратил (в христианство) большинство горцев к востоку от Арагви. А честной прах его упокоили в Мцхете, в епископате, в погребальнице епископской. И в день поминовения его более, чем в прочие дни поминовений, сходятся и восславляют господа²¹.

В ту пору явился Мухаммад из рода Исмаила, проповедник веры сарацинской, и завладел он всей Аравией и Йеменом. И помер он, а место его занял Абу Бакр, и вторгся он в Персию, потому что в Персию же вторгся Эракл и разорил ее. И не было в Персии никого, кто бы противостал. Агарянин сей Абу Бакр завоевал Персию, вступил в Багдад и силой сей вынудил большинство покинуть огнепоклонство и обратиться в сарацины. И помер он и был вместо него Омар, и усилился он пуще. //

Сказали царю Эраклу, что агаряне вторглись в Шам и [230] Джазиру, что являет собой Междуречье. И выступил Эракл в сторону Палестины, чтобы воевать там. Но там оказался некий монах, божий человек, и он говорил царю: «Бегите, ибо господь отдал Восток и Юг сарацинам, которые в переводе значат псы Сары»²². Слова этого монаха подтвердили царю Эраклу и звездочеты и все прорицатели. Царь Эракл воздвиг столп и начертал на нем: «Прощайте, Междуречье и Филистим, покуда не пройдут семь седмиц». О пределах этого срока философы узнали из книг Гермеса Трисмечистона, и (срок этот) равен двумстам пятидесяти годам.

Тогда все из знатных родов греческих стали зарывать в землю сокровища свои, чтобы по возвращении разыскать их и не знать трудностей в их розыске. //

[231] И прошествовал кесарь Эракл по дороге Рана и во второй раз вступил в Картли. И говорил природным персам, что скрывались здесь от сарацин: «Наконец-то поняли вы, что завершилось царствование ваше; бросьте север и переходите к нам». И они оставили страну эту, запрятав (здесь) сокровища свои; некоторые пошли за (Эраклом), а некоторые остались и составили грамоты, указали (в них) роды свои и земли и положили, что по возвращении грекам по тем грамотам разыскать родичей и каждому вернуть земли их и сокровища. //

[232] А у Стефаноза было два сына — Арчил и Михр. И поделил он между ними все состояние царства своего, золотую и серебряную казну и камни драгоценные: и половину забрал в страну Эгрисскую и взял с собой сына своего первородного Михра; а половину состояния отдал Арчилу — [233] младшему сыну своему. А Арчил // большую (часть) казны зарыл в ущелье Кахетском; а утварь золотую и серебряную в ущелье Уджармском; казну картлийскую и джавахетскую оставил в Гори, который тот же Эракл определил хранилищем для той части их казны, которую не сумел забрать с собой. Название Гори есть Тонтио, что переводится как «Золотая гора». И оставили на нем оберег, чтобы никому не удалось разыскать. И сокровища всех картлийских церквей скрыл под сенью великого Сиона Мцхетского. И спустя немного времени Арчил также вступил в Эгриси²³.

Ибо подступил к Картли агарянин амир, коего звали Мурван Глухой, сын Мухаммада и коего отправил (в Картли) Эшим²⁴ амир ал-му'менин Багдадский, сын Абдал-Мелика Багдадского²⁵ из того же племени. Потому было дано ему второе имя Глухой, что не считался он со словом рассудительным²⁶. //

[234] И все *мтавары* и *питиахши*, потомки *эриставов* и вельмож бежали в горы Кавказа и скрылись в лесах и пещерах. Обошел Глухой все земли Кавказа, захватил Врата Дариала и Дербенда и сокрушил все города и большинство крепостей в пределах Картли. //

[235] И узнавши, что цари картлийские со всей родней ушли в Эгриси, а оттуда скрылись в Абхазии, стал преследовать их по пятам и сокрушил все города и крепости страны Эгрисской. Разрушил трехстенную крепость Цихе-Годжи, разгромил и прошел порубежную стену Клисур²⁷. А (в пору) нашествия его католикосом был Табор.

И как только прошел Глухой Клисуру, которая была в ту пору рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми и подступил к крепости Анакопии, в которой пребывает нерукотворный, свыше ниспосланный образ пресвятой Богородицы и о котором неведомо, кто явил его на вершину той горы, граничащей на юге с морем, а на севере с лесом болотистым. В ней (Анакопии) пребывали тогда цари картлийские Мир и Арчил. Отец же их помер и был погребен в Эгриси. А *эристав* кесаря Леон находился в крепости Согбиси²⁸, расположенной на Овсетском перевале. И никто не мог противостать Глухому, ибо были войска его более и многочисленнее лесов Эгриси. //

Говорил тогда Арчил брат своему Миру: «Обречен сей [236] город-крепость на гибель. И уж коли схватят они нас, разведают о сокрытых в земле нашей сокровищах, кои стяжали богомудрые цари Мириан, а затем Вахтанг и все дети их, что породили нас. Да потребуют и то, что сокрыл царь Эракл, полную опись чего положили заодно с обоими венцами и изумрудным и с червлёным яхонтом, которые отец наш великий царь Вахтанг вывез из Индии и Синдии; зарыли мы их в Уджарме, близ двух незащищенных башен. И все то запечатлено в памяти моей. И забери ты оба те венца, золотой и анфраксовый: один царя Мириана, другой Вахтанга, что пожаловал ему персидский царь заодно со златом и серебром, которой он навьючил пятьсот животных и две тысячи пеших (людей). Ты и отец наш положили все это в Кутаиси и Цихе-Годжи. Я же те венцы мои и грамоты, скрепленные свинцовыми (печатами), положил отдельно. И если мы ныне помрем, то все те сокровища останутся неведомыми, и с приходом греков да разыщет их кесарь в пользу рода нашего и даст ему царство и сокровища те. И не станем мы отныне причиной

разорения Картли и Греции, но уйдем и будем сражаться на этой стороне приморья. Да ежели будет воля господня, один прогонит тысячу, а двое — десяток тысяч. //

И пришли пред святой образ пресвятой Богородицы, по[237]верглись пред ним и говорили: «Уходим в уповании на сына твоего и господя нашего, что рожден тобою, будь представительницей пред ним за нас и яви нам милость твою». И было при них небольшое число придворных²⁹ и родни *эриставов* и *питуахшей*, около тысячи (человек), а из бойцов абхазских — две тысячи. И еще до рассвета навел господь на сарацин жестокий знойный ветер юга и поразил их кровавым поносом. И явился Арчилу в ту ночь ангел божий, который и сказал ему: «Идите и нагряньте на агарян, ибо наслал я на людей тех и твари их недуг изничтожающе жестокий. И как выступите, услышите исходящие из лагеря их скорбные звуки плача и стенаний. Вы же будьте отважны и обретайте мощь в уповании на господя». И с наступлением рассвета стали исходить из лагеря их гласы рыданий и причитания.

И уповая на бога, вышли на битву с ними. Сразились, и послал господь мощь малому люду христианскому; погубило от недуга тридцать пять тысяч сарацин, от меча же три тысячи. И был ранен Мир копьём в пах. Христиан в день тот было убито человек шестьдесят, а кони сарацин падали во множестве, словно леса, и выбросили их всех в море. //

[238] Тогда явился некоему агарянину призрак, который якобы вещал словно пророк их: «Ниспослал господь победу над нами до скончания десяти царей, как пророчествовал господь Аврааму и Агари; вы же берегитесь святых церковей и людей богослужителей, как о том научал я в Коране моем»³⁰. Спешно снялись и бежали вспять по своим же следам. Минуя Цихе-Годжи, разбили лагерь между двумя смежными реками. И пал дождь обильный и поднялись реки безмерно; и полилась меньшая из рек на войска абашей и утопила из них тридцать три тысячи пеших; большая из рек хлынула на всадников, лагерь которых был разбит в лесистой местности, и иные из них разбежались в разные стороны, иные спаслись, взобравшись на деревья, и забрала река тридцать тысяч лошадей и с тех пор стали именоваться одна из рек Цхенис-цкали, а другая — Абаша³¹. И двинулись отселе и прошли дорогу Гурийскую, прошли дорогу Сперскую, а на численности их не было видно убыли. Но прежде подрубили они хвосты коням своим, потому как тяжело было тащить их от прилипшей грязи³². //

[239] И стали в ту пору опустошенными земли Грузии³³, Армении и Рана, и нельзя было сыскать нигде ни строения, ни пропитания для людей и животных. И отправили Мир, Арчил и Леон³⁴, — *эристав* Абхазии, — посланника к царю греческому и поведали ему обо всем, что сотворили они по воле господней и своими руками. А тот передал им два венца и грамоту Миру и Арчилу, где начертал им, а именно: «И царствование в Картли, и отвага, и мудрость пребывали с вами. А ныне хотя заодно с нами вы преследуемы за служение кресту и из-за ревности нашей (христианству), как заповедал нам господь, с нами заодно будете возвеличены. Но вместе с тем оставайтесь в твердынях ваших до истечения трехсот лет; ибо на двухсот пятидесятом году расчленился царство их, а по истечении трехсот лет обретет силу царство наше, и сокрушим мы агарян, и падут все возвышенные ими, и вознесутся славившие нас».

А Леону написал следующим образом: «Мы нанесли урон всем пределам Картли, а от царей ее мы познали содействие и пользу. Ныне же они сослужили третью службу [240] и помощь нашему престолу царскому: спервоначала // они приняли крещение из рук наших; затем спасли от сокрушения великий град Понтийский и сотворили мир между нами и персами³⁵. Потому как тот же царь Вахтанг стал посредником и мечом своим вернул царству этому Палестину и обе части Джазиры. И если бы ныне господь с помощью их не воспрепятствовал этим злостным супостатам, достигли бы они самого Константинополя; и между потомками Неброта господь сделал славными этих, ибо не убавилось в роду их мудрецов истинных и бойцов, как о том повествует начертанная нами грамота, в которой описаны цари, знатные своими племенем и землями. А тебе же я

повелеваю быть *эриставом* Абхазии, тебе и детям твоим и твоему потомству вовеки веков. Но почти добром царей и народ их Картли и не посягай отныне на них и на пределы их эгрисские, покуда пребудут они там или когда отбудут оттуда»³⁶.

А Мир был отягчен смертельными ранами и говорил брату своему Арчилу: «Ну вот, брат, я и отхожу к пращурам нашим; заberi ты меня и погребви среди могил праотцов наших. И поведаю я тебе о местах, в которых сокрыты сокровища наши. И не наследует мне сын, ибо народилось у меня семеро дочерей, и потому отныне ты и есть наследник царский из дома нашего царя Мириана. И тебе самому ведомо, что деву, дитя наше, мы не выдавали в супруги (кому-либо) из *эриставов* наших. Но выдавали или за царя, или если кто явится из рода персидских царей, подобно тому, как // царь Мириан дал Перозу³⁷ в супруги дочь свою. А мы ущерблены, ибо ты неженат, а я без сына (наследника). Ну а поскольку отцы наши приводили себе в супруги дочерей *эриставов* наших, выдадим им дочерей моих и поделим им земли картлийские: половину тебе, да половину им. Однако бывшую у меня долю главы рода я отдаю тебе, да пребудет она у тебя в качестве доли главы рода нашего: Эгриси, Сванети, Таквери, Аргвети и Гуриа. А Кларджети и среднюю Мтиулету отдай дочерям моим, дабы пребывали в них во все это злое время. И отец наш помер в пору смуты, и мы не смогли перенести его в Мцхету, заberi останки его и погребви в церкви Кутатисской, чтобы свидетельствовал он о наследии нашем. А ты оставайся тут и дружи с греками, покуда не рассеется тьма сущая».

И помер Мир, отнесли (прах) его в Мцхету и погребли в верхней церкви, у входа на пороге.

Арчил же призвал *эриставов* картлийских и выдал за них (в супруги) племянниц своих^{*}: одну выдал за племянника отца своего, сына Гуарама *куроналата*, что владел Кларджети и Джавахети: вторую — за *питиахша* из рода Пероза и который господствовал в Триалети, Ташири и Абоце; третью — за Нерсе Нерсиана из рода знатных вельмож [242] царя Вахтанга //; четвертую — за Адарнасе Адарнасиана и обоих их наделил Верхней Землей, которая есть Картли; пятую выдал за Варзмана и отдал (во владение) область от Котмана до Курдис-хеви; сей Варзман был из рода персидского правителя Барды, что был отцом матери царя Вахтанга; шестую за Джуаншера Джуаншериани, что был из рода царя Мириана, одного из потомков Рева, и отдал им Джвари и Херки и всю Мтиулету, Манглиское ущелье и Тбилиси³⁸.

Доля Арчила представляла собой половину всех этих *хеви*³⁹. Когда же те узрели, что Джуаншеру выдал он наиболее (значительную) часть, остались несколько удрученными. И отпустили *мтаваров* этих совместно со своими супругами по своим местам.

Арчил же призвал Леона и сказал: «Будь же благословен господом, ибо проявил доброе радение (за время) гостевания нашего и защитил нас миром на земле твоей. Но ныне известно, что восстановлены владения наши выше от Клисурь. Пойду и устроюсь в Цихе-Годжи и Кутатиси. Теперь же требуй, чего тебе угодно в награду за добрую службу твою».

На что Леон отвечал: «Дал мне кесарь страну сию в наследственную (собственность) по славной отваге вашей. Отныне же дана она мне в вечное владение от Клисурь до Великой реки Хазарии, к которой примыкают отроги Кавказа. Присовокупи меня к числу рабов твоих, к тем, коих удостоил ты быть сыновьями и братьями твоими. Не нужен мне удел твой, но пусть и мой пребудет твоим». Тогда выдал он Леону в жены Гурандухт — племянни[243]цу свою от брата, и венец, что // был дан греческим царем Миру. И дали друг другу обещание и клятву твердую, дабы не быть вражде меж ними, но повиновался Леон Арчилу во все дни свои⁴⁰.

Пришел Арчил и утвердился в Эгриси (вплоть) до Шорапани. Управил все крепости и города и построил крепость на рубеже Гурии и Греции. Истекло с тех пор двенадцать

---

* Дословно: «детей брата своего».

лет, и начала строиться Картли⁴¹. Мцхета же стала непригодной для пребывания (в ней). Пришел Арчил из Эгриси и сел в бывшей крепости Хидари.

Тогда же явился к нему князь некий из потомков пророка Давида⁴², по имени Адарнасе, племянник Адарнасе Слепого по брату, отец которого был породнен с Багратионами, а греками посажен правителем в области Армении. В пору пленения (Картли) эмиром Глухим ушел он к сыновьям Гуарама *куропалата* в Кларджети и оставался там. Просил он Арчила и сказал: «Коли изволишь и сделаешь меня преемником твоим, дай мне земли». И дал (тот) ему Шулавери и Артани.

Вслед за этим пришел Арчил в Кахети и всем придворным⁴³ своим даровал он Кахети, сделал их *азнаурами*, воздвиг церковь в Садзмори. Женился на дочери Гуарама *куропалата*, что был потомком одного из детей царя Вахтанга, рожденный женой-гречанкой. И осел в Цукети, построил замок⁴⁴, а в ущелье Лакуасти воздвиг крепость. И застал в Цукети правителей⁴⁵, которым Цукети был дарован царем Вахтангом, а тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест правил *эристав* Абухосро, и не изъявил (Арчил) желания изъять у него Цукети⁴⁶. // И построил (Арчил) в междуречье город-крепость Нухпати. Нухпатийцы же были язычниками и природы хищной, но Глухой посек их множество. И силой крестил их Арчил.

Усилились сарацины на земле Рана. Завоевали Газир⁴⁷ и Армению. А Маслама воевал с греками. Племянники же Адарнасе Слепого, трое братьев, что выжгли глаза брату отца своего, прибыли из Тарона в Шаких и обосновались там по велению Арчила, ибо все пределы Кавказа до Рана были обезлюдены. Ерети же и Кахети спаслись из-за обилия лесов. И утвердились трое братьев там до самой Гулгулы.

В ту же пору некоторых *питуахшей* не пустили в Кларджети, (тогда) половина их ушла и они завладели скальной местностью в Тао, которая называлась Калмахи, и построили там крепость.

(Другая же) половина явилась в Кахети к Арчилу. За одного выдал замуж (женщину) из рода Абухосро, потому как была та вдовой и не имела мужа, и даровал им Цукети заодно с крепостью и замком. В ту пору, на пятидесятом году после ухода Глухого, пытались сарацины вторгнуться в Картли. До сей поры они не вторгались, но получали дань от *эриставов*.

И было у Арчила двое сыновей: Джуаншер и Иован, да четверо дочерей: Гурандухт, Мария, Мирандухт и Шушан⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

1. **Мирдат** — согласно списку царей древней Грузии, составленной в виде заглавий в «вахтанговской редакции» (начало XVIII в.), Мирдат — «второй» потомок «тридцать седьмого» царя Вараз-Бакара. Генеалогия Мирдата (II) прослеживается из включенного в КЦ «летописного» варианта «Жизни св. Нины» (КЦ, I, с. 72 и сл.). Реальная генеалогия Вахтанга Горгасала не поддается точному воспроизведению, и в грузинской историографии на этот счет имеются различные суждения.

2. Так в грузинских источниках именуется Вавилон. Один из часто комментировавшихся анахронизмов в КЦ.

3. Сообщение о том, что «родичи картлийских царей» после разорения их вотчины «остались в долинах Кахетских» должно свидетельствовать о слабости политической жизни в Кахети в V в. Примечательно, что Кахети в течение всего повествования Джуаншера не играет сколько-нибудь важной политической роли.

4. Отголоски борьбы Сасанидского Ирана с восточными кочевниками, которые еще в 20-х гг. V в. вторглись в Иран и затем держали эту страну в постоянном напряжении (см.

М. М. Дьяконов. Очерки истории Древнего Ирана, с. 269 — 270). Азнауры (мн. ч.) — одна из прослоек господствующего класса в феодальной Грузии, термин иноземного происхождения, на грузинской почве получивший свое специфическое значение (Очерки, II, с. 138 и сл.).

5. Свидетельство о бесцарствии в Картли. В отличие от описанного в «Исторической хронике» Псевдо-Джуаншера стремлении к автономному правлению азнауров, в данном случае, наоборот, видна тенденция к единоначалию, возможно, имел место какой-нибудь сговор об объединении определенных кругов феодалов, стремившихся противостоять иноземному наступлению.

6. **Арчил** — согласно приводимой в КЦ генеалогии — дед Вахтанга. Упоминается также в сочинении армянского автора V в. Корюна в форме Ардзюл (К о р ю н . Житие Маштоца. Ереван, 1980, древнеарм. текст, с. 120, русск. пер., с. 213). Лаконично об Арчиле говорится также в «Обращении Картли» (см. Шатбердский сборник, с. 325). Примечательно, что в данном случае отражена преемственность грузинских царей не «от отца к сыну» — Арчил назван «племянником» Мирдата. Это может свидетельствовать не столько о лабильности наследственных прав в династии Фарнавазидов, сколько о сложности политической ситуации, в которой приходилось действовать правителям древней Картли. Кроме того, некоторые исследователи не без основания считают, что ни Мирдат, ни Арчил не были царями в прямом смысле этого слова, так как политика Персии в отношении стран Закавказья была столь жесткой, что до Вахтанга Горгасала царство если и не было вовсе упразднено, то, по крайней мере, прервано (см. А. А. Богвердзе. Политическое и социально-экономическое развитие Картли, с. 38 — 39). Ср. примеч. I.

7. Обычный прием средневековых писателей и хронистов переносить собственную их социальную терминологию на другие народы. В действительности персидские наместники в Закавказье (как и везде) именовались марзпанами — «начальниками края» (см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 222), а в грузинских источниках питиахшами (см. примеч. 13).

8. **Ран и Мовакан** — по грузинским источникам названия двух основных частей Кавказской Албании.

9. Средневековое название Азербайджана. Сохранившаяся в ЖВГ форма восходит к арабскому наименованию древней Атропатены — Адербейдаган — и не может быть древнее середины VII в.

10. Речь идет об одном из военных столкновений между грузинами и вооруженными силами сасанидского наместничества в Кавказской Албании; река Бердуджи, упомянутая в связи с «рубежами Картли и Рана», представляла собой границу между закавказскими владениями Сасанидов и Картли.

11. В «Обращении Картли» сохранились более обстоятельные сведения о строительстве церкви св. Стефана («Стефан-цмида») (Шатбердский сборник, с. 325). Образ полуисторического святого Стефана (Деяния, 22, 20) был особенно популярным в раннесредневековой Грузии, о чем должны свидетельствовать факты, как изобразительного искусства, так и письменной традиции (см. Ш. Я. Амيرانашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, с. 138, 143 и др.; он же. История грузинского искусства. М., 1963, с. 105, табл. 34; Синайский Многоглав, с. 58—62; Н. Я. Марр. Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера, I, с. 48 — 49; С. Н. Джанашиа. Труды, II, с. 291).

12. В «Обращении Картли» указание на родство Арчила (см. примеч. 6) и Мирдата — отца Вахтанга Горгасала — отсутствует, что должно быть вызвано лаконичным стилем названного источника.

13. Указанное имя встречается и в «Обращении Картли» и назван он питиахшем, в связи с чем говорится, что после Арчила «царствовал Мирдат. Архиепископом был Глонокор. И этот архиепископ был также поставлен питиахшем Борзабодом в Картли и

hЕрети» (Шатбердский сборник, с. 325). Н. А. Бердзенишвили полагал, что грузинским соответствием термина «питиахш» был эристави (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, т. IX. Тбилиси, с. 30—31, на груз. яз.; см. также: А. П. Новосельцев. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 199 и сл.).

14. Сагдухт — составной антропоним, образован из ветхозаветного. Исаак (груз. Саһак-и) и древнеиранского имяобразовательного слова духт — «дочь» (см. М. К. Андроникашвили. Очерки по истории, иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. I, с. 493 — 494, на груз. яз.). В семейном именнике ближайших предков Вахтанга, судя по источникам, не только превалировали имена иранского происхождения, но были в ходу также структурные закономерности их образования по нормам иранского языка. На популярность этого имени в средневековой Грузии указывает существование на грузинском языке агиографического сочинения «Мученичества св. Сагдухт» (Н. Я. Марр. Указ. соч., с. 66).

15. В оригинале *куекана*, термин исключительно картвельский, полисемантический, в современном грузинском значащий преимущественно, «страна». В древнегрузинском были живы более многочисленные синонимы и, сообразуясь с контекстом, обычно переводят: «страна», «земля», «обширный край», «владение» и даже «почва» (см. И. А. Джавахишвили. Соч., т. VI, с. 184 — 186, на груз. яз.; Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 85—109, 140 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 120 и др.). В нашем переводе мы использовали слово «край», так как иные понятия к наместничеству («эриставству») Борзабода сочли неприемлемыми.

16. Одна из древних областей исторической Грузии с одноименным городом и стольной крепостью; одно из средоточий ремесленного производства, торговли и сельского хозяйства (Очерки, II, с. 136, 342—343; анализ ранних сведений см.: Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 138 и сл.). Исследователи считают, что в период правления Вахтанга Горгасала город Самшвилде, наряду с Манглиси и Цуртави, представлял собой один из центров Нижней (Квемо) Картли, которая, по арабским источникам, в целом была определенной этно-политической единицей с центром в Манглиси (см. Д. Л. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 49—51 и др.). Наш текст указывает на то, что Самшвилде — это административный центр целого эриставства (см. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 145 и сл.). Будучи пограничной с Арменией зоной, население Самшвилде было смешанным грузино-армянским.

Самшвилде — один из центров древнегрузинской письменной культуры. (Лит., кроме уже указанной, см.: Л. Н. Джанашиа. Сведения Лазара Фарпеци о Грузии, с. 174 и др.; Яков Цуртавели. Мученичество Шушаник (изд. И. Абуладзе). Тбилиси, 1978; Л. М. Меликсет-Бек. К изучению памятников культуры и топонимии Триалети-Цалки. — Сб: За марксистское языкознание. Тбилиси, 1934, с. 41—43, на груз. яз.; С. Т. Еремян. Армения по «Ашхаруцуйц-у. Ереван, 1963, с. 87 на арм. яз.; Книга посланий. Изд. З. Н. Алексидзе; Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием изд. З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1975).

17. Самшвилдский Сион — один из образцовых памятников древнегрузинского зодчества; имеются надписи, относящиеся к 759—777 гг., очевидно, к периоду перестройки памятника (Л. В. Мухелишвили. Надписи Самшвилдского Сиона и дата его перестройки. — Вестник ИЯИМК, т. XIII. Тбилиси, 1943, с. 95—106; Н. Г. Чубинашвили. Самшвилдский Сион. Тбилиси, 1969; Очерки, II, с. 637).

18. Мобидан — восходит к титулу главы жречества зороастрийской религии в Сасанидском Иране (М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 291, 298, 300 и др.). В. В. Болотов в свое время первым указал, что упомянутый в ЖВГ Мобидан непосредственно связан с титулом главы огнепоклонников (см. В. В. Болотов. Христианские чтения. М., 1896 — 1897, с. 262). Точное наименование мобидан-мобед. М. И. Броссе предполагал, что под

Мобиданом следует подразумевать идеолога несторианства в Грузии (M. Grosset. *Histoire de la Géorgie*, I, p. 174). Это мнение не оправдалось из-за хронологической несопоставимости (см. И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 305). Наличие указанного титула отражает особое влияние зороастризма в Закавказье и в устах местных, христиан носил пейоративный характер (К. С. Кекелидзе. Кто такой Глонокор «Обращения Картли». — Этюды, т. III, Тбилиси, 1955; с. 38, на груз. яз.). И. А. Джавахишвили установил, что рассказ о Мобидане, очевидно, заимствованный Джуаншером из какого-то источника, свидетельствует о распространении манихейства в Грузии в первой половине V в. (И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 304—305). Именно манихейство было тем течением в христианстве, в котором тесно соприкасались христианские и маздеистские воззрения (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, с. 27—28 и др.; И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 306). Ср. примеч. 24.

19. Искаженное имя, должно быть: Хуаранзан — «Солнце-дева», ср. грузинское женское имя «Мзекала» с тем же значением (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 511—512).

20. **Спаспет** — «главнокомандующий», термин, заимствован из среднеперсидского (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 371—372). Источники, в том числе и ЖВГ, свидетельствуют о высокой роли, которую играли занимавшие эту должность лица. Есть мнение, что в Картли существовал институт «второго (после царя) лица»: глава государственной администрации. Страбон (География, с. 475) рассказывает, что в Иберии «второе (после царя) лицо являлось «верховным судьей и полководцем» (подробнее см.: Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 347, 455 и др.). Н. А. Бердзенишвили (ВИГ. IX, с. 25) отмечал, что из слов Джуаншера видно, что этот историк уже не понимал, что спаспет — это главнокомандующий, предводитель всех эриставов и считает его носителем почетного звания царского воспитателя (см. также: А. И. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. — ВДИ, № 4, 1947). Ср. примеч. 26.

21. Свидетельство о пережитках так называемого аталычества в Грузии, имевшего широкое распространение также на всем Кавказе (см. В. К. Гарданов. Аталычество, М., 1973). См. примеч. 26.

22. Очевидно, соответствует современному г. Каспи (ок. 50 км к сев.-зап. от Тбилиси). Упоминается также в «Обращении Картли», в котором приурочивается к градостроительным мероприятиям картлийцев в I в. до н. э. (ШС, с. 321). З. И. Ямпольский писал, что археолог Г. А. Ломтатидзе рекомендовал ему обратить внимание на этноним древнего населения каспиев Мильской степи, а сам город «Каспи Грузии в античное время был связан с Мильской степью, сравнительно небольшой частью великой сухопутно-водной дороги, пролежавшей по трассе Индия — Закавказье — Черное море», и далее автор проводит мысль об отложении в топониме Каспи этнонима каспиев, носители которого «жили (появились или сохранились) в окружении носителей другого этнонима и составляли абсолютное меньшинство населения зоны данного этно-топонима» (З. И. Ямпольский. Каспи Грузии и этно-топонимические закономерности. — Археологические памятники, феодальной Грузии, т. II. Тбилиси, 1974, с. 273—274).

23. **Барда** — древнее название Берда-а, груз. Бардав-и, арм. Партав. Один из центров Кавказской Албании. В V в. являлся центром сасанидского наместничества в Албании. Именно этот статус названного города и зафиксирован в ЖВГ. С 789 г. город стал резиденцией одного из арабских правителей, а местное население вступило в полосу этнического возрождения.

24. В ряде списков, а также в составленном С. Г. Каухчишвили сводном тексте КЦ — «Бинкаран». В отличие от мобидана (см. примеч. 18) Шинкаран должен быть антропонимом в тесном смысле этого термина. В «Обращении Картли» он зафиксирован в основательно искаженной форме — Глонокор (Шатбердский сборник, с. 325; Е. С. Такайшвили. Описание, II, с. 721; К. С. Кекелидзе. Этюды, III, с. 38—39). В «Списке царицы Анны» свода КЦ (изд. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, с. 93, 94,

104, 120—121, на груз. яз.) зафиксирована форма Шинкаран, которая и должна быть исходной (замена сходных графем Б и Ш в древнегрузинском), восходящей к иранскому шинкар — «строитель» (М. Е. А н д р о н и к а ш в и л и . Указ. соч., с. 451).

25. Очевидно, центр маздеитской пропаганды в Картли. Собственно термин «могви», получивший широкое распространение в языках различных систем, в грузинском заимствован непосредственно из иранского, вопреки мнению Гр. Ачаряна (см. его: Этимологический коренной словарь армянского языка, т. III. Ереван, 1977, с. 337, на арм. яз.).

26. В оригинале *мамамдзудзе*, термин на русский язык непереводаемый, но значащий «отец (вскормивший) грудью». Параллельно бытовал термин *дедамдзудзе* — «женщина-мать (вскормившая) грудью» (Шатбердский сборник, с. 322; И. В. А б у л а д з е . Словарь древнегрузинского языка. Тбилиси, 1973, с. 139; С. С. О р б е л и а н и . Соч., т. 4, ч. I, 1965, с. 219); соответствует кормилице русских переводов Библии (4, Црст., И, 2). По толкованию Н. Д. Чубинашвили (см. его Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961, с. 203), — «кормилица или нянька, а мужчина называется мамамдзудзе или лала». Последний восходит к греческому *lalas* и в грузинском практически не встречается. Существование этого института (груз. *мамамдзудзеоба*) в Грузии известно по наиболее ранним источникам («Мученичество Шушаник», «Мученичество Раждена»). В ЖВГ засвидетельствован факт наслоения на мамамдзудзеоба-аталычество в условиях еще нарождавшихся феодальных отношений черт сословно-классового порядка (см. С. Г. Ч а н т у р и ш в и л и . Об аталычестве («Мамамдзудзеоба») в Грузии V—XI вв. — Сообщения АН Груз. ССР, т. 105, № 3, 1982, с. 657 — 659, на груз. яз.). Мамамдзудзеоба-аталычество служило одним из факторов, связывавших высшее феодальное общество Картли и Армении. (Лит. кроме указанных см.: И. А. Д ж а в а х и ш в и л и . Соч., т. VI, с. 150 — 151; М. О. К о с в е н . Аталычество. — В его кн.: Этнография и история Кавказа. М., 1961; А. Н. Г е н к о . Задача этнографического изучения Кавказа. — СЭ, № 4, 1936, с. 15—16; Г. А. М е л и к и ш в и л и . ИДГ, с. 455—456). Ср. примеч. 21.

27. Для более полного представления соответствующего тексту источника нами дан дословный перевод груз. *цврили эри*, хотя в русском языке это соответствовало бы слову простонародье. Сложность, многозначность и историческая эволюция данного понятия дана И. А. Джавахишвили (ДГИЛ, с. 193, 205). В ЖВГ *цврishi эри* — «мелкий люд» засвидетельствован как независимая категория социально одной части картлийского населения, стоящей на социально низкой ступени. Н. А. Бердзенишвили считает это «свободным крестьянством» (ВИГ, II, с. 20, примеч. 27; ВИГ, VII, Тбилиси, 1974, с. 70—73 и др., на груз. яз.; см. также: С. Н. Д ж а н а ш и а . Труды, I, с. 161 и др.). В эту категорию могла входить и часть городского ремесленного населения. (Подробный анализ термина см.: Э. В. Х о ш т а р и а - Б р о с с е . Взаимоотношения низинных и горных регионов феодальной Грузии. Тбилиси, 1984, с. 40 — 50, на груз. яз.). Ср. примеч. 35.

28. В оригинале «*Земо эклесия*». В контексте производит впечатление ложного наименования. В действительности же речь должна идти, очевидно, о таком важном событии в церковной жизни Картлийского царства, как падение «епископа» Мобидана (см. примеч. 18, ср. примеч. 24) и назначение на его место подлинно христианского епископа греко-византийской ориентации Микаэла. Сам термин «земо» — «верхняя», «вышняя», в этой связи должна указывать на первостепенное значение занимаемой должности.

29. **Хунани** — город, центр исторической области Гардабани, известен также по армянским и арабским источникам (См. Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . К вопросу о локализации Хунана-Хнаракерта. — Археологические памятники феодальной Грузии. II. Тбилиси, 1974, с. 275; на груз. яз.). В описанном нашествии «овсов», по всей вероятности, надо видеть один из походов гуннов, имевший место до 448 г. (М р о в е л и Л е о н т и ..., с. 88—89).

30. Собственно Абхазия в ее узко этно-территориальном значении. Автор ЖВГ свидетельствует, что господство в пределах коренной Абхазии давало византийцам возможность осуществлять экспансию в масштабах всей Грузии, а следовательно и Закавказья в целом. Не случайно, что процесс объединения Грузии в единое феодальное царство начался именно с выступления Абхазского княжества против Византии и вступления его на путь борьбы за гегемонию в общегрузинских масштабах.

31. **Эгрис-цкали** — дословно «Эгрисская река», современное название Гализга (П. И. Ингорквва. Георгий Мерчуле, с. 175, 176), что по-мегрельски значит «пограничная река». Мнение С. Т. Еремяна (Армения по «Ашхарацц»-у, с. 50), считающего Егрис-цкали названием среднего течения р. Чорохи, необосновано. Не случайно, что к бассейну Эгрис-цкали был приурочен «удел Эгроста», в котором был построен город «Эгриси, ныне именуемый Бедиа» (КЦ, I, с. 5).

32. Центр Лазики-Эгриси. Дословный перевод: «крепость (цихе) Годжи». Однако первая часть — «цихе» — приняла настолько устойчивый характер, что обратила данное название в сложный и устойчивый топоним (это обстоятельство учтено и нами в переводе ЖВГ). Просуществовал до известного нашествия арабов, предводительствуемых Мерваном ибн Мухаммадом в 30-х гг. VIII в. Именно с указанным событием связано современное название Годжи — Нокалакеви (букв.: «Место бывшего города»). Последнее не корреспондирует с другим названием этого города Археополис — «Древний город», известного по труду Прокопия Кесарийского.

33. Яркое свидетельство об уровне этнического самосознания грузин, в котором не нашлось места какому-либо значению религиозной общности с византийцами.

34. **Вараз-Бакар** (70-е гг. IV в.) упоминается в заключительной части труда Леонтия Мровели, в котором говорится, но в иной интерпретации — о добровольном отходе кларджей к Византии, в то время как в ЖВГ указывается на захват ромеями Кларджети (КЦ, I, с. 136). Описанные события произошли в процессе установления иранского господства в Картли и Тбилиси, что отмечено и Аммианом Марцеллином (С. Г. Каухчишвили. Георгика, I, с. 140; Очерки, II, с. 80 — 81), а в грузинских источниках при этом раскрывается сам характер событий — Вараз-Бакар не оказал сопротивления персам и потому заслужил дурную славу «нечестивца».

35. Словом «люди» мы перевели груз. *эри*, — термин многозначный, отличающийся своеобразными нюансами, в которых отражены различные социальные грани («войско», «собрание феодалов», «народ» и т. д. Подробнее см.: И. А. Джавахишвили, Соч., т. VI, с. 192—193 и др.). См. примеч. 27.

36. Указание на тактический прием: борьба грузин против наступления из Передней и Малой Азии могла принести успех лишь в случае обеспечения надежного тыла на Северном Кавказе. Византийцы, персы и арабы в народах этого региона всегда видели не только своих соперников в делах Закавказья, но и потенциальных союзников за господство в нем. Особая «ненависть» Вахтанга и его окружения к «овсам» носит чисто субъективный характер; основную причину такой направленности надо искать в той роли, которую играли кочевники Северного Кавказа в политических и военных событиях Закавказья и сопредельных с ним регионах.

37. Так в оригинале. Дело в том, что груз. *мене* — «царь» при всей своей определенности, — термин многозначный. В условиях политической раздробленности, исторические реалии которой пережиточно сохранились и впоследствии, каждая феодальная единица (*куекана*, см. примеч. 14) могла считаться «царством» (ср. Н. А. Бердзенишвили, ВИГ, VIII, с. 98). Ср.: «все цари кавкасианов» (КЦ, I, с. 151), хотя оснований для такого понятия применительно и Северному Кавказу, строго говоря, не было. Ср. примеч. 116.

38. Мотив «юного героя» в данном случае вряд ли является фольклорного характера или продуктом авторского вымысла. Хотя в ЖВГ и этот элемент присутствует (см. примеч. 73). Жизнеописатель Вахтанга хорошо разбирался в возрастных категориях лиц,

вступавших на попрещение государственной деятельности (особенно в военной сфере!) в раннесредневековой Грузии. (Ср. древнерусскую былинку о Даниле Игнатьевиче. — Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 115—116).

39. В оригинале чисто грузинский термин *мквидри*, дословно непереводаемый, но по смыслу значащий «лично (кому-либо) принадлежащий», «собственный», «подлинный», а в отношении населения, племени и т. п. — «аборигенный», «туземный» (ср. русск., уст. присный). О социальной характеристике термина *мквидри* см. А. П. Новосельцев. Генезис феодализма..., с. 190 и сл. (там же библиография).

40. Неброт, точнее Нимврод — библейский герой (Быт. 10, 8—10). В отличие от трудов Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 6, 7, 10, 12, 13, 105 и др.), в которых ему уделено важное место и даже указывается на существование в Грузии «Книги Неброта», в ЖВГ этому герою отведена роль скромнее, хотя ассоциации с его апокрифическим образом еще имеются.

41. **Мухнари** — дословно: «дубовый лес», «дубрава»; С. Г. Каухчишвили истолковал, как топоним; однако Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 337) справедливо отверг указанное издателем КЦ мнение, указав, что «мухнари» — это северная окраина города Мцхета.

42. **Херки** — топоним. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 338), анализируя данный контекст, установил, что Херки — «потусторонняя (от Арагви) область» (см. также: Дж. Г. Гвасалиа. Очерки исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1983, с. 101 и др.; Летопись Картли, изд. Г. В. Цулая, с. 89, примеч. 59).

43. Обычное в раннем цикле КЦ фантастическое преувеличение ратного состава воюющих сторон является не только признаком эпической манеры Джуаншера. Имеются более реальные основания и главным образом то, что военная добыча и, прежде всего захват живой силы противника был одним из источников подневольного труда.

44. Имеется в виду город Мцхета.

45. **Трдат** — первый христианский царь Армении Трдат III (298—330). Все указанные родственные узы отмечены только в ЖВГ (они отсутствуют в «Обращении Картли») и отражены также в сочинении Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 70), в котором дочь Трдата была выдана якобы по настоянию византийского императора Константина I замуж за Рева (сына первого христианского царя Картли Мириана), потомки которого образовали в династии Фарнавазидов ветвь Ревидов (см. А. А. Богверадзе. Указ. соч., с. 22 и сл.). Как бы ни относиться к деталям данного сообщения, точность которых проверке не поддаются, в породнении династии Армении и Картли нет ничего невероятного (ср. примеч. 75). Фраза: «и который приходится Вахтангу двоюродным братом по отцу» — глосса, принадлежащая переписчику, так как она высказана в третьем лице и в такой форме нелогична.

46. Трудно сказать, следует ли под Тианети подразумевать определенную этно-территориальную единицу или принимать ее буквальное значение — «горная страна» (ср. примеч. 42). Кавкасианы собирательное название автохтонского населения Северного Кавказа.

47. Дарьяльские Ворота.

48. «Овсетская равнина» — это, очевидно, среднее междуречье Уруха и Сунджи, которое в сравнении с высокогорьем верховий Ардона и Терека, на которое, надо полагать, ориентировался Джуаншер, действительно, производит впечатление равнины.

49. Под названием «Арагви Овсетская» здесь, очевидно, имеется в виду верховье р. Терека. Терек и Арагви, действительно, берут начало с одного хребта. Другое название Терека по грузинским источникам — Ломеки.

50. В древнегрузинской литературе часто встречаются в качестве эпитетов богатырей *бумбераз* и *голиаф*. Первый из них заимствован из персидского и потому более древний; второй взят из ветхозаветных преданий (I Црст. 17, 4 и др.).

51. В оригинале *таичи* — «арабская лошадь (скаун)». Восходит к названию арабов в среднеперсидском; ср. арм. **арм. букв.** *татчик* — «араб», впоследствии «турок» (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 375; ср. Егише. О Вардане и войне армянской, пер. И. А. Орбели, изд. Юзбашяна, с. 179, примеч. 29; С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. 2, с. 131; Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. IV. Ереван, с. 365—366, на арм. яз.). Вопреки мнению В. Л. Гукасяна (см. его: Об азербайджанско-грузинских языковых контактах. — Журн. «Сов. тюркология», № 4, 1980, с. 29), это слово в грузинском не могло быть заимствовано из азерб., так как таичи встречается в Библии Ошского (Афонского) списка (см. И. В. Абуладзе. Словарь, с. 410), составление которого вне пределов влияния азербайджанского языка.

52. Одно из любопытных мест в ЖВГ, свидетельствующих не только о разноэтничном составе воинства Вахтанга, но и о том, что все они, принадлежа различным этносам и религиозным системам, в общем именовались картлийцами, точно также, подчеркивает Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, 268), как и их противники овсы и хазары (гунны?) часто объединялись под этнонимом первых.

53. Упомянутый здесь оvs Бакатар, вероятно, лицо историческое, реальные факты жизни которого впоследствии обросли легендами. Следует также отметить, что имя Бакатар не является антропонимом в узком смысле данного термина, оно, скорее всего нарицательное прозвище (типа «кесарь», «эмир» и т. п.). Об этом должно свидетельствовать сообщение арабского историка Кудамы (ум. 948 г.), что «царь Алланов называется «багаир». Имя это принадлежит всякому, кто у них царем». (Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. — СМОМПК, вып. 32. Тифлис, 1903, с. 51; см. также: В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, с. 23—24; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М., 1958, с. 245—246).

54. В оригинале *вигри*. В грузинском впервые встречается в ЖВГ. Довольно обстоятельное толкование см.: С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, часть I, с. 267. По разъяснению Н. Чубинашвили, «вигри — животное, похожее на ящерицу, но (размером) превосходит ее; кожа усеяна костями, ею обтягивают ножны... и прочее боевое снаряжение» (Н. Чубинашвили. Словарь грузинского языка с русским переводом, с. 216). Заимствовано из древнеиранского (см. М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 239—240; см. также: Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. IV, с. 292—293, на арм. яз.).

55. В оригинале *мона*, термин многоязычный (в современном грузинском «раб»), в древности использовался также и в значении «слуга», см. примеч. 65.

56. Мера длины в средневековой Грузии, равна 198 м (см. Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрологии. Тбилиси, 1973, с. 148 и сл., на груз. яз.).

57. В оригинале *дзудзусмте*, по смыслу «молочный брат», Артаваз — сын Саурмага, спаспета и воспитателя (мамдзудзе, см. примеч. 19, 26) Вахтанга. Грузинская историческая традиция, зафиксированная в ЖВГ, отводит ему важное место в период правления Горгасала. Примечательно, что имя Артаваз, популярное в роду Мамиконянов (см. Гр. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. I, Ереван, 1942, с. 313—315, на арм. яз.), выходцев из племен чанов в области Тао (пограничной с Кларджети), в которой молочный брат картлийского царя был поставлен в качестве эристава.

58. **Бивритиани** — родовое имя владельцев Сомхити (см. примеч. 71). Упомянутое в ЖВГ лицо принадлежало к сословию *сенецули*: «люди, принадлежавшие к царскому роду» (Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 468). Г. А. Меликишвили указывает, что в сочинении армянского историка V в. Фавстоса Бузанда *сенецулы* упомянуты под фарнавазианами (История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953, с. 162—163; Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 468—469, с указанием библиографии). Что же касается комментируемого контекста, то здесь обращают внимание следующие обстоятельства: «сенецули Бивритиани» поставлен на второе место

после Артаваза — молочного брата (*ძუდუსმე*, см. примеч. 58) и эристава Кларджети, что должно свидетельствовать о значительном месте института мамадзудеоба-аталычества (см. примеч. 26) в общественной жизни Картли и, кроме того, об особом месте Кларджети по крайней мере в сравнении с Самцхе-Аджарой, эриставом которой был Бивритиани (см. примеч. 58). См. Очерки, I, с. 455; А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 110 и сл.

59. О «Пачаникети» — «стране пачаников», см.: З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей. — Сб.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960; в том же сб.: В. И. Абаев. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке. А также: П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия монголов. Киев, 1884; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях, МИА, № 62. М., 1953.

60. Джикети — область расселения джиков (С-3 Кавказ) предков совр. абазин. Этноним джиков в форме зихой (зихи) известен с первых в. н. э. (Птолемей, V, 8, 12); из названного труда этноним зихи попал в Армянскую Географию VII в. (см. С. Т. Еремян. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуйц»-а, ИФЖ, 1973, № 2, с. 262, на арм. яз.; см. также: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 116). См. примеч. 62.

61. В раннем цикле КЦ, а также в «Обращении Картли» «турки» упоминаются неоднократно и, скорее всего должны соответствовать понятию «тюрки» (подробный анализ сведений см.: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 116—117 и др.; а также: Е. С. Такайшвили. Три исторические хроники, с. 1—2 и др.; Н. Я. Марр. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса. — ЗВОРАО, т. XIV, СПб., 1902, с. 081, 086; С. Т. Еремян. Опыт реконструкции..., с. 274, там же, примеч. 128, 129; Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей..., с. 28, 59, 60 и др.). Анахронизмы в упоминании тюркских племен в древнеписьменных источниках Кавказа (см. Меликсет-Бек. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского. — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л., 1960) — одна из сложных проблем не только в кавказоведении, но и тюркологии. (См. В. Н. Габашвили. Сведения древнегрузинских источников о тюркских племенах и народах).

62. О том, что джики (см. примеч. 60) жили за пределами коренной Абхазии, грузинские писатели отмечали и позднее. Так, уже на рубеже XVII—XVIII вв. С.-С. Орбелиани писал: «джиками называется также одно общество, пограничное с Абхазией» (Соч., т. 4, ч. 2. с. 456). Налицо факт стабильности территориальной общности предков современных абазин, подтверждаемый не только по археологическим материалам, но и письменным источникам. (Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей, СЭ, 1946, № 4; Г. В. Цулая. Обезы по русским источникам, СЭ, 1975, № 2).

63. Возможно, что здесь имеется какой-то отголосок процесса сокращения территории расселения средневековых алан, в результате которого, вероятно, происходило также сужение собирательного значения этнонима аланы до его реальных пределов. О горных ущельях как естественном убежище алан свидетельствуют также европейские писатели, знакомые с конкретными событиями, например, в период монгольских завоеваний (см. Осетины глазами русских и европейских путешественников, сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967, с. 29 и сл.).

64. Обмен военнопленными — один из излюбленных сюжетов раннесредневековых историков Армении и Грузии. Возможно, что само преувеличение численности военнопленных в ЖВГ является одним из доказательств того, что в ней «правильно отражена большая роль, которую в войнах древнекартлийских царей играл захват пленных и судьба этих пленных (превращение в «мона» — рабов)» (Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 430; о тактических и организационных основах военного дела в феодальной Грузии см.: К. А. Чхатарайшвили. Очерки по истории военного дела в феодальной Грузии. Тбилиси, 1979, на груз. яз.). См. примеч. 44, 56.

65. «Абхазская дорога» — один из важных торгово-стратегических путей, выведших Абхазию (а заодно и Западную Грузию) на широкую коммуникацию с внешним миром — на север по ущелью р. Кодори через Главный Кавказский хребет, через Клухорский перевал и на юг через юго-западные области Грузии к Византийской империи. Исследователи утверждают, что названная дорога представляла собой часть той торговой магистрали, которая согласно римской дорожной карте *Tabula Peutingeriana* проходила через территорию Западной Грузии (см. З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 63, карта. См. также: С. Н. Джанашиа. Труды, т. I, с. 47; Н. Ю. Ломоури. К вопросу о торговых путях древней Грузии. — Труды Ин-та истории АН Груз. ССР, т. IV, ч. I. Тбилиси, 1958, на груз. яз.; Очерки, II, с. 173). См. примеч. 67.

66. Очевидно, имеется в виду византийский император Лев I (457—474). Рассказ о связи с ним вполне может соответствовать хронологически реальной последовательности. Но обращает внимание тенденция самого сообщения. Дело в том, что Лев I (Леон) был занят проблемами Западной Римской империи, готов и остатков гуннов (см. История Византии, М., 1967, с. 202—203).

67. Драхма — монета и мера веса, восходит к греческому *drahme*. Предполагается, что в грузинском, как и армянском, связано непосредственно с пехлевийской формой *drām*. В грузинских источниках упоминается с IX—X вв. (см. Г. И. Джапаридзе. Указ. соч., с. 31—36).

68. Драхан — мера веса. Грузинским эквивалентом термина С.-С. Орбелиани считает плури (Соч., т. 4, ч. I, с. 229). Соответствовал византийской номисме — 4,55 гр. золота (см. А. Г. Шанидзе. Грузинский монастырь в Болгарии и его Типик. Грузинская редакция Типика. Тбилиси, 1971, с. 274; см. также: И. А. Джавахишвили. Соч., т. VI, с. 307).

69. См. примеч. 24.

70. Об этом имени см.: М. К. Андроникашвили. Указ. соч. с. 445.

71. Сомхити — так называют средневековые грузинские авторы, с одной стороны, Армению (поздняя форма Сомхети) и, с другой — пограничные с нею южные области Грузии — Нижнюю (Квемо) Картли. Одно из сложных понятий в истории Армении и Картли. Население указанной области нередко выступало под двойным этнонимом — сомхитары-картлийцы, под которым, вероятнее всего, подразумевалось смешанное грузинско-армянское население (см. Л. М. Меликсет-Бек. Армяне в Грузии. — Византия и Кавказ, вып. I. Ереван, 1979, с. 175—176; на арм. яз.). Этимологически восходит к названию страны Сохми (Сухми), известной по древневосточным (хеттским и ассирийским) источникам (см. Г. А. Халатянц. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей. — Древности Восточные. М, 1901, с. 126; Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, гл. I, § 6; он же. ДГ, с. 103—104; он же. Урартские клинообразные надписи. М., 1960). Время возникновения термина «Сомхити» в зафиксированном в грузинских источниках смысле неизвестно. Как заметил Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 303 и сл.), в «Мученичестве Шушаник» этот термин не только отсутствует, но совершенно определенно именуется Картли. На реальность этого обстоятельства может указывать и известная Болнисская надпись V в. именно на грузинском языке. Характер комментируемого сообщения из ЖВГ свидетельствует о том важном значении, которую играла Сомхити (Нижняя Картли) в культурной жизни Грузии в целом. Поэтому распространение на нее власти Сасанидов закономерно.

72. Исходя из последовательности излагаемых Джуаншером событий, в данном рассказе, возможно, заключены отголоски последнего столкновения картлийцев с племенами Северного Кавказа. Описанное в ЖВГ событие совпадает с фактами, имевшими место в 481—484 гг. и описанными в «Истории Армении» Лазара Фарпеци (см. Л. Н. Джанашиа. Сведения Лазара Фарпеци, с. 136 и сл.). Вахтанг Горгасал в это время вряд ли был так молод, как о том уверяет Джуаншер. Перед нами очередная

хронологическая неувязка, вызванная романтизацией образа Горгасала, принимающего все более эпический характер. Не случайно, что именно вслед за данным рассказом образ картлийского царя густо обрастает легендарными домыслами его жизнеописателя.

73. Одной из характерных черт общественной жизни средневековой Грузии было активное участие в ней женщины. Женщина была не только «хранительницей домашнего очага», но и активным созидателем во всех сферах семейного и общественного быта. Анонимный автор «Страсти первомученика Раждена» (воспитателя-мамадзудзе) жены Вахтанга Горгасала, описывая деяния грузинских подвижников, специально отмечает: «Но столь отважными были не одни только мужи, но и слабосильные жены, и они женственные по природе стали мужественными и, позабыв природу немощную свою, без страха сподобились жестоким и нещадным истязаниям». Автор при этом подчеркивает, что среди этих женщин были «и безродные крестьянки, и государыня, и женщины, обитавшие в знатных палатах» (К у б а н е й ш в и л и . Хрестоматия, I, с. 241).

74. Бакар — по традиции свода КЦ — сын и преемник первого христианского царя Картли Мириана (1-я пол. IV в.). Еще Леонтий Мровели приписывает ему успешное продолжение дел Мириана по части обращения в христианство порубежного с Картли населения Северного Кавказа — «кавказианов» (см. КЦ, I, с. 130; Г. А. М е л и к и ш в и л и . ИДГ, с. 130). Ближайшие преемники Бакара в КЦ рассматриваются следующим образом: сын Бакара Арчил был отцом Мирдата, а сыном последнего — Вахтанг Горгасал. Другая ветвь поздних Фарнавазидов, которая также брала начало в доме Мириана, шла от царя Рева, коему, по рассказу Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 70), в наследственное владение были даны Кахети и Кухети. Мровели две эти династические ветви именует соответственно Бакаридами и Ревидами (КЦ, I, с. 138). См. примеч. 45.

75. Свидетельство о существовании в Картли еретических течений, организаторами и проводниками которых были сами представители служителей культа.

76. Отсюда, как мы уже говорили (см. Введение), начинается новая глава в легендарной биографии Вахтанга Горгасала, отличающаяся неограниченной его идеализацией. Перож-Кафа — искаженная форма названия крепости Фирузикабад (арм. Пероз-Кават), построенного Ануширваном (VI в.) и названного им в честь шаха Пероза (459—484) и его сына Кавада. Хотя исследователи и считают, что локализация названной крепости не поддается выяснению (Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 21), обращает внимание сообщение о ней в труде Баладзори: Ануширван «построил в области Джурзана, на той стороне, которая граничит с румами (византийцами), замок, названный воротами Вирузикобада, и замок, носящий название «ворота Лазика», и другой, под названием «ворота Барика», что на берегу моря Трабезунда» (Б а л а д з о р и . Книга завоевания стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 6). Очевидно, упомянутый Баладзори топоним Джурзан соответствует Джузджану в Малой Азии и в таком случае рассказ Джуаншера вполне может соответствовать географической номенклатуре того времени. Упоминание в ЖВГ Пероза как основателя названной крепости связано с тем обстоятельством, что главный период деятельности Вахтанга Горгасала относится ко времени правления этого шаха.

77. Карну-калак (досл.; Карну-град) воздвигнут византийцами в период правления императора Феодосия (408—450) и в его честь был назван Феодосиполь. Один из опорных пунктов Византии на восточных рубежах Империи. После завоевания сельджуками в конце XI в. переименован в Арзан-ар-Рум (совр. Эрзерум).

78. Андзорети, очевидно, связана с упоминаемым ниже «городом» Андзиадзора. Точной локализации не поддается (подробнее см. Г. А. М е л и к и ш в и л и и ДГ, с. 47, 282—283, 290—291). Ср. примеч. 80, 71.

79. Эклеци — античная Акилисена. Впервые упоминается в «Географии» Страбона (XI, гл. XIV, 2). Страбон называет Акилисену среди тех областей, которые были присоединены к Армении в начальный период ее политического роста (III—II вв. до н. э.)

(Страбон. XI, гл. XIV 5; ср. Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с. 10).

80. Стери — явно искаженное название либо какого-то города, либо области. Вместе с тем, если сопоставить данное в ЖВГ сочетание: «Эклеци и Стери» с тем, что Страбон рядом с Акилисеной помещает область Сиспиритиды (XI, гл. IV, 8; гл. XIV, 12), то возникает вероятность отождествления «Стери» с исторической Сиспиритидой.

81. Очевидно, имеется в виду город Трапезунт, известный в древности и средневековье своим торгово-стратегическим значением. В 1204—1461 гг. — столица Трапезундской империи, основанной по инициативе грузинской царицы Тамар (1189—1207). Письменные источники различных эпох, в том числе и грузинские, а в данном случае Джуаншер, впоследствии также и турецкие (наиболее видный из них Эвлия Челеби — XVII в.) ясно говорят о значительном опыте местного коренного прибрежного населения в морских промыслах и вообще мореходстве (см. примеч. 119).

82. В данном случае возможны какие-то реминисценции образа Григория Нисского, одного из выдающихся богословов раннего средневековья.

83. Речь идет о широко распространенной в церковной истории еще раннего периода легенде о «явлении» императору Константину I (324—337) «крестного знамения» во время войны со своим политическим соперником Максенцием (см. А. П. Каждан. От Христа к Константину. М., 1965, с. 5—33). По крайней мере, во 2-й половине I тысячелетия н. э. легенда уже была популярна в Грузии. Об этом, в частности, свидетельствует «Синайский Многоглав 864 года» (изд. А. Г. Шанидзе. Тбилиси, 1959, с. 237, на груз. яз.).

84. В ЖВГ неоднократно встречается, свидетельство об особом пиетете в раннесредневековой Грузии к памяти византийского императора Иовиана (363—364), восстановившего на константинопольском престоле хриstopочитание. См. примеч. 86.

85. Хосровтанг. В действительности в Иране в это время правил Ездигерд II (439—457) (см. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 274 и сл.). Возможно, это не случайно и отражает традиционную оценку грузинами этого выдающегося правителя сасанидов. В этой связи обращает внимание композиция имени Хосровтанг, что значит «уподобленный Хосрову», т. е. «символу» сасанидских правителей в представлении грузинских книжников раннего средневековья.

86. В 363 г. в результате неудачной (стоившей императору Юлиану жизни) войны с персами по инициативе нового императора Иовиана (см. примеч. 84) византийцы заключили со своими врагами мир, единственная выгода которого для ромеев состояла в спасении их войска от полного разгрома. В сочинении Джуаншера звучит традиционная в картлийском обществе апология Иовиана.

87. Отголоски легенды о взаимоотношениях между Григорием Просветителем (арм. Лусаворич) и армянским царем Трдатом III (298—330), в период правления которого в начале IV в. христианство было признано официальной идеологией Армении. Согласно этой легенде Трдат за преследование Григория был чудодейственным образом обращен последним в дикого кабана и затем им же вновь превращен в человека, и лишь эта операция «вразумила» царя признать Христа «истинным богом».

88. Обычный новозаветный шаблон, согласно которому прежний преследователь христиан, вдруг чудодейственно озаренный «светом Христа», становился ревностным прозелитом.

89. Геон — древнегрузинская форма названия одной из четырех рек, текущих из рая, библ. Тихон (I. Быт., 2, 13).

90. Мускус — в оригинале *мушки* — «мускус». Заимствовано из иранских языков. Широко применялся в средневековой грузинской медицине, что косвенно и отразилось в данном контексте нашего источника (см. С.-С. Орбелиани. Сочинения, т. IV, ч. I, с. 534. В. И. Абеев. ИЭСОЯ, II, М., 1973, с. 142—143; И. В. Абуладзе. Словарь, с.

301; 3. П а н а с к е р т е л и - Ц и ц и ш в и л и . Лечебная книга — Карабадини. Тбилиси, 1978, *passim*, на груз. яз.).

91. Джила — одно из названий р. Тигр (из араб. Джиле).

92. Мириан — имеется в виду первый христианский правитель Картли (1-я пол. IV в.).

93. Нино — речь идет о проповеднице христианства в Картли Нине Каппадокийской (начало IV в.); сведения о ней сохранились в сочинениях ранних историков христианской церкви (Созомен, Руфин), а также в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). Культ Нины, как первоначальной и единственной проповедницы христианства в Грузии, безраздельно стал господствовать здесь лишь с конца IX — начала X в. и был связан с окончательным оформлением местных церковных легенд в духе постановлений Халкидонского собора в 451 г. (последние работы по данной проблеме с указанием библиографии см.: М. С. Ч х а р т и ш в и л и . Проточелишская редакция «Жития св. Нино» — источник метафрасной редакции. — «Мацне», серия истории, 1978, № 4; она же: Малая и пространная редакция «Жития св. Нино». — «Мацне», серия истории, 1980, № 1; она же: Метафрас о редакции «Жития св. Нино» сборника «Картлис цховреба», — «Мацне», серия истории, 1980, № 4; все на груз. яз.).

94. Даниил — библейский пророк.

95. Архангел Михаил, библ.

96. Грузины — в оригинале *ковелта картвелта* — дословно — «все картвелы» (см. Введение).

97. Энкратиты — секта в раннем христианстве, разновидность аскетизма.

98. См. примеч. 81.

99. Вольный метафрас известных евангельских сентенций, ср.: «И если правая твоя рука соблазнит тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геену» (Мтф., 5, 30); «У тебя же, когда творить милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне» (Мтф., 6, 3 — 4).

100. Мы думаем, что в данном случае сохранились отголоски тенденциозно созданной в период укрепления средневекового Грузинского царства с IX—X вв. родословной правящей династии Багратионов (см. Введение).

101. Поликарпос — это имя в ЖВГ встречается несколько раз, а однажды даже упоминается его титул «логофет» и является скорее всего вымышленным, литературным образом, служащим замыслу идеализации личности Вахтанга Горгасала.

102. Речь идет, очевидно, о Григории Парфяnine, по наиболее ранней традиции, сохранившейся в армянских источниках (Агафангел, Мовсес Хоренаци), просветителе народов Закавказья (см. Н. Я. М а р р . Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. Арабская версия. — ЗВОРАО, т. XIV. СПб., 1905). Сохранились обширные грузинские версии жизнеописания Григория (см. П. М. М у р а д я н . Древнегрузинские редакции Агафангела. Ереван, 1982, на арм. яз.). Комментируемый эксцерпт из ЖВГ, очевидно, является одним из отголосков культа Григория Парфянина в Грузии, о чем может свидетельствовать мистический пиетет, которым отмечено его упоминание в жизнеописании Горгасала.

103. Этим русским термином послемонгольского периода мы передали грузинский текст *уметес арс бевр атасиса* «более тысячи бевров» — *бевр-и* — «10000» (С.-С. О р б е л и а н и . Сочинения, т. IV, ч. I, с. 105); употреблялось также в значении «множества» и часто встречается в памятниках средневековой грузинской литературы. Исследователи предполагают, что восходит к авестийскому *baevarj* 10 000 (см. М. К. А н д р о н и к а ш в и л и . Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. I, с. 290, на груз. яз.; В. И. А б а е в . ИЭСОЯ, I, с. 262).

104. Джазира, Джазирети — принятое в грузинской исторической традиции название Междуречья (Месопотамии) в целом, согласно арабским источникам — «Верхняя Месопотамия».

105. В данном случае может быть свидетельство двойного характера: во-первых, указание на действительное наличие в христианской идеологии в Грузии в эпоху Вахтанга Горгасала различных течений и, во-вторых, свидетельство об известной в истории культурного развития средневековой Грузии критической оценки деятелями XI в. культурных накоплений грузин в предшествующие века,

106. Спери. Историческая область в Юго-Западном Причерноморье, коренное население которой под названием сасперы неоднократно упоминаются еще в «Истории» Геродота (I, 104, 110; III, 94; IV, 37, 40; VII, 79). И впоследствии они часто упоминались греко-римскими и византийскими авторами. По грузинским источникам известно, что р. Чорох называлась «рекой Сперской» (КЦ, I, 17), а также Черное море — «Сперским морем» (КЦ, I, с. 8, 9, 19); ср. лазское название Черного моря одинаковое с р. Акампис (обстоятельный анализ этого топо-этнонима. см.: Н. Я. М а р р . Крещение армян, грузин, абхазов и аланов, с. 168; Г. А. М е л и к и ш в и л и . ИДГ, с. 91, 102, 233, 281 и др.).

107. В данном случае заслуживает внимания указание на то, какие товары были в обороте на описанных торжищах; во всяком случае, Джуаншер свидетельствует о том, какие товары привлекали внимание здесь собственно грузин, и это не может не дополнить наши общие представления об уровне товарообмена в средневековом Трапезунте (ср. С. П. К а р п о в . Трапезунтская империя и западноевропейские государства в XIII—XIV вв. М., 1981, с. 18 и сл.).

108. Вид морского корабля в Византии. В грузинской литературе впервые встречается в «Синайском Многоглаве» (864 г.) в форме дроми, что должно указывать на то, что в ЖВГ сохранилась поздняя форма данного термина и она вряд ли восходит к источникам раннего периода. Возможно, об этом же свидетельствует и полное соответствие слова дромон по ЖВГ и «Словарю грузинского языка» С.-С. Орбелиани, в котором так же, как и в сочинении Джуаншера говорится, что дромон-и «это самый крупный из кораблей» и в него вмещалось «пятьсот-шестьсот и более бойцов» (С.-С. О р б е л и а н и . Сочинения, т. 4, ч. I, с. 229, 563; Т. Н. Б е р а д з е . Мореплавание в древней Грузии. Тбилиси, 1981, с. 51, на груз. яз.).

109. Понтийский путь — вполне вписывается в рассказ Джуаншера Джуаншериани о «великом Понтийском городе» — Трапезунте и должен представлять собой трассу, связывавшую Константинополь именно с Трапезунтом.

110. Свидетельство о существовании в феодальной Грузии (по крайней мере, в эпоху создания ЖВГ) определенного опыта «тайной дипломатии». В общем, это может свидетельствовать о значительном опыте грузинских правителей в международных сношениях, что, прежде всего, предполагало определенное политическое значение раннефеодальной Грузии во взаимоотношениях того времени.

111. Тухариси — одна из важных политических единиц раннесредневековой Грузии. Согласно Леонтию Мровели, крепость Тухариси находилась в области Одзрхе, которая в грузинских источниках отождествляется с Самцхе — «Страною месхов» (КЦ, I, 47; Г. А. М е л и к и ш в и л и . ИДГ, с. 113 и сл.). Упоминается в Армянской Географии VII в. в форме Тухар-к — крепость в области Клардж (Кларджети) (см. С. Т. Е р е м я н . Армения по «Ашхарацуйц»-у, с. 111). По замечанию С. Т. Еремяна (указ. соч., с. 53), «Тухар-к или Тухариси это крепость в гаваре (области) Клардж, ныне деревня Херес подле рубежей Тайка». Примерно аналогичного мнения придерживается и Д. Л. Мухелишвили, считающий Тухариси расположенной в пределах Тао (см. его: Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 170—171). По нашему мнению, название «деревни Херес» — это ничто иное, как искаженная форма именно грузинского (Ту)харис-и. Н. А. Б е р д з е н и ш в и л и (см. ВИГ, VIII, с. 59—60) предполагал в основе данного топонима

корень *тиха* — «земля», «почва», «глина» (ср. название крепости Мтверис-цихе) — «Земляная крепость»).

112. Данное признание грузинского автора XI в. должно свидетельствовать об использовании им какого-то раннего источника, отразившего, скорее всего, период преследования христиан в Сасанидском Иране (см. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 264—269) после объявления христианства государственной религией Римской империи. Если учесть, что первоначально христианство в Грузию (Картли) проникло путями, пролежавшими через Сирию — Армению — Иран (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, IX, с. 24), и что новая религия воспринималась преимущественно демократическими низами, то следует признать, что приведенный контекст из ЖВГ касается, по крайней мере, косвенно, именно данной исторической ситуации.

113. Вараз-Михр — единственное упоминание о коллатеральном родственнике Вахтанга Горгасала. Однако основное значение этого свидетельства не в историчности данного лица, а в безусловном и особо подчеркиваемом автором ЖВГ факте активного участия членов семьи воспитателя царя (см. примеч. 21, 26) в делах правления государством.

114. Довольно реалистично обрисованная картина мародерства воинов из ополчения Вахтанга Горгасала представляет собой одно из проявлений быта феодального общества. Как в письменных источниках, так и в живой народной речи оно называлось *мекобреоба*, термин собственно грузинский и соответствующий русскому «разбой». Это явление было столь повсеместным, что получило характер особого антиобщественного института, в борьбу с которым власти привлекали все общественные силы страны. Были оформлены специальные статьи, по которым строго карались не только бандиты, но и их лжеосведомители (см. Памятники грузинского права, т. I. Под редакцией И. С. Дolidze. Тбилиси, 1963, с. 450; на груз. яз.; К. А. Чхартшвили. Указ соч., с. 125). Были организованы специальные органы по борьбе с *мекобреоба* и даже введены особые сборы с населения — *самекобрео* — в пользу организованных мероприятий по борьбе с этим бичом общественного порядка. В связи с этим вполне понятна та реакция, которую, по словам Джуаншера Джуаншеряни, Горгасал проявил по отношению к собственным воинам, уличенным в этом антиобщественном явлении.

115. В оригинале *хертвиси* — термин, который в средневековой грузинской литературе встречается неоднократно. В научном аппарате КЦ. С. Г. Каухчишвили, как выясняется, принимает в качестве топонима (КЦ, I, с. 429). А. Г. Шанидзе разъясняет, в значении «остров», а также «полуостров» (см. А. Г. Шанидзе. Соч., т. II, Тбилиси, 1981, с. 266—275, на груз. яз.). Это толкование согласовано с данными средневековых грузинских текстов и научных работ (С.-С. Орбелиани, Н. Д. Чубинашвили и др.) и принято в нашем переводе.

116. Борзо — данное имя в древнегрузинской литературе встречается дважды. Первый раз — в агиографическом сочинении «Мученичество св. Евстафия Мцхетского» (ок. 70-х гг. VI в.) и носит его охристианившийся перс (Кубанейшвили. Хрестоматия, I, с. 46). Имя грузинизовано и восходит к *burz* «высокий» и свидетельствует о длительном его бытовании в среде грузин (М. К. Андроникашвили, Очерки..., I, с. 452). Термин «царь» *мене* Борзо — царь Моваканский», — в данном; случае имеет синонимическое значение и ближе всего стоит к пониманию его в смысле «государь», «владелец» и свидетельствует о многозначности термина *мене* — «царь» в древнегрузинской социальной терминологии (ср. примеч. 37). Но главное, что в данном сообщении (независимо от степени его вымысленности) отражен факт распространения христианства именно картлийцами в пограничных с Восточной Грузией (Картли) областях Кавказской Албании.

117. В оригинале антраки, восходит к греческому *anthrakos* (Абуладзе. Словарь, с. 7). В русском переводе Книги Притчей Соломона (8,11) соответствует слову «жемчуг».

118. В древнегрузинской литературе, как известно, обильно встречаются реминисценции мотивов, образов и прямые ссылки на образцы древнегреческой (как и античной вообще) литературы (см. М. Д. Лордкипанидзе. К вопросу об использовании античных и византийских письменных источников в грузинской историографии. — Историко-филологические разыскания, т. I, Тбилиси, 1980, с. 150 и сл.). В данном случае мы считаем, что сентенция «Лев быку не чета» восходит к древнеримскому «Что положено Юпитеру, то не положено быку» — „Quod licet Zovi, non licet bovi“.

119. В научной литературе считалось почти необъяснимым такой факт, как стремительное развитие мореходства у турок-османов. В. В. Бартольд (Ислам и Черное море).— Соч., т. VI, М., 1966, с. 661) в этой связи писал: «Заслуживает быть отмеченным, с какой быстротой и совершенством такой континентальный народ, как турки, освоился с морем. У арабов Северной Африки турки считались по преимуществу мореплавателями; султан Марокко называл турецкого султана в насмешку «рыбьим царем». Как далеко доходили морские набеги турков, свидетельствует опустошение ими острова Исландии в 1627 г. Вообще морское пиратство так называемых берберских государств было организовано не арабами или берберами, а турками». К сожалению, вплоть до последнего времени никто не обращал внимания на тот факт, что «турецкими мореплавателями» выступали преимущественно прибрежные племена южного и юго-восточного Причерноморья и, прежде всего, лазско-чанские и абхазские племена, что было отмечено еще самим турецким историком и географом XVII в. Эвлия Челеби (Э в л и я Ч е л е б и . Книга путешествий, вып. 3. М., 1983, с. 40, 42 и др.). Прибрежные области южного Причерноморья Византийской империи были населены не столько греческим, сколь лазско-чанским населением. Не случайно, что константинопольские автократы именовали трапезунтских императоров «лазскими царями» (М и х а и л П а н а р е т . Трапезунтская хроника. М., 1905, изд. Ал. С. Хаханова; В. А. Гордлевский, Избр. соч., т. I, М., 1960, с. 56 и др.; Т. Н. Бердзэ. Мореплавание в древней Грузии).

120. В оригинале *сакмэ циндобиса*. С. Г. Каухчишвили оставил слово с вопросом, предположительно отметив, что речь, возможно, идет об обмене заложниками (КЦ, I, с. 459). В Словаре И. В. Абуладзе (с. 134) среди различных синонимов слова *циндоба* приводится и такое, как «соединять». Судя по тексту ЖВГ, именно это значение слова *циндоба* более всего приемлемо, что и учтено в нашем переводе.

121. Арсианские (горы). — горная цепь, является водоразделом бассейнов рек Куры и Чорохи. Как свидетельствуют письменные источники, в том числе и ЖВГ, Арсианская горная система в средние века использовалась в качестве естественных рубежей в ходе политических сношений Грузии с соседними странами. Несмотря на сложность природных условий, через Арсианский хребет проходили важные коммуникативные процессы, о чем свидетельствуют письменные источники, указывающие на существование в этом субрегионе Арсианского пути и Арсианских ворот (Д ж а в а х и ш в и л и , ИГН, II, с. 17—18 и др.).

122. Имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н. э.). Указание на установление политических границ Византийской империи во времена македонского царя-полководца может свидетельствовать, во-первых, о времени, когда должна была быть сочинена данная легенда — не ранее времени окончательной реставрации иконопочитания, приведшего к возрождению в Византии эллинизма; во-вторых, особой важности и для византийской внешней политики, и для формирования единого Грузинского царства территории Восточного Причерноморья — ядра будущего Абхазского царства — вплоть до верховий р. Кубань («реки Малой Хазарии»),

123. Отмеченная в данном контексте территория, возможно, включала область между реками Ингури (Эгрис-цкали) и Келасури (Абхазская АССР). Вместе с тем следует иметь в виду, что термин «клизура» (из греч. букв.: «ключ», «проход») нередко употреблялся в его техническом значении и был распространен во многих областях

Закавказья и Малой Азии (см. Гр. К а п а н ц я н . Ассиро-вавилонские слова в армянском. Ереван, 1945, с. 18, на арм. яз.). Феофилакт Симокатта указывал, что «укрепления», которые являются «ключами горных проходов... ромеи обычно называют их клисурами» (Ф е о ф и л а к т С и м о к а т т а . История. М., 1957, с. 167). То же самое — Феофан Исповедник (790—818). Переводчик и комментатор его труда И. С. Чичуров пишет: «Греческое клисура означало не только горный проход, ущелье, но и укрепление на перевалах» (И. С. Ч и ч у р о в . Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980, с. 66, 138). Однако тот факт, что в Абхазии этот термин прочно утвердился в качестве определенного гидронима, не исключает вероятности точного соответствия Клисуре из ЖВГ современному названию р. Келасури. Ср. «Клисура — стена порубежная» (КЦ, I, с. 235 и др.).

124. Независимо от того, насколько власть Вахтанга Горгасала могла распространяться на Абхазию в ее узко территориальном значении, под «прочей Абхазией» здесь следовало бы подразумевать ту же территорию, которая входила в широкое понимание Абхазии (позднее Абхазское царство). (Ср. Б е р д з е н и ш в и л и . ВИГ, VIII, с. 267).

125. **Артануджи** — центр юго-западной области исторической Грузии — Кларджети. Предание о том, что Артануджи был построен Вахтангом Горгасалом, подтверждается и таким реалистическим источником, как сочинение Сумбата Давитис-дзе (см. С у м б а т Д а в и т и с - д з е . История и повествование о Багратионах. Перевод М. Д. Лордкипанидзе, с. 31; Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 174—176 и др.). Впоследствии, как выясняется, Артануджи был заново отстроен деятелем VIII—IX вв. Григорием Хандзтийским. Лексикологический анализ топонима Артануджи обнаруживает принадлежность его к мегрело-чанской ветви картвельских языков (см. А. Г. Ш а н и д з е . Соч., т. II. Тбилиси, 1981, с. 492—493, на груз. яз.).

126. Монастырь в Кларджети. Опиза была возобновлена в VIII в. на месте более старого храма, в свое время построенного местными жителями мегрело-чанами (см. Н. Я. М а р р . Георгий Мерчул. Житие Григория Хадзтийского, с. XXII). Лексикологический анализ топонима Опиза обнаруживает связь его с мегрело-чанской ветвью картвельских языков со значением «переднее место», «берег» (?) (см. А. Г. Ш а н и д з е . Соч., т. II, с. 27; см. также: Ш. Я. А м и р а н а ш в и л и . Бека Опизари. Тбилиси, 1959).

127. **Дарчил** — искаженное персидское имя Дарий (см. М. К. А н д р о н и к а ш в и л и . Очерки..., I, с. 462—463). Имя Дачи было популярно в раннесредневековой Грузии и лишь в пору установления культурного приоритета Византии постепенно предалось забвению.

128. **Индабриан** — очевидно, какое-то искаженное (вымышленное?) географическое название; локализация не представляется возможной.

129. Цари дербендские. Как известно, Дербенд (груз. Дарубанди) — это название города и области (Западный Прикаспий) (см. В. В. Б а р т о л ь д . Соч., т. III. М., 1965, с. 419 и сл.; В. Ф. М и н о р с к и й . История Ширвана и Дербенда. М., 1963). Очевидно, Джуаншеру было известно о какой-то миссионерской деятельности грузин в области Дербенда именно в период, когда там наметилась тенденция к феодальной раздробленности (не отсюда ли сама формулировка — «цари дербендские»? О термине «цари» — «царь» в грузинских письменных источниках ср. примеч. 37,116).

130. **Шимшата** — должно соответствовать встречающемуся в армянской Географии VII в. в главе «О Сирии» (см. С. Т. Е р е м я н . Армения по «Ашхарацуйц»-у, с. 112) название города Самосат (П т о л е м е й , V, 14, 8). Ср. также: Н. Г. А д о н ц . Армения в эпоху Юстиниана, с. 34—36.

131. **Дигоми** — местность, ныне один из районов г. Тбилиси.

132. **Цхенис-терпи** — Вся эта фраза в оригинале звучит несколько туманно. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 227—228) высказал мнение, что в период написания

Джуаншером своего труда топонимические названия «Ворота Картли» (Картлис кари) и «Цхенис-терпи» (букв. «Лошадиная стопа») реально существовали, трудности заключаются в их идентификации. «Ворота Картли» ученый считал чисто техническим термином, каковым, по его мнению, был и «Цхенис-терпи». Не случайно, что Вахушти Багратиони (см. КЦ, IV, с. 109, 338) Цхенис-терпи именует в местности Дидубе (ныне в пределах г. Тбилиси).

133. Мхари — чисто грузинский термин, букв. «бок», «плечо» — единица меры длины, неоднократно встречается в древнегрузинской литературе. Согласно С.-С. Орбелиани (Соч., т. 4, ч. I, с. 557), в среднем равнялась 2 м. (см. также: И. А. Джавахишвили. Грузинская метрология, с. 133; Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрологии, с. 133; Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрологии, с. 142). Могветский мост, очевидно, соединял собственно Армази с прилегающими к нему окрестностями.

134. Милитина — Мелитена, античная форма названия одной из областей Малой Азии в пределах совр. Малатьи (подробно об этно-территориальных связях данной области с древнегрузинскими племенами см.: Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 75, 351 и др., там же библиография).

135. Раздвоение собственно грузинского социального термина — *мама-упали* — «отец-владыка», в обиходе, а затем и в официальной административной терминологии уже периода развитого феодализма известно в форме *мампали*. Грузинскому термину «мампали» во все времена его употребления более всего соответствует русское «владыка». Ср. Уплис-цихе — букв. «Град владыки», «Царский город», «столица».

136. В оригинале — зроча — в современном грузинском — «корова», в древнегрузинском — вообще «крупный рогатый скот» (С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I, с. 290). Если исключить характерную для Джуаншера гиперболизацию, то вполне выясняется представление о принятом в раннесредневековой Грузии эквиваленте ценностей, что также важно и для общего представления об истории экономического развития страны.

137. Шам — доарабское название Сирии.

138. Сицилия — «страна» с таким названием неизвестна.

139. Одна из этно-территориальных единиц Грузии известна еще в древнеписьменных источниках (греко-римских, византийских, армянских, арабских). Известно, что область расселения предков сванов в древности значительно превосходила этнографические рубежи современной Сванети и включала часть северных отрогов Главного Кавказского хребта (см. Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, М.—Л., 1950; Т. Ш. Мибчуани. Этнокультурные связи горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами. — Автореф. канд. диссерт., Тбилиси, 1978). Армянская География VII в. называет сванов среди племен «Азиатской Сарматии» (Т. С. Еремян. Опыт реконструкции..., с. 263; Г. В. Цулая. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской Географии VII в. — В кн.: Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980, с. 76 и сл.). В византийском источнике, посвященном деятелю VII в. Максиму Исповеднику, говорится, что этот подвижник помер «в городе Алании — Схимарии», а в эпистоле сопровождавшего Максима лица упоминается город Phustas «в пределах Аписии и Мисимианы» (В. Г. Василевский. Труды, т. II, ч. 1. СПб, 1909, с. 277). К. С. Кекелидзе замечает, что упоминаемые в различных версиях «Жития» Максима Исповедника Лазика, Мегрелия и Алания в действительности представляли собой одну и ту же территорию — «северовосточное побережье Черного моря, окаймленное с юга и востока рекой Рионом, а с северо-востока Главным Кавказским хребтом» (К. С. Кекелидзе. Сведения грузинских источников о Максиме Исповеднике. — Этюды, т. VII, с. 25 и др.). Кроме того, «город Алании — Схимарии» созвучен с наименованием области в Сванети Цхумар, а Фуста — это ничто иное, как Фостафори Леонтия Мровели и

Фосфорон армянской Географии VII в. (С. Т. Е р е м я н . Указ. соч., с. 264, там же, примеч. 39). Впоследствии, в период образования Абхазского царства, а затем и в период объединения Грузии (IX—XI вв.) Сванети упоминался под названием Абхазия (Апхазети) (Киракос Гандзакети. История Армении. М., 1968, с. 181, 234). В грузинских источниках отразилась традиция как обобщающего, так и узкоэтнического наименования Сванети. Последнее восходит к эпохе арабского господства в Закавказье, когда территория Сванети стала убежищем для населения разоренных областей Грузии (См. примечания, 142).

140. Из приведенного текста ЖВГ Г. А. Меликишвили (ИДГ, с. 132) делает следующее заключение: «Так представляется древнегрузинской исторической традиции взаимоотношения Картли с Зап. Грузией (Эгриси). Однако против нарисованной выше картины как будто говорят византийские источники, которым ничего не известно о политическом господстве Картли (Иберии) над Зап. Грузией». Мы думаем, что молчание византийских авторов о политическом месте Картли в Западной Грузии можно объяснить, во-первых, действительно, неглубоким влиянием Картли на Эгриси, хотя самого этого факта отрицать не приходится ни на одном этапе истории Грузии; во-вторых, и это особенно надо иметь в виду, великодержавным игнорированием византийцами внутривосточного движения в сопредельных странах, что является одной из наиболее характерных черт внешнеполитических актов византийских правителей. Таквери и Маргви — древние этнографические области в Западной Грузии (ср. Очерки, II, с. 167; Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 141).

141. Уджарма — один из наиболее крупных центров Грузии в позднеантичную эпоху и раннем средневековье; был расположен в местности Жалети на берегу р. Иори. Руины города сохранились до сих пор (см. И. Ц и ц и ш в и л и . История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955; на груз. яз.; Д. Л. М у с х е л и ш в и л и . Город-крепость Уджарма. Тбилиси, 1966; на груз. яз.). Город достиг высокого расцвета в период правления Вахтанга Горгасала, которому средневековые грузинские авторы приписывают значительную строительную деятельность. Фортификационные сооружения в Уджарме играли роль сдерживающего барьера против кочевников Северного Кавказа, а также служивших базой для наступления на них. На территории Уджармы обнаружены сасанидские серебряные монеты времен шаха Пероза (439—484). Был разрушен арабами в X в. Впоследствии восстановлен и превращен (XII в.) в одно из царских казнохранилищ (см. Г. А. Л о м т а т и д з е . Культура и быт населения Грузии I—XIII вв., с. 124).

142. Эджиб — (из араб.) — «привратник», «церемонимейстер», а также «представитель царя» (С.-С. О р б е л и а н и . Соч., т. 4, ч. I, с. 255).

143. Исследователи замечают, что в рассказе о посещении Вахтангом Горгасалом Палестины сохранились отзвуки о хождениях грузинских пилигримов в Иерусалим в IV—V вв., при этом указанное явление было настолько развито в грузинском обществе того периода, что авторы, повествуя о Горгасале, не устояли перед соблазном приписать и ему хождение в Иерусалим (см. Л. В. М е н а б д е . Очаги древнегрузинской литературы, II. Тбилиси, 1980, с. 79—80; на груз. яз.). Еще Н. Я. М а р р , указывая на историческое значение комментируемого контекста, писал: «На несомненном факте раннего паломничества грузин в Иерусалим основан эпизод о путешествии грузинского царя Вахтанга Горгасала в св. Град в V веке в легендарном о нем сказании, внесенном в Грузинские летописи» (Н. Я. М а р р . Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г...., с. 4, примеч. I). К. С. К е к е л и д з е также отмечал, что легенда о посещении Вахтангом Горгасалом «святого града» в V в. основана лишь «на несомненном факте паломничества грузин в Иерусалим» (К. С. К е к е л и д з е . Этюды, т. IV, с. 359).

144. Раненая дорога, очевидно, что это одна из важных стратегических трасс, связывавших замкнутую в горах Картли с внешним миром. Надо думать, что по названному маршруту осуществлялись связи Восточной Грузии с Ираном не только в период правления Сасанидов, но значительно ранее. Позднее в грузинских источниках не

упоминается, вероятно, ввиду перемещения стратегических путей после завоевания Ирана арабами.

145. Урха — иначе — Эдесса, город в Сирии, один из центров христианской религии на Востоке.

146. Отголоски арабо-иранских войн в первые годы хиджры, один из существенных анахронизмов в ЖВГ.

147. Основное значение данного сообщения — указание на представления в Грузии раннего средневековья об особо престижных товарах.

148. Следует отметить, что даже автор ЖВГ, столь свободно чувствующий себя в преувеличениях, в данном случае передает верные представления своих соотечественников о кровопролитных войнах персов с арабами (последняя фундаментальная работа на эту тему: А. И. Колесников. Завоевание Ирана арабами в VII—VIII веках. М., 1983).

149. Четыре знатных — речь идет о легендарных вельможах Вахтанга Горгасала — Артавазде, Насре, Бивритиане и Саурмаге (с. 185—186).

150. В оригинале *мона* — букв. «раб», в грузинской литературе вплоть до ее расцвета являлся термином многозначным, но, в общем, означал служилую часть населения, а как поэтический образ — и вассальную знать. *Мона* составляли основную часть не только трудового населения, но и основной контингент военного ополчения (см. К. А. Чхата райшвили. Очерки по истории военного дела в феодальной Грузии, с. 47 и др.). В ЖВГ бросается в глаза обилие пленников, которые обычно именуются рабами (*мона*). Исследователи в этом видят верное отражение той большой роли, какую играли пленники, превращаемые затем в *мона*, в экономической жизни Картли и строительных мероприятиях местных правителей (см. Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 430—432 и др.).

151. Синдила, Топори, Кимрам — указанные города локализации не поддаются. Синдила, может быть, образован на основе названия «страны Синдов», поэтому, возможно, вымышлено самим автором ЖВГ. Что же касается других, то ввиду их элементарного звукового набора они, скорее всего, представляют собой до неузнаваемости искаженные названия, восходящие к каким-то источникам.

152. Версия об «арабском» происхождении курдов — одна из многочисленных легенд о предках курдского народа (подробный обзор источников и литературы см.: Г. В. Акопов. Арабские источники по этнической истории курдов и версии их арабского происхождения. — В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, т. III, Ереван, 1967). В мир раннесредневековой грузинской литературы эта версия могла проникнуть в результате тесного общения картлийцев с арабами Тбилисского эмирата, в культурной жизни которого, как это теперь установлено, выходцы из грузин принимали деятельное участие.

153. По исторической традиции, Вахтанг был женат на дочери византийского кесаря. Но в данном контексте упоминание об этом служит идее противопоставления Персии Византии. В тексте чувствуется верность автора ЖВГ духу изображаемого им времени, когда Вахтанг стоял на «перепутьи» политического выбора между Востоком (Персия) и Западом (Византия), будучи зависимым от Персии, что и отразилось на его дипломатическом лавировании, а не «резком» отказе. Легенда о колебаниях правящих кругов в выборе той или иной религии в раннем средневековье общеизвестны. Достаточно указать на историческую легенду в выборе религиозной политики в Киевской Руси.

154. Яркое свидетельство того, что любая оппозиция в отношении церкви духовенством расценивалась как маздеистская агентура — самое тяжкое грехопадение в представлении ортодоксов.

155. Матф. 12,20.

156. Согласно новозаветному преданию, у Христа в качестве казначея служил Иуда Искариот, названный к тому же вором (Иоанн, 12,6). Как справедливо отмечено, эта

ассоциация в сознании Джуаншера вызвана не конфликтом на догматической основе, а исключительно экономическими причинами. Вахтанг обвинял епископа Микаэла скорее всего в стяжательстве и присвоении церковного богатства (казны) (см. З. Н. Алексидзе. О конфликте между Вахтангом Горгасалом и архиепископом Микаэлом, с. 103).

157. Ср.: Христос и его двенадцать учеников. По замечанию Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 280), число тринадцать здесь имеет исключительно сакральное значение и подогнано под число апостолов евангельских преданий.

158. Светицховели — Мцхетский кафедрал, букв. «Столп Животворящий» (ср. примеч. 178), один из замечательных памятников средневековой грузинской архитектуры.

159. Хунани — по предположению исследователей (см., например, Д. Л. Мусхелишвили. Вопросы исторической географии Грузии, II, с. 43—44 и др.), стольная крепость времен правления Вахтанга Горгасала той части исторической области Гардабани в Восточном Закавказье, которая со временем вошла в состав Картлийского царства.

160. Никозская церковь — центр одного из епископатов в Картли раннего средневековья (Очерки, II, с. 98; С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, с. 20), был расположен во Внутренней (Шида) Картли.

161. Ражден — воспитатель (мамандзудзе, см. примеч. 26) супруги Вахтанга Горгасала, родом перс, перешедший в христианство в лоне грузинской церкви и затем служивший картлийскому правителю. В XII в. ему было посвящено сочинение «Мартиролог первомученика Раждена», в котором, по мнению исследователей, были использованы более древние источники, что вполне логично, судя по тому ореолу, которым он окружен в сочинении Джуаншера. По словам анонимного агиографа, Вахтанг Горгасал спустя несколько лет после умерщвления Раждена перенес его прах в возведенную им Никозскую епископскую церковь (см. примеч. 162).

162. В специальной литературе установлено, что превращение Вахтангом Горгасалом основанного в период его правления города Тбилиси в столицу Грузии является легендой. О превращении Тбилиси в стольный центр Грузии говорится лишь в «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера», как об акте сына и преемника Вахтанга Дачи (с. 105). Историческое зерно рассказа Джуаншера об основании города Тбилиси вставлено в распространенный у многих народов сюжет о находке «целительных» источников (Г. Н. Ахвледиани. Отражение исторической действительности в грузинских легендах. — В кн.: Эпические жанры. Тбилиси, 1981, с. 113 и сл., на груз. яз.; ср. В. П. Кобычев. Об одной позабытой гипотезе. — СЭ, № 4, 1983, с. 120). В легендах подобного характера нет ничего такого, что бы не могло соответствовать действительности. Другое дело, что основание Тбилиси как нового центра Грузии было приурочено к стратегически и хозяйственно перспективной местности. См. также: С. Цаишвили. Тбилиси в народном творчестве. Тбилиси, 1958, на груз. яз.).

163. Ущелье Лопотское. — Местность в Восточной Грузии. По крайней мере в период писания Джуаншером своего труда — одна из составных частей Кахети. Представляла собой укрепленную единицу с центром в виде крепости (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 62), выдвинувшимся в ходе борьбы против арабской экспансии.

164. Местность с таким названием по другим источникам неизвестна.

165. Город с таким названием локализации не поддается.

166. «Город Армази». — В изданном С. Г. Каухчишвили своде: «Разорили Тбилиси и Армази Картли». Несуразность такого предложения вполне очевидна. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 203) обратил внимание, что в ряде списков КЦ данное место читается «Тбилиси и город Армази» (Картлис цховреба. Список царицы Анны. Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, с. 138, примеч. 12). В нашем переводе мы воспроизвели указанное чтение.

167. Император Восточной Римской империи Зинон (474—491), который был не сыном Леона (Лев I, 457—474), а командиром его личной гвардии. Действительная ситуация в период правления Зинона была прямо противоположна той, о которой пишет Джуаншер. Согласно сведениям византийских авторов, в период правления Зинона была попытка установления равновесия в отношении с Ираном из-за тяжелого положения империи в западных провинциях. Известно, что Зинон даже принял практические меры для выкупа из эфталитского плена шаханшаха Пероза (484 г.), названного у Джуаншера общим династическим именем Хосро. Такая интерпретация исторических фактов автору XI в. понадобилась не случайно, она как бы завершила окончательное торжество «византинизма» в образе Вахтанга Горгасала.

168. Карнифора — укрепление в местности Кола (И. А. Джавахишвили. Соч., т. II, с. 256).

169. Дорога Картлийская — один из стратегических путей в Юго-Западной Грузии, впоследствии названный турками Гурджибогаз (И. А. Джавахишвили. Соч., II, с. 67, 70).

170. Тасискари, вар. Ташикари — один из важных пунктов в пограничной зоне Внутренней (Шида) Картли, на что указывает значение самого названия — «Ворота Таши (Таши)». Впервые встречается в сочинении Леонтия Мровели, согласно которому Шида Картли включала территорию от Тбилиси и Арагви до Ташири и Панавара (КЦ, I, с. 24).

171. Здесь нами дан буквальный перевод названия Свети (цховели), что значит Столп (животворящий). Нет сомнения в том, что Вахтанг Горгасал был похоронен по всем канонам христианских обрядов. Археологические материалы мцхетско-армазского ареала свидетельствуют, что уже с IV—V вв. в быту местного населения различных социальных слоев получили распространение погребальные обряды чисто христианского характера, хотя материалы раскопок отдельных погребений свидетельствуют и о частичном сохранении элементов дохристианских верований (см. Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт населения Грузии, I—XIII вв., с. 57 и др.).

II

1. Вполне очевидно, что в данном случае под термином «Картли» подразумевается Грузия в целом и поэтому здесь нельзя не усмотреть углубившийся к этому времени (VIII—X вв.) процесс этнической консолидации грузинских (картвельских) племен и соответствующего ему уровня самосознания автора приведенного сведения.

2. Нухпацийцы — племя в древнем Дагестане.

3. В грузинских источниках нередко встречается в основе своей греческий термин «клизура», превращавшийся также в устойчивый топоним (см. примеч. 26). В данном контексте, вероятно, переплелись факты различных хронологических уровней: во-первых, раздел объединенного, но в принципе эфемерного Картлийского царства при преемниках Вахтанга Горгасала; во-вторых, захватническая политика византийцев, стремившихся превратить территорию современной Абхазии между р. Ингури (Эгрис-цкали) и р. Келасури (Клизура) в качестве одного из плацдармов своих экспансионистских планов в Закавказье вплоть до образования Абхазского царства в конце VIII в. (ср. С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, с. 372; 3. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 37—40 и сл.).

4. Древнегрузинское название Черного моря (см. примеч. 106 ЖВГ).

5. Речь идет о разделении Грузии между сасанидским Ираном и Византией в 532 г. после запрещения персами иметь суверенного правителя в Иберии-Картли в 523 г. (Очерки, II, с. 247; С. Г. Каухчишвили. Георгика, т. 2, с. 38 и сл.). В акте раздела Грузии между Ираном и Византией важную роль играл не только географический фактор, но, прежде всего степень взаимных политических претензий великих держав, что,

естественно, не могло не отразиться на характере внутреннего развития грузинского этноса, более тяготевающего к западному (в данном случае — византийскому) миру.

6. Перед этой фразой следует (с. 203—215) обширная «вставка» с описанием деятельности «сирийских отцов» — проповедников христианства в Грузии в течение почти всего VI в. (Иован, Давид, Шио, Исе, Антоний), а также краткое повествование об обращении абхазов в целом, извлеченное из жизнеописания Шио Пещерника (Мгвимели) и сочинения Ефрема Младшего (Мцире) об обращении в христианство населения Восточного Причерноморья.

7. Возможно, что речь идет о еретических эксцессах в Грузии.

8. Вардан Мамиконян не был мтаваром, чему в армянских источниках соответствовало бы нахарар. Армянские источники именуют его спаспетом — «главнокомандующим» (см. Е г и ш е . О Вардане и войне армянской. Изд. И. А. Орбели и К. Н. Юзбашяна. Ереван, 1971). Свидетельство грузинского источника носит архаические черты — именно в древнегрузинском термин *мтавар* часто соответствовал спаспету (о полисемантности термина *мтавар*, в древнегрузинском см.: И. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка, с. 239; С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I. Тбилиси, 1965, с. 478—479, на груз. яз.); ср. примеч. 12.

9. Сообщение о дальнейшей парцелляции автономных грузинских княжеств, что, по свидетельству нашего источника, происходило при полной поддержке Византии. Упоминание в данном случае эриставов картлийских «верхних и нижних» должно указывать на владетелей распавшихся на мелкие владения Верхней (Земо) и Нижней (Квемо) Картли. Сведение об этом периоде имеется и в «Обращении Картли», но с существенной разницей и в именах, и в описании ситуации (см. А. А. Богверадзе. Политическое и социально-экономическое развитие..., с. 60—61). Это обстоятельство может быть одним из указаний независимости нашего источника от «Обращения Картли».

10. Сложное понятие в исторической литературе раннесредневековой Грузии; первоначально оно, должно быть, применялось обычно в географическом смысле: горные и равнинные субрегионы. Но по мере социально-экономической и культурной активизации Картли в целом (Грузии) понятие «Верхние» и «Нижние» все более получало культурно-историческое содержание. Но в комментируемом контексте в «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера» Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, 632) считал, что под понятиями «верхние» и «нижние» подразумеваются владетели соответственно Восточной Грузии (Картли в узком смысле) и Западной Грузии (Эгриси, Аргвети) и нижнего течения р. Эгрис-цкали.

11. **Гуарам** — один из крупных политических деятелей 2-й половины VI в., фактический объединитель Грузии на недолгое время, как об этом засвидетельствовано в «Обращении Картли» (см. Очерки, II, с. 270—271). Византийский историк Феофан называет его вождем антииранского восстания грузин в 571 г., к которому Гуарамом были привлечены народы Северного Кавказа. Византийским императором было присвоено ему высшее звание куропалата (см.: С. Г. Каухчишвили. Георгика, III, с. 257; Очерки, II, с. 271; ср. С. Б. Ковалевская. Кавказ и аланы. М., 1984, с. 132 и сл.).

12. Дословно — **Церковь Креста** — известный памятник раннесредневекового грузинского зодчества Мцхетской Джвари.

13. В данном случае термин *мтавар* необходимо переводить в его прямом лексическом значении — «глава»; ср. примеч. 8.

14. Речь идет о захвате персами Иерусалима в 614 г., описанном христианско-арабским автором Антиохом Стратигом, труд которого полностью сохранился лишь в грузинском переводе с арабского (см. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Я. Марр. СПб., 1909, с. 11—12 и др.; см. также: Н. В. Пигулевская. Византия и Иран...).

15. Центральная крепость (акрополь) Тбилиси.

16. Имеется в виду византийский император Ираклий (610—641), который отвоевал Иерусалим у персов и освободил «Древо Жизни» (с. 227); см. примеч. 13.

17. Весь предыдущий пассаж представляет собой сжатый пересказ библейской легенды о видении пророка Даниила об овне и козле (ср. Дан. VIII). Описанный в грузинском источнике эпизод взятия Тбилиси, врагами имеет соответствие и в труде древнеармянского историка Мовсеса Каганкатваца (X в.) (см. его: История страны Агванк. Ереван, 1983, на арм. яз.; см. также: Очерки, II, с. 280—281).

18. **Адарнасе** — один из выдающихся деятелей раннесредневековой Грузии, современник византийского императора Ираклия (610—641). Автор нашего источника называет Адарнасе «объединителем всей Грузии», строителем церквей и т. п.

19. Очевидно, указание на внутррелигиозные течения в грузинской церкви.

20. Как видно из древнего цикла свода КЦ, в раннесредневековой Грузии (особенно — Восточной) «святой первомученик» Стефан, один из ранних проповедников христианства (см. Деяния, гл. VI и гл. VII). Пользовался особым почитанием в раннехристианской Грузии, на что указывает и широкое распространение в Грузии той эпохи самого имени Стефан, затем вытесненного из антропонимического репертуара духовной и светской элиты грузин, ввиду активного распространения имен местных святых.

21. По нашему мнению (см. выше: Введение), здесь завершается первая часть «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера», затем начинается ее вторая часть.

22. Искусственная этимология, между прочим, свидетельствующая о знании грузинским автором греческого языка, откуда и заимствовано (*kinos* — «собака»). В действительности, как известно, в основе данного термина лежит арабское слово *sark* «восток» (ср. примеч. 29).

23. Во всем этом рассказе элементы, видимо, подлинных реалий смешаны с легендарными сведениями, вероятно, жившими в устной традиции тех кругов грузинского общества, в которых вращался автор данного источника. Кроме того, в списках свода КЦ XVIII в. после слов: «Арчил также вступил в Эгриси» следует «вставка», очевидно, восходящая к древней традиции: «В пору пребывания там (в Эгриси. — Г. Ц.); помер Стефаноз, эристав картлийский, и вместо него царем (*sic!*) стал сын его Мир» (КЦ, I, с. 233, примеч. 1).

24. **Эшим** — грузинская форма имени халифа Хишама (724—743); один из выдающихся правителей Халифата. В грузинских источниках он именован чисто арабским титулом амир ал-му'менин — «предводитель правоверных». В правлении Хишама участились набеги хазар в Закавказье и рост здесь их поселений (К. Э. Б о с в о р т . Мусульманские династии., с. 29; В. Ф. М и н о р с к и й . История Ширвана и Дербенда, с. 37).

25. **Абдал-мелик Багдадский** — Абд ал-Малик-халиф (685—705). Дана неточная генеалогия Хишама (см. примеч. 23). Между двумя этими халифами государством правили четыре правителя: ал-Валид I (705—715), Сулайман (715—717), Умар ибн Абд ал-Азиз (717—720) и Йазид II (720—724)) (см. К. Э. Б о с в о р т . Указ. соч., с. 29). Очевидно, что грузинская историческая традиция объединила двух названных в начале этого примечания представителей династии Омейядов, как сыгравших наиболее видную роль в исторических событиях Грузии в первой половине VIII в.

26. **Мурван Глухой** (груз. Мурван Кру) — Марван бен Мухаммад (см. выше, Введение). Наместник халифа на Кавказе и будущий правитель Халифата. В период деятельности на Кавказе, согласно арабскому автору Баладзури, в результате удачного нападения на славян, живших в стране хазар, переселил 20 тысяч их семейств в Кахети (В. Ф. М и н о р с к и й , Указ. соч., с. 146). Известно, что Западная Грузия не была ареной деятельности лично Марвана. Здесь, вероятно, действовали отдельные отряды его войска, а автор грузинской хроники отразил представления об обширной деятельности будущего могущественного халифа. Сведения грузинского автора о вторжении в Абхазию

подтверждается и сообщением из «Хронографии» Феофана (см. С. Г. Зетейшвили. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 82), поэтому сомнения С. Г. Зетейшвили (там же, с. 85) относительно достоверности сведения византийского хрониста, думается, не имеют оснований.

27. «Стена Клисурь» — развалины указанной «порубежной стены Клисурь» сохранились до сих пор. Судя по контексту нашего источника, а именно то, что арабы прошли эту стену вслед за тем как разгромили Цихе-Годжи и при этом не указаны ни промежуточные какие-либо объекты, ни какие-либо прочие препятствия, стена должна была быть порубежной между частью древнеабхазских объединений и территорией, входящей во ведение (или контроль) сидевшего в Цихе-Годжи правителя.

28. Собгиси — крепость на перевалочном пути между Аланией и территорией древней Абхазии. Исследователи предположительно локализуют в районе Клухорского перевала (совр. Карачаевско-Черкесская АО) (см. З. В. Анчабадзе. Указ соч.; З. В. Анчабадзе, Т. Д. Боцвадзе, Г. Д. Тогошвили, М. Н. Цинцадзе. Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1969, на груз. яз.). Источники свидетельствуют (см. С. Г. Зетейшвили. Указ. соч., с. 82 и сл.), что отношения между абазгами и аланами носили не только воинственный характер, но и мирный. Крепость Собгиси могла быть опорным пунктом не только в условиях военных действий между названными народами, но и мирных, как пункт различных видов обмена. В этом отношении примечательно, что грузинские источники, единственные информаторы о Собгиси, фактически ничего не говорят, кому принадлежала эта крепость — овсам-аланам или абазгам-абхазам. Указание на то, что она находилась на «Овсетском перевале», по существу неопределенно, так как могло означать и «на пути в Овсети». Те же грузинские источники указывают, что в критические моменты крепостью, как убежищем, пользовались и владельцы Абхазии. Упомянутые: Анакопия — абхазское (абазское) название местности в районе совр. Н. Афона (Абх. АССР); Цхуми — основа современного названия г. Сухуми, восходит к древнесванскому «цхуми» — «граб» (см. Г. А. Мелкишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, с. 64—66).

28а. В списках КЦ и издании С. Г. Каухчишвили: *гуджарни ткависани* — «свинцовые грамоты». М. Броссе и Е. С. Такайшвили предполагали, что следует читать — *тквависани* (букв. — кожаные).

29. В оригинале *тадзреули*, один из социальных терминов высокого порядка в раннесредневековой Грузии.

30. Один из апокрифов, принадлежащий, скорее всего автору нашего источника. В основе лежит библейское сказание об Агари, наложнице Авраама, родившей ему Измаила и которая была изгнана его «законной супругой» Сарой (Быт. гл. XVI. Ср. также примеч. 21). Каков бы ни был источник противопоставления мусульман «служителям церкви» (христианам) с ссылкой на Коран, в котором, как известно, наоборот, говорится о терпимости к «народам книги» (иудеям и христианам), в нем отражена политика религиозной нетерпимости мусульманства, обострившейся в период активизации военной экспансии ислама.

31. В действительности этимология гидронима Абаша до сих пор остается неясной. Гидроним Цхенис-цкали — досл. «Лошадиная река» по своему смыслу совпадает с встречающимися в грекоязычных источниках древности.

32. Очевидно, это был один из примитивных приемов арабской кавалерии в аналогичных условиях.

33. Здесь мы снова встречаем случай, когда под термином «Картли» (так в оригинале!) подразумевается Грузия в целом.

34. Под этим именем, скорее всего надо подразумевать Леона I, непосредственного предшественника (отца?) Леона II — основателя Абхазского царства с центром в Кутаиси.

35. Очевидно, что в данном случае автор Хроники ориентировался на текст ЖВГ.

36. Этот контекст звучит, как ультиматум Абхазскому эриставу, который успешно соперничал в своем регионе с могущественной империей; ближайшие преемники эристава основали Абхазское царство (рубеж VIII—IX вв.). Все это стало серьезным препятствием на пути гегемонии византийцев в Грузии. По словам Феофана Хронографа, когда Юстиниан II (685—695, 705—711) в начале VIII в. отправил на Кавказ своего спафария и будущего императора Льва III Исавра, уведомлял абазгов: «Если вы сохраните нашего спафария и отпустите его, не причинив вреда, мы простим вам все ваши прегрешения» (С. Г. З е т е й ш в и л и . Указ. соч., с. 83). Смутное свидетельство грузинского источника, а главное пути развития Западной Грузии и место в ней Абхазского княжества вполне могут указывать на характер тех «прегрешений», о которых говорилось в эпистоле византийского императора.

37. Налицо анахронизм; шах Ирана Пероз погиб в войне с эфталитами в 484 г., а его современникам в Картли неизвестен правитель по имени Мириан. Здесь скорее всего содержится памятный для картлийцев период правления Пероза в Иране (458—484).

38. Весь этот текст, выделенный в отдельный абзац, может быть позднейшей глоссой, внесенной в источник не ранее XI в. Ее автор ставит целью обосновать местные политические традиции для подтверждения юридических прав грузинских сепаратистских князей на их владения.

39. Термин «хеви» в данном случае следует понимать как «округ» (по типу армянского гавар).

40. Надо думать, что эта фраза, с определенным политическим смыслом, составлена в период, когда начатое правителями Абхазского царства политическое объединение Грузии прошло свой сложный путь и стало совершившимся фактом.

41. В данном контексте под термином «Картли» должна подразумеваться Восточная Грузия, так как она упоминается параллельно с Западной Грузией — «от Эгриси до Шорапани».

42. Это указание на легендарную генеалогию грузинских Багратидов имеет нюанс, отличающий его от аналогичных сведений ЖВГ.

43. В оригинале тадзреули, ср. примеч. 29.

44. В оригинале: касри (из араб.).

45. В оригинале — мтаваров.

46. Цукети — местность в Восточной Грузии. Одно из ранних сведений об объединении горцев Иберии-Картли в этнографическую группу Восточной Грузии.

47. В списке Чалашвили свода КЦ — Джизар.

48. Далее следует жизнеописание Арчила, а затем — «Летопись Картли», начало которой редакторами КЦ подогнано к названному описанию мученичества картлийского правителя.

СОКРАЩЕНИЯ

ВВ — «Византийский временник». Л., М.

ВДИ — «Вестник древней истории». М.

ВИГ — «Вопросы истории Грузии».

ДГИЛ — «Древнегрузинская историческая литература».

ЖВГ — «Жизнь Вахтанга Горгасала».

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.

ЗВОРАО — «Записки восточного отделения Имп. русского археологического общества». СПб., Пг.

ИГН — «История грузинского народа».

ИДГ — «К истории древней Грузии».
ИЕСОЯ — «Историко-этимологический словарь осетинского языка».
ИФЖ — «Историко-филологический журнал». Ереван.
ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР.
КЦ — «Картлис цховреба».
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис.
СЭ — «Советская этнография». М.
ХВ — «Христианский Восток». Спб., Пг.

JUANSHER JUANSHERIANI THE LIFE OF VAKHTANG GORGASAL

Summary

The origins of this monument of ancient Georgian literature dates back to the 11th century. The central figure of the story is Vakhtang Gorgasal — one of the prominent figures of ancient Georgia — who lived in the second half of the 5th century A. D. The fact that the author wrote about events which had happened six centuries earlier, has naturally influenced the contents of his work. It abounds in anachronisms, and various mistakes, and historical facts are sometimes confused. More than this, the author sometimes gives free rein to his imagination. Therefore it is no wonder that "The Life of Vakhtang Gorgasal" was not considered by many critical historians as a reliable source of information. However, recent studies in interpretation of historical sources have achieved a significant success and thus it has become possible to find a kernel of truth even in the most "fantastic" ideas about the remote past. During recent decades many scholars (both in Georgia and outside its boundaries) came to the conclusion that his monument of ancient Georgian literature must be investigated more seriously and in more details. As a result of such investigations it was discovered that considerable amount of information contained in this monument stands the test of control sources of both Georgian and non-Georgian origin. Such a result is very important, the more so that the period to which this work is devoted as well as the time when it was written are rather poor in written sources reflecting the history of the peoples of USSR as a whole and the Caucasus in particular.

This is the first time that this work of Juansher has been translated into Russian. The translation is supplemented by a preface — "Juansher Juansheriani and his historical work"—and by detailed comments. It is also the first time that the so called "historical chronicle" of pseudo-Juansher is published separately in appendix. This piece of ancient Georgian literature has been detached from the traditionally established text of Juansher's work. The appendix is also supplied by the comments.

The translation is done from the critically verified text (*textus receptus*) of "Kartlis Tskhovreba" (The History of Georgia), vol. I. Prepared for edition by S. G. Kaukhchishvili. Tbilisi, 1955, in the ancient Georgian language, pp. 139—244.